ЮРІЙ НОВОСЕЛОВЪ

ЛАТЫШИ

СОДЕРЖАНІЕ.

ИЗДАНІЕ А. И. КУЗНЕЦОВА

ЮРІЙ НОВОСЕЛОВЪ.

ЛАТЫШИ.

Очерки по этнографіи и современной культурѣ латышей.

Рига, 1911 г.

Изданіе А. И. Кузнецова.

Содержаніе.

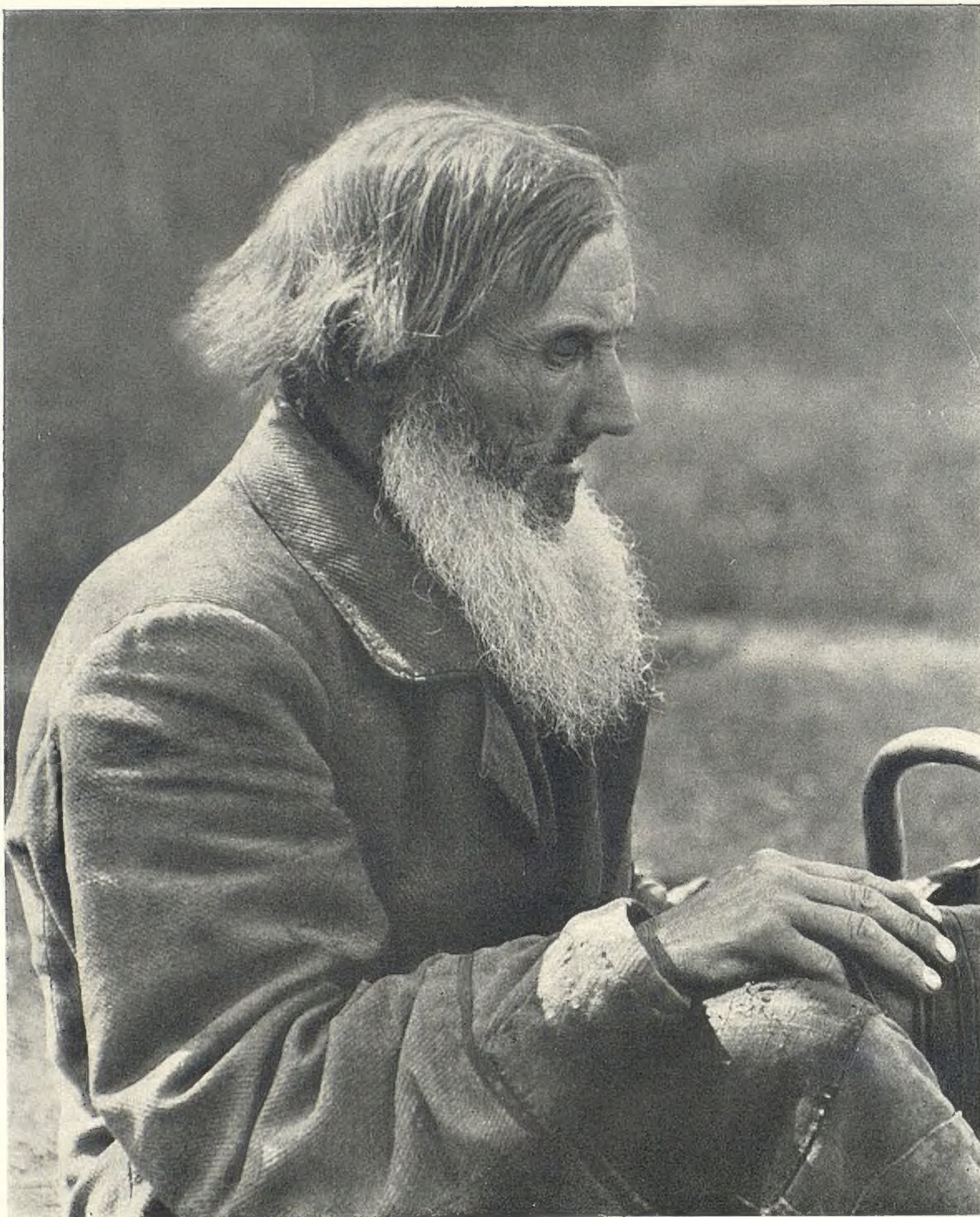
Этнографическій отдѣлъ подъ редакціей и съ примѣчаніями **М. Силиня,** завѣдующаго этнографическимъ музеемъ Рижскаго Латышскаго Общества :: ::

Фотографіи И. Рѣкста, А. Мальвеса, А. И. Кузнецова и автора :: ::

„Каждая національность, даже самая маленькая, дѣлаетъ свой вкладъ въ сокровищницу человѣческаго духа“.

Проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

ЛАТЫШЪ-СТАРИКЪ
КУРЛЯНДСКОЙ ГУБ.
фот. РѢКСТЪ.

Введеніе.

Латышъ — прирожденный земледѣлецъ. Латыши и русскій народъ. Число латышей и территорія ихъ обитанія. Антропологическія особенности. Языкъ. Важнѣйшіе историческіе моменты въ связи съ земельнымъ вопросомъ.

ЛАТЫШИ лифл. губ. Ф. автора.

„Съ болью въ сердцѣ и тяжелымъ чувствомъ привожу я своихъ читателей къ тихимъ, обросшимъ мохомъ хижинамъ несчастья“. . . Такими словами начиналъ свое повѣствованіе о латышахъ историкъ 100 лѣтъ тому назадъ.

Въ настоящее время русскому человѣку, пріѣхавшему изъ центральной Россіи въ латышскій край, такія слова могутъ показаться ироніей. Жилище, поля, скотъ, самая одежда латышей — все это вмѣстѣ взятое представится ему благосостояніемъ послѣ видѣннаго у себя на родинѣ.

Латышамъ, какъ народу, никогда не приходилось играть въ исторіи видной роли. Вся жизнь латышей протекала въ мирномъ трудѣ около земли, и всѣ ихъ интересы всегда сводились къ землѣ.

Поэтому тяготѣніе къ землѣ и борьба за нее, какъ мы увидимъ, проходятъ красной нитью по всей исторіи латышскаго народа. Латышъ не коммерсантъ, не ремесленникъ, не мореплаватель, военная слава его не прельщаетъ, латышъ — прирожденный земледѣлецъ, и въ справедливости такого заключенія можно убѣдиться по без-

конечнымъ и прекраснымъ латышскимъ народнымъ пѣснямъ, по загадкамъ, поговоркамъ и другимъ произведеніямъ народнаго творчества.

Для Россіи, какъ страны чисто земледѣльческой, этотъ народъ заслуживаетъ особаго къ себѣ вниманія, тѣмъ болѣе, что,

ЛАТЫШКА ковенской губ. Ф. автора.

какъ мы увидимъ ниже, въ племенномъ отношеніи онъ является очень близкимъ родственникомъ русскому.

Въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются мѣста, говорящія о враждебномъ отношеніи латышей къ русскимъ, напримѣръ: „Я хотѣлъ бы русскую землю выжечь синимъ огнемъ“.

Но большинство произведеній народнаго творчества свидѣтельствуетъ скорѣе объ исконныхъ дружескихъ отношеніяхъ и даже родственныхъ связяхъ латышей съ русскими.

„За русскаго отдамъ я свою сестрицу.
Въ Россію ли я поѣду — у меня родня“.
„На что мнѣ дѣлать то, что уже сдѣлано:
Русскій вытесалъ мнѣ жерновъ“.

По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, напр., A. Bielenstein'a, латыши являются коренными обитателями Прибалтійскаго края, но вѣрнѣе предположеніе, что они, какъ и другіе арійцы, пришли изъ болѣе южныхъ странъ (М. Силинь). Необходимо тутъ же добавить, что наиболѣе древнимъ мѣстомъ обитанія латышей въ Лифляндіи считается болотистая низина Лубанскаго озера, находящагося на границѣ лифляндской и витебской губерніи (Клаустинь).

Латышей всего насчитывается немного менѣе двухъ милліоновъ. Почти всѣ они живутъ въ Россіи, причемъ большинство (1.422.000) населяетъ курляндскую губ., южную половину лифляндской, западную часть витебской губ. и сѣверную часть ковенской губ. Въ незначительномъ числѣ латыши живутъ въ псковской губ., въ Польскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Сибири и въ Средней Азіи. За послѣднее время они стали селиться и въ другихъ мѣстахъ Россіи, а также выселяться въ Ю. Америку. Въ Пруссіи латышей насчитывается всего лишь около 2-хъ тысячъ.

Черепа изъ могильниковъ латышскаго края. (МУЗЕЙ Рижск. Лат. Общества). Ф. автора.

На основаніи данныхъ антропологіи, и главнымъ образомъ по языку, латыши причисляются къ литовскому племени.

Латышъ — средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія; волосы русые, гладкіе, рѣдко вьющіеся, причемъ рыжіе и черные почти не встрѣчаются; лицо овальной формы, лобъ высокій, носъ прямой и часто длинный.

Но среди латышей попадаются лица совсѣмъ иного типа: съ выдающимися скулами, съ широкимъ угловатымъ лицомъ, съ волосами каштановаго цвѣта. Латыши перваго типа являются представителями литовскаго племени, вторые — потомки ливовъ, народа финскаго племени, сохранившагося до сихъ поръ въ болѣе или

менѣе чистомъ видѣ лишь на Курляндскомъ побережьѣ, около мыса Домеснеса, въ количествѣ 2—3 тысячъ человѣкъ.

Несомнѣнно, что раньше ливы жили во многихъ мѣстахъ нынѣшняго обитанія латышей, напр., по всей сѣв. Курляндіи, около Риги, Лемзаля, Зегевольда. На это имѣются очень опредѣленныя историческія указанія, а ливскія наименованія многихъ мѣстностей еще болѣе это подтверждаютъ. Ливскій народъ, давшій названіе Лифляндіи, не могъ исчезнуть съ лица земли въ такой короткій для исторіи промежутокъ времени: отъ прихода нѣмцевъ до нашихъ дней; а просто ливы, какъ народъ, уступавшій по численности латышамъ, ассимилировались съ послѣдними, усвоивъ ихъ языкъ. Но въ то же время ливы сохранили свои привычки, вѣрованія и многое въ домашнемъ быту, такъ что теперь среди латышей - литовцевъ нетрудно распознать латышей - финновъ не только по типу и особенностямъ языка, но по всему укладу жизни и по характеру.

Латышъ-финнъ лифл. губ. Ф. автора.

Латышскій языкъ вмѣстѣ съ литовскимъ и вымершимъ древне - прусскимъ составляетъ отдѣльную отрасль индоевропейскихъ языковъ; группу эту обычно называютъ „балтійской“.

Изъ всѣхъ индоевропейскихъ языковъ „балтійская группа“ стоитъ ближе всего къ славянскимъ языкамъ. На это родство указываетъ общность корней латышскихъ и русскихъ словъ. Напримѣръ: *дать* — **duot,** *день* — **diena,** *три* — **tris,** *четыре* — **četri.**

Можно установить даже законы перехода однихъ звуковъ въ другіе. Такъ звукъ *у* корней русскихъ словъ въ латышскихъ переходитъ въ **au**, *х* въ **s**. Напримѣръ: др*у*гъ — dr**au**gs, *ух*о — **auss**, с*ух*ой — **sauss**. Латышскій языкъ различаетъ русскія *ѣ* и *е*. *Е* неизмѣнно для обоихъ языковъ: ч*е*тыре—č**e**tri, а русской буквѣ *ѣ* соотвѣтствуетъ въ латышскомъ языкѣ **ai** или **ie**: голов*ѣ* —galv**ai**, сн*ѣ*гъ — sn**ie**gs.

До прихода нѣмцевъ латыши не составляли одного общаго государства, а жили разбросанно среди болотъ и лѣсовъ, подъ управленіемъ своихъ родоначальниковъ: князей (kungs), бояръ (bajars). Съ начала XIII столѣтія, когда Прибалтійскій край подпалъ подъ власть нѣмцевъ, наступаетъ новая эра въ жизни латышскаго народа. Крестоносцы — завоеватели страны — вмѣстѣ съ насажденіемъ христіанства совершенно поработили*) населеніе. Даже папы, проповѣдывавшіе крестовые походы, высказывались противъ притѣсненія и грозили отлученіемъ отъ церкви за насильственныя дѣйствія; но ничто не помогало, и къ концу XV столѣтія все мѣстное населеніе сдѣлалось полною собственностью пришельцевъ**). Съ того времени туземцы стали именоваться „крестьянами“ (Bauer, Paur) или „наслѣдственными людьми“ (Erbleute), а вассалы въ актахъ этого времени — „дворянами“ (Muižnieks, Hofmann, Nobilis, Adel). Противъ бѣгства и свободнаго перехода крестьянъ на другія мѣста принимались самыя крутыя и радикальныя мѣры: пойманному по-просту „отсѣкали ногу“ (проф. Ясинскій).

Когда въ концѣ XVI вѣка край подпалъ подъ власть Польши, то король Стефанъ Баторій призналъ, что крестьяне „чрезвычайно угнетены, но улучшить положеніе ихъ не былъ въ состояніи“. Шведы, смѣнившіе поляковъ, энергично принялись за реформы.

„Густавъ Адольфъ запретилъ дворянамъ налагать произвольныя взысканія на крестьянъ за разнаго рода проступки, подчинивъ ихъ юрисдикціи земскихъ судовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянамъ предоставлено

*) Крестоносцы съ помощью латышей покорили ливовъ, куровъ и семигаловъ, которые были врагами латышей. Сами же латыши не были порабощены нѣмцами, а примкнули къ послѣднимъ на основаніи договора. Силинь.

**) Латыши сдѣлались крѣпостными людьми не только нѣмецкихъ дворянъ, но и мѣстныхъ князей. Силинь.

было право жаловаться на притѣсненія и вымогательства дворянъ высшему надворному суду. Такимъ образомъ безграничной власти землевладѣльцевъ нанесенъ былъ серьезный ударъ, но всетаки этому королю не удалось провести въ жизнь всѣхъ своихъ гуманныхъ намѣреній.

Когда на престолъ вступилъ Карлъ XI, онъ указалъ дворянству на необходимость отмѣнить крѣпостное право, объявивъ его противнымъ человѣческому достоинству и христіанской религіи. Но дворянство упорно стояло за крѣпостное право, что вызвало общее негодованіе въ Швеціи, и рейхстагъ, собравшійся въ Стокгольмѣ въ 1681 г., постановилъ немедленно произвести въ краѣ *редукцію,* т. е. отобрать въ казну имѣнія, которыя, будучи пожалованы частнымъ лицамъ на правахъ леннаго владѣнія, впослѣдствіи неправильно были отчуждены или переданы по наслѣдству.

Въ редукціи видѣли единственное средство сломить противодѣйствіе дворянъ.

Пріобрѣтенныя такимъ путемъ земельныя богатства правительство стало эксплоатировать посредствомъ отдачи ихъ въ аренду, причемъ арендаторами зачастую являлись прежніе владѣльцы имѣній; но ихъ дѣйствія по отношенію къ крестьянамъ были ограничены такими условіями, которыя могутъ разсматриваться, какъ шаги къ уничтоженію крѣпостного права. Всякій произволъ въ отношеніи повинностей и сборовъ съ крестьянъ сдѣлался невозможнымъ.

Усилія правительства, казалось, увѣнчались успѣхомъ: землевладѣльческій классъ ослабленъ, дворяне обращены въ подневольныхъ арендаторовъ казенныхъ имѣній, освобожденіе крестьянъ было близко къ осуществленію. Но правительство не разсчитало своихъ силъ, такъ какъ сплоченное дворянство энергично повело борьбу съ правительствомъ, стало уклоняться отъ исполненія правилъ редукціи, ходатайствовать и протестовать".*) Но тутъ уже началась Сѣверная война, положившая конецъ шведскому владычеству.

Въ 1710 г. Остзейскій край перешелъ во власть Россіи.

„Съ самаго начала русскаго господства, лифляндское дворянство постаралось обезпечить себѣ прежнее земельное могущество.

По § 19 договора 1710 г. дворянству предоставлялось исключительное право покупки и пріема въ залогъ земельныхъ имѣній. Въ дальнѣйшемъ дворяне стали домогаться еще большихъ привилегій. Въ 1741 г. они добились указа, которымъ имъ предоставлялось исключительное право аренды казенныхъ имѣній".

Послѣдующія измѣненія въ законодательствѣ по земельному вопросу были также не въ пользу крестьянъ.

Крутой поворотъ произошелъ со времени Екатерины II.

Въ 1764 г. Императрица предприняла путешествіе по Остзейскому краю, и отъ ея вниманія не удалось скрыть крайне бѣдственнаго положенія крестьянъ. Тогда Екатерина II предложила ландтагу разсмотрѣть вопросъ „о принятіи мѣръ къ прекращенію угнетеній и разореній, причиняемыхъ крестьянамъ". Въ результатѣ чего были изданы правила 1765 года, по которымъ запрещалась продажа крестьянъ на рынкахъ и супруговъ врозь, а также было обезпечено за крестьянами право собственности на движимое имущество.

Важный шагъ къ улучшенію быта крестьянъ былъ сдѣланъ русскимъ правительствомъ при Императорѣ Александрѣ I въ 1804 г. За крестьянами было обезпечено потомственное пользованіе землею, правда, за вознагражденіе, но размѣръ его былъ урегулированъ. Положеніемъ 1819 г. была дарована крестьянамъ личная свобода, но отмѣнено положеніе 1804 г.

Ю. Самаринъ считаетъ, что освобожденіе крестьянъ въ краѣ по закону 1819 г. является ухудшеніемъ ихъ положенія. Законъ 1804 г. признавалъ нераздѣльность крестьянъ съ землей, тогда какъ въ 1819 г. эта связь была уничтожена, и крестьяне лишились правъ на землю, а вмѣсто того имъ была дарована совершенно фиктивная личная свобода.

Проводя великую идею освобожденія крестьянъ, Императоръ Александръ II въ засѣданіи Государственнаго совѣта 28-го января 1861 г. указалъ на примѣръ безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, „которое сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое".

Почему же теперь на первый взглядъ намъ русскимъ кажется, что латышскій крестьянинъ благоденствуетъ, и дѣйствительно ли это такъ? Этотъ вопросъ старался выяснить извѣстный русскій общественный дѣятель князь А. И. Васильчиковъ. („Землевѣдѣніе и земледѣліе"). Онъ говоритъ, что нѣкоторые крестьяне въ Остзейскомъ краѣ „отличаются благосостояніемъ высшимъ, чѣмъ средній уро-

*) Князь С. Мансыревъ. „Землевладѣніе въ Лифляндіи."

вень крестьянъ-общественниковъ въ Россіи; но такъ какъ рядомъ съ ними проживаютъ нѣсколько сотъ тысячъ бобылей (Lostreiber, valeenieki) и безземельныхъ батраковъ (Knechte, kalpi — холопы), то въ общей сложности, наоборотъ, выходитъ, что среднiй уровень народнаго благосостоянія въ Остзейскомъ краѣ несравненно ниже, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ". Далѣе онъ указываетъ, что германскіе ученые и публицисты, „принимая часть за цѣлое, восхваляютъ благодѣянія нѣмецкой культуры (der deutschen Cultur) и процвѣтаніе крестьянскихъ хозяйствъ точно такъ, какъ агрономы выставляютъ изъ своего поля гигантскіе колосья хлѣбовъ, не объявляя, сколько такихъ колосьевъ было въ полѣ".

Выдающійся русскій историкъ, К. Д. Кавелинъ, изъ сложившихся отношеній между нѣмцами и латышами дѣлалъ самыя печальныя предсказанія на будущее. Онъ говорилъ: „Въ Прибалтійскомъ краѣ владѣльческіе классы принесли въ жертву будущее настоящему и навязали себѣ на ноги гирю, которая будетъ затруднять ихъ развитіе и подвергать серьезнымъ опасностямъ плоды ихъ долгихъ и просвѣщенныхъ усилій".

Тотъ же историкъ искалъ пути и средства, какъ бы примирить помѣщиковъ и крестьянъ. „Можно съ полною увѣренностью сказать, — писалъ онъ — что чѣмъ самостоятельнѣе, независимѣе другъ отъ друга будутъ поставлены обѣ стороны, чѣмъ добровольнѣе, непринужденнѣе онѣ будутъ сближаться между собою подъ вліяніемъ взаимно тяготѣющихъ ихъ интересовъ, тѣмъ ихъ органическое соединеніе и сростаніе произойдетъ скорѣе и правильнѣе".

Бывшій министръ юстиціи и членъ Государственнаго Совѣта П. А. Манасеинъ, ревизовавшій въ 1882 и 83 г. Остзейскій край, назвалъ въ Высочайшемъ докладѣ эту окраину „Русской Ирландіей."

Еще не такъ давно Бордоносъ, знатокъ земельнаго вопроса въ Прибалтійскомъ краѣ, писалъ, что „число безземельныхъ крестьянъ прогрессивно возрастаетъ въ то время, какъ число дворохозяевъ остается безъ измѣненія, и что безземельные, подъ гнетомъ тяжелаго матеріальнаго положенія, даютъ изъ своей среды наибольшій процентъ преступниковъ".

И вотъ, невзирая на всѣ неблагопріятныя для латышей жизненныя условія, невзирая на печальные отзывы и роковыя предсказанія вполнѣ компетентныхъ людей, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что благосостояніе латышскаго народа всетаки растетъ.

Многое изъ того, что было вѣрно высказано о латышахъ лѣтъ 30 тому назадъ, въ настоящее время теряетъ уже силу. Такая быстрая перемѣна происходитъ на нашихъ глазахъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ просвѣщенія, проникшаго въ широкія массы населенія.

Число безземельныхъ латышей дѣйствительно, какъ говоритъ Бордоносъ, возрастаетъ, но, какъ свидѣтельствуютъ послѣднія статистическія изслѣдованія, „батраки стремятся въ города, гдѣ находятъ достаточныя средства для своего существованія на фабрикахъ и заводахъ. Кромѣ того, батраки переселяются во внутреннія губерніи, часто образуя тамъ цѣлые поселки".*)

Эти обстоятельства создаютъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ на мѣстахъ не только въ крупныхъ имѣніяхъ, но и въ крестьянскихъ усадьбахъ, и тѣмъ самымъ повышаютъ заработную плату. Нѣмецкія газеты даже бьютъ тревогу по этому поводу и призываютъ помѣщиковъ выработать мѣры „къ устраненію рабочаго кризиса въ имѣніяхъ".

Съ увеличеніемъ же оплаты сельскаго труда матеріальное положеніе батраковъ стало улучшаться настолько, что многіе изъ нихъ успѣваютъ сколотить себѣ небольшой капиталъ для покупки или аренды земли. Что же касается латышскихъ дворохозяевъ, то многіе изъ нихъ въ настоящее время обладаютъ столь значительными участками земли и пользуются такимъ благосостояніемъ, что въ народѣ они получили вѣрное и мѣткое прозвище „сѣрыхъ бароновъ".

Къ этому нужно еще добавить, что многіе латыши, разбогатѣвъ, выдаютъ себя за нѣмцевъ и всѣмъ своимъ образомъ жизни стараются подражать нѣмецкимъ дворянамъ, отъ которыхъ они отличаются лишь отсутствіемъ именитой родословной.

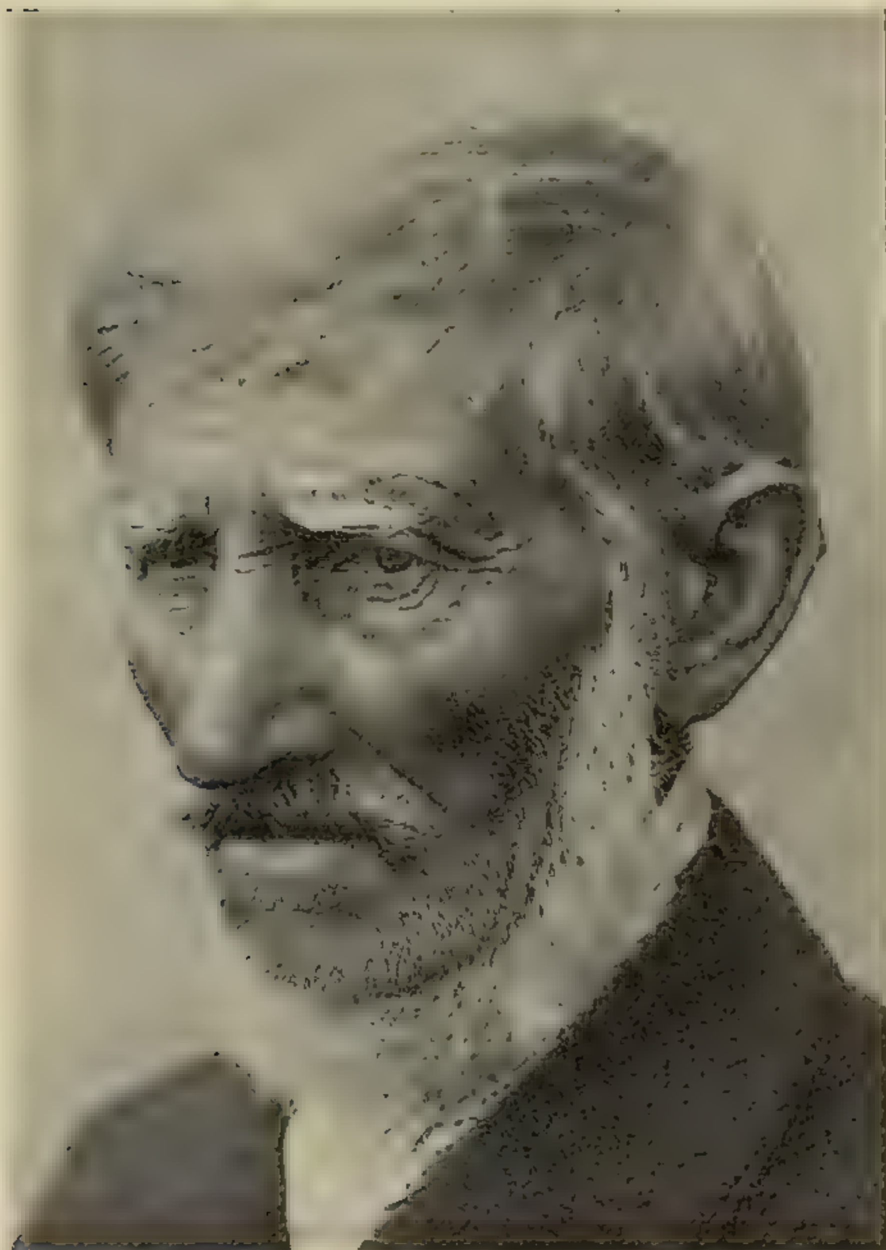
---

*) Н. М. Степановъ. „Сельско-хозяйственныя отношенія въ Курляндской губ." 1911 г.

Характеръ латышей.

Въ латышскомъ краѣ нѣтъ ни желѣза, ни каменнаго угля, ни другихъ какихъ либо ископаемыхъ богатствъ. Почва края также не отличается плодородіемъ. Поэтому здѣсь каждый кусокъ хлѣба добывается только неустаннымъ трудомъ. Этими условіями жизни и слѣдуетъ прежде всего руководиться при выясненіи характера латышскаго народа.

Нельзя также упустить изъ виду исключительно неблагопріятное для латыша теченіе историческихъ событій, лишившихъ его на 6 столѣтій*) единственной кормилицы —

ЛАТЫШЪ лифл. губ. Ф. автора.

земли, которой онъ даже не получилъ послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Отсюда проистекаютъ двѣ типичныя черты его характера: съ одной стороны трудолюбіе, съ другой недовѣрчивость. На первую черту очень опредѣленно указываютъ произведенія народной мудрости — латышскія поговорки. „Работать никогда не стыдно“, говоритъ одна изъ нихъ; другая прямо указываетъ на главное призваніе латыша: „Кто о землѣ радѣетъ, того земля питаетъ“. О второй чертѣ характера говоритъ извѣстный каждому образованному латышу писатель начала прошлаго столѣтія, Меркель. По его мнѣнію, „рабская боязливость и недовѣрчивость — это самыя выдающіяся черты въ характерѣ лифляндскаго крестьянина“.

*) Приблизительно съ введенія реформаціи.
Силинь.

Латышъ не обладаетъ особой энергіей, у него нѣтъ пламеннаго темперамента южанина, онъ типичный флегматикъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно побывать въ латышскомъ театрѣ. Зрители очень хладнокровно сидятъ при самыхъ захватывающихъ моментахъ. Даже во время пляски латыши не оживляются: „они танцуютъ, какъ бы исполняя работу, съ серьезнымъ лицомъ, съ опущенными глазами, только ноги двигаются, да слегка покачивается голова“.

Про латыша часто говорятъ, что онъ упрямъ*) и грубъ. Дѣйствительно, упрямство свойственно латышу, особенно, если онъ чувствуетъ себя правымъ; но грубымъ латышъ кажется вслѣдствіе своей природной непривѣтливости. Латышскій народъ въ своихъ пословицахъ осуждаетъ всякую грубость и считаетъ, что она можетъ причинить больше страданій, чѣмъ физическая боль: „Отъ грубаго слова больше болитъ, чѣмъ отъ оплеухи“. „Все годится для ѣды, для питья, но не все годится говорить“. Народъ также осуждаетъ насиліе: „Коли хочешь обманывай, надувай, только не бери силой“. Народная мудрость требуетъ, особенно отъ мужчины, крѣпко держаться даннаго слова: „Мужчина при данномъ словѣ, что топоръ при топорищѣ“. „Бездѣльникъ, кто обѣщаетъ, мужчина, кто исполняетъ“.

Латышъ отличается не только трудолюбіемъ, но и нетребовательностью. „Въ прихоти нѣтъ добра“, говоритъ латышская пословица. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ латышскомъ краѣ мы почти не встрѣчаемъ земледѣльцевъ другой національности. Попытки нѣмецкихъ помѣщиковъ приглашать къ себѣ въ имѣнія, взамѣнъ латышей, другихъ работниковъ, по большей части, оканчивались полной неудачей, хотя приглашались самые культурные земледѣльцы, напримѣръ, въ 1906 и 1907 г. приволжскіе нѣмцы. Послѣдніе предъявляли такія требованія относительно ѣды и отдыха, что въ концѣ концовъ ихъ пришлось снова замѣнить латышами.

Латышскій писатель Клаустинь такъ характеризуетъ свой народъ: „Бѣдность, разобщенность мѣстности заглушили общественную жизнь, сохранивъ только самую простую

*) Черта, свойственная ливамъ.
Силинь.

форму общежитія — семью. Историческія событія усилили такой порядокъ. Латышъ сталъ представителемъ разобщенной, закорузлой, трудовой семейной жизни. Семья — основа быта латышей, единственный ключъ къ пониманію психологіи народа, единственный вѣрный критерій всѣхъ явленій жизни. Въ кругу семьи латышъ — герой, мученикъ, мудрецъ, тихо-грустный семьянинъ, вдумчивый наблюдатель, если хотите — поэтъ, а главное, суровый и неутомимый работникъ. Поэзія семьянина, мораль семьянина, работа семьянина . . .

На хозяйственной жизни лежитъ рельефный отпечатокъ жизни семейной. Хозяйство — отдѣльный дворъ, на которомъ живутъ и работаютъ всѣ члены семьи и наемные рабочіе, составляющіе полный комплектъ примитивной хозяйственной организаціи. Отецъ — дворохозяинъ, мать — хозяйка, дѣти, отъ мала до велика, — работники, пастухи . . . . ."

Слѣдуя совѣту латышскаго писателя, попробуемъ заглянуть въ латышскую семью, какъ намъ рисуютъ ее народныя пѣсни.

Отецъ — глава семьи. Въ домѣ всѣ должны безпрекословно ему повиноваться. Непокорнаго сына отецъ изгонялъ изъ дому. Онъ привязывалъ ему на спину топоръ и пучекъ соломы и какъ бы тѣмъ самымъ говорилъ сыну: „Иди въ лѣсъ, строй себѣ новое жилище". Существуетъ указаніе на то, что глава семьи въ голодный годъ убивалъ слабыхъ дѣтей и дряхлыхъ стариковъ. Отецъ, занятый всецѣло хозяйственными заботами, всегда серьезенъ и не любитъ лишнихъ словъ, поэтому въ глазахъ всѣхъ домашнихъ, да и на самомъ дѣлѣ, онъ суровый властелинъ.

Душою семьи является мать. Все воспитаніе дѣтей лежитъ на матери. Даже взрослые сыновья, для которыхъ отецъ во всѣхъ своихъ поступкахъ служитъ примѣромъ, и отъ котораго въ работѣ они вполнѣ зависятъ, всетаки въ своихъ личныхъ нуждахъ обращаются за совѣтомъ къ матери и дарятъ ее своею любовью.

Въ народныхъ пѣсняхъ очень поэтично сравнивается любовь отца и матери по отношенію къ дѣтямъ:

„На травѣ роса не такъ держится,
как на клеверѣ.
Отецъ дѣтей не такъ любитъ,
какъ матушка".

Особенно сердечныя отношенія устанавливаются между матерью и дочерью. Рѣчь матери всегда ласковая и, какъ солнышко, согрѣваетъ сердце дочери. Дочь ей платитъ тѣмъ же: она жалѣетъ ее, старается дать ей покой и отдыхъ, исполняетъ вмѣсто матери всѣ трудныя работы. Въ случаѣ смерти матери, оставшись при отцѣ, дочь считаетъ себя круглой сиротой:

„Лучше бы умеръ отецъ,
Нежели матушка.
Отецъ женится на другой,
А я останусь вѣчно сиротой".

Выходя замужъ, дочь горько плачетъ, прощаясь съ горячо любимой матушкой. Замужняя дочь старается возможно чаще навѣщать мать, чтобы подѣлиться своими горестями и радостями.

Интересны въ латышской семьѣ отношенія между братомъ и сестрою. Братъ является другомъ и защитникомъ сестры. Пока сестра — дѣвушка, онъ зорко слѣдитъ, чтобы ее никто не обидѣлъ. Братья сѣютъ и даютъ сестрѣ ленъ, позволяютъ ей отлучаться отъ работы; съ помощью матери они готовятъ сестрѣ приданое и покупаютъ разныя украшенія. Красивыя и добрыя сестры — радость братьевъ, а богатые и хорошіе братья — гордость сестеръ. Если братья проявляютъ большую заботливость при выдачѣ замужъ сестры, то и сестра помогаетъ брату выбрать невѣсту, дѣвушку безупречную.

Сестры, особенно, если ихъ больше двухъ въ семьѣ, живутъ между собою не всегда мирно. Яблокомъ раздора обычно служитъ приданое матери, наслѣдницей котораго считаетъ себя старшая сестра, тогда какъ остальныя сестры желаютъ приданое матери дѣлить на равныя части.

Ссоры постоянно происходятъ между двумя замужними сестрами, живущими въ одномъ домѣ.

Между братьями, если ихъ въ семьѣ нѣсколько, любовь и согласіе нарушаются при дѣлежѣ наслѣдства.

Старшій сынъ послѣ смерти отца получалъ въ домѣ власть его. Въ народныхъ пѣсняхъ есть опредѣленныя указанія на то, что отцовскую землю дѣлили между собою всѣ сыновья, и что этотъ дѣлежъ обычно сопровождался раздорами въ семьѣ. У латышей до сихъ поръ сохранилась на этотъ счетъ пословица: „Спорятъ, точно землю собрались дѣлить".

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ также говорится, что землю получалъ старшій и младшій сынъ, тогда какъ средній долженъ былъ добывать себѣ ее самъ. Существуютъ также указанія, что землю получалъ младшій сынъ. Такую путаницу въ правахъ наслѣдства

въ народныхъ пѣсняхъ можно объяснить тѣмъ, что пѣсни собирались изъ разныхъ мѣстъ и являются отголоскомъ различныхъ эпохъ. Права же на наслѣдство могли быть не всюду одинаковы, и конечно, съ вѣками мѣнялись, даже въ одной и той же мѣстности. Несомнѣнно однако, что сыновья получали землю и почти все недвижимое имущество, а дочери приданое и „далекій путь“ (Tāļu ceļu tautiņās).

Если отецъ умиралъ, и среди дѣтей не было ни одного сына, то замужняя дочь оставалась дома, и, такимъ образомъ, въ семьѣ оказывался чужой человѣкъ — „iegatnis“*). Положеніе мужа въ домѣ своей жены было самое тягостное. Его ненавидѣли, безпричинно оскорбляли, и всѣ только и думали о томъ, какъ бы поскорѣе отъ него отдѣлаться. Такая ненависть къ чужому человѣку весьма характерна для латышей, вообще относящихся подозрительно и недружелюбно ко всему чужому.

Подобная черта латышскаго характера является отголоскомъ древнихъ вѣрованій, въ силу которыхъ посторонній человѣкъ не могъ участвовать въ молитвахъ семьи у домашняго очага, считавшагося мѣстомъ обитанія душъ умершихъ предковъ.

Главное несчастье современнаго латыша — его склонность къ водкѣ, съ которой народъ познакомился давно, пристрастился къ ней, и въ концѣ концовъ, неумѣренное потребленіе отразилось пагубно на характерѣ цѣлыхъ поколѣній. Во хмелю латышъ дѣйствительно грубъ, болѣе того, можетъ сдѣлаться, какъ говорится въ латышской пословицѣ, „свирѣпѣе звѣря“. Про горькихъ пьяницъ народная молва выражается очень рѣзко: „Пьянствуютъ такъ, что на головѣ вши лопаются“. Въ то же время народъ смотритъ на пьяницу, какъ на больного, невмѣняемаго человѣка: „Пьянаго человѣка надо стеречь, какъ ребенка“.

Темный народъ въ свое время придумывалъ даже способы борьбы съ этимъ зломъ.

*) Izgātnis = izgājeis = изгой.

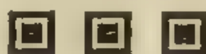
„Чтобы вызвать у пьяницы отвращеніе къ водкѣ, нужно взять монету и засунуть ее покойнику за губу, гдѣ она должна оставаться трое сутокъ. Послѣ этого слѣдуетъ вынуть монету, положить ее въ стаканъ водки и, продержавъ тамъ трое сутокъ, заставить пьяницу выпить эту водку. Тогда онъ почувствуетъ сильное отвращеніе къ крѣпкимъ напиткамъ и броситъ пить“. Можно добиться тѣхъ же результатовъ и другимъ способомъ, а именно: „Соскабливъ ножикомъ налетъ съ монеты, пролежавшей нѣкоторое время во рту покойника, дать этотъ налетъ проглотить пьяницѣ“. Народъ выдумываетъ также характерныя загадки относильно пьянства: „Что дѣлаетъ умнымъ безъ ума, сильнымъ безъ силы?“ Отгадать не трудно — водка.

Даже въ молодыхъ годахъ дѣвушки уже боялись, какъ бы не получить мужа пьяницу. Когда онѣ отправлялись въ баню, то по старинному обычаю высказывали рядъ пожеланій относительно своего суженаго: „Боже, дай мнѣ такого мужа, чтобы онъ былъ ласковъ и мягокъ, какъ паръ въ банѣ, какъ вѣникъ банный, какъ липовый листочекъ, чтобы онъ не курилъ изъ трубки, не нюхалъ табаку изъ рога, не сорилъ деньгами, не пилъ водки“.

Итакъ, характеръ и нравы латышей въ сильной степени испорчены пьянствомъ, особенно среди фабричнаго, городского и пригороднаго населенія, но въ глухихъ мѣстахъ народъ еще сохранилъ свою самобытность и остался такимъ же, какимъ его рисуютъ намъ народныя пѣсни.

Какъ ни печальна природа латышскаго края, какъ ни тяжелы для латыша вѣками сложившіяся условія жизни, тѣмъ не менѣе онъ любитъ свою родину, которую воспѣваетъ въ пѣсняхъ трогательными словами любви: „Боже, благослови латышскую землю, дорогую родину и весь Прибалтійскій край; гдѣ поютъ пѣсни латышскія дѣвушки, гдѣ собираются латышскіе парни, всѣмъ и всюду дай счастья.“

Силинь.

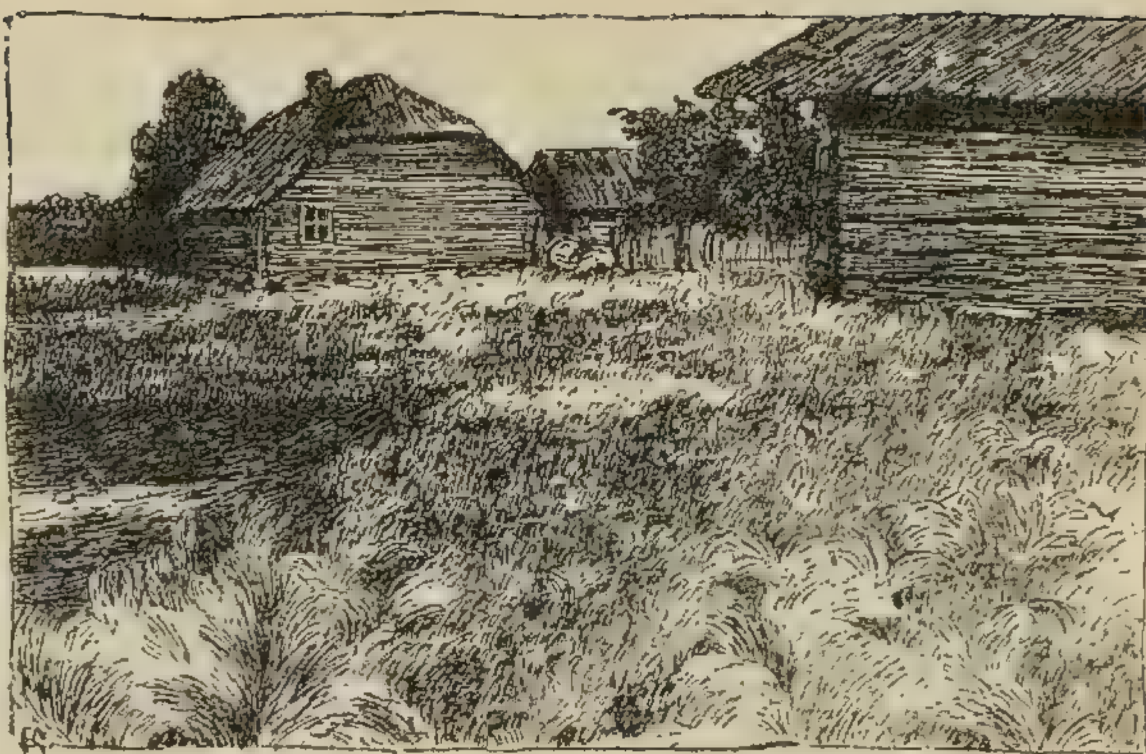

ПРАЗДНИКЪ НАКАНУНѢ
ИВАНОВА ДНЯ.
фот. И. РѢКСТЪ.

ДѢТИ
ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБ.
фот. Ю. Д. НОВОСЕЛОВА.

Жилище.

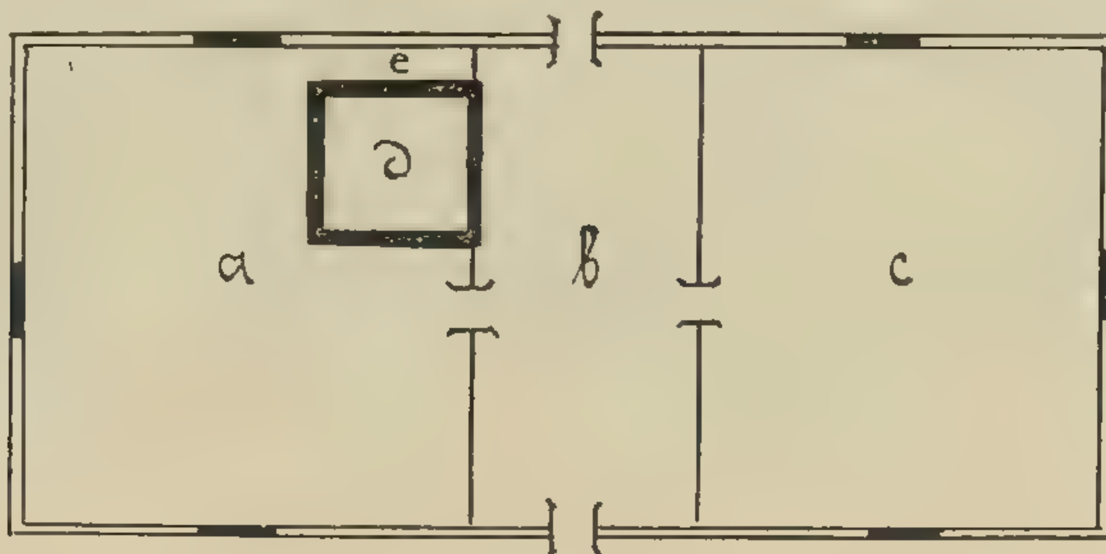

Латышскій край — страна лѣсовъ и болотъ. Въ курляндской губ. теперь подъ лѣсомъ находится 880 тысячъ десятинъ, т. е. 1/3 всего пространства, а болота составляютъ главный процентъ непригодной для обработки земли, которой въ губерніи насчитывается до 260 тысячъ десятинъ. Лифляндская губ. въ этомъ отношеніи мало отличается отъ курляндской. Но прежде лѣса въ латышскомъ краѣ было гораздо больше; во многихъ мѣстахъ онъ тянулся на десятки верстъ безъ признаковъ человѣческой жизни. Остатки дѣвственнаго лѣса мы встрѣчаемъ и теперь еще въ лифляндской губ. у Маріенгаузена.

Въ силу такихъ природныхъ условій края латыши издавна принуждены были селиться разбросанно, отдѣльными мызами, или усадьбами. Въ настоящее время усадьбы другъ отъ друга находятся на разстояніи одной или нѣсколькихъ верстъ, а прежде онѣ были еще рѣже.

Въ старину курляндская усадьба сильно отличалась отъ лифляндской. Разница эта заключалась въ томъ, что въ лифляндскомъ домѣ подъ одной крышей съ жилищемъ людей находилась клѣть, хлѣвъ, рига и другія службы, тогда какъ въ Курляндіи всѣ службы были построены особнякомъ.

Разсмотримъ сначала жилище латыша-курляндца.

Планъ жилища курляндской губ.

Въ ту пору, когда латышъ не имѣлъ своей земли, а долженъ былъ работать только на помѣщика, домъ его былъ весьма несложенъ. Все жилище раздѣлялось длиннымъ коридоромъ (*b*) на двѣ половины: жилую комнату (*a*) и кладовую (*c*)*).

Коридоръ былъ безъ потолка и имѣлъ только крышу. Изъ коридора вели 4 двери: одна въ жилую половину, другая въ кладовую; входная дверь находилась съ одной стороны коридора, а противоположная ей выходила во дворъ усадьбы или въ огородъ.

Въ жилой комнатѣ помѣщалась громадная печь*) (*d*), которая не имѣла трубы, а дымъ выходилъ наружу прямо черезъ отверстіе въ потолкѣ и въ крышѣ, отчего все жилище внутри было черно отъ копоти**).

*) Такія постройки и теперь еще сохранились въ курляндской губ. въ крестьянскихъ усадьбахъ и, главнымъ образомъ, въ казенныхъ мызахъ. Силинь.

*) Промежутокъ (*e*) между стѣною и печью считался святымъ мѣстомъ. Сюда обычно клали больныхъ. Силинь.

**) Копоть въ домѣ происходила отъ лучины, которой освѣщалось жилое помѣщеніе. Силинь.

Окна были небольшія, квадратной формы, полъ глиняный. Самое жилище строилось на каменномъ фундаментѣ. Матеріаломъ для постройки служила сосна или ель; бревна совершенно не обтесывались*) и сохраняли какъ снаружи, такъ и внутри круглую форму. Крыша дома была соломенная или изъ драницы, подъ которую подкладывалась еловая кора для меньшей водопроницаемости. Двери имѣли высокіе пороги.

Если у хозяина были еще работники, то въ прежнее время они спали вмѣстѣ съ хозяевами въ одной общей комнатѣ.

Съ теченіемъ времени, когда латышъ сдѣлался арендаторомъ земли, и ему приходилось держать больше батраковъ, то для нихъ въ домѣ было выдѣлено особое помѣщеніе. Жилая часть дома была раздѣлена пополамъ, и работники помѣстились въ комнатѣ, прилегавшей къ коридору*). Послѣдній разгородили на три части: сѣни, кухню и кладовую. Появились дымовыя трубы. Бревна, изъ которыхъ строили домъ, начали внутри обтесывать, стѣны и потолокъ — бѣлить известью. Кромѣ того, въ жиломъ помѣщеніи стали настилать деревянные полы.

Со временъ полнаго раскрѣпощенія крестьянъ, когда уже среди латышей образовались зажиточные собственники земли, домъ сдѣлался обширнѣе, и планъ его еще сложнѣе. Нѣкоторые дома теперь строятся изъ

Старый домъ лифляндской губ. Ф. автора.

кирпича и покрываются черепицей. Помѣщеніе для рабочихъ перенесено на противоположную сторону отъ хозяевъ, а самое жилище хозяевъ раздѣлено на нѣсколько комнатъ по типу городскихъ квартиръ.

Жилище латыша-лифляндца, какъ было сказано выше, заключало въ себѣ помѣщеніе для людей, хлѣвъ и всѣ службы.

Въ старину центральную часть такого дома занимала „рига“, а по бокамъ ея находилось съ одной стороны гумно (кульсъ), гдѣ молотили хлѣбъ, а съ другой — помѣщеніе для людей. Въ ригѣ устроена была огромная печь, и хозяева зимой иногда спали здѣсь. Съ боковъ и съ передней стороны къ дому пристраивали хлѣвъ и дѣлали навѣсъ для складыванія земледѣльческихъ орудій и различныхъ малоцѣнныхъ предметовъ домашняго обихода.

Съ теченіемъ времени домъ этотъ, какъ и курляндскій, усложнился.

Рига, гдѣ помѣщалась печь, подѣлилась на двѣ части: на переднюю и кладовую. Амбаръ (кульсъ) былъ приспособленъ подъ жилище для рабочихъ. Дальнѣйшее улучшеніе лифляндскаго дома шло подобно курлянд-

*) Если и употреблялись необтесанныя балки, то очень давно. Во всякомъ случаѣ на памяти восьмидесятилѣтнихъ стариковъ этого не было.

Силинь.

*) Ни комнату, ни избу не дѣлили, а пристраивали на концѣ жилища особыя каморки (kambaris), чаще всего двѣ рядомъ.

Силинь.

Современный домъ лифляндской губ. Ф. автора.

Старый домъ гернгутеровъ въ лифл. губ. Ф. А. Мальвесъ.

Планъ жилища лифляндской губ.

скому, при чемъ службы начали строить отдѣльно отъ жилого дома.

Въ Курляндіи баня строилась при каждой усадьбѣ, а въ Лифляндіи — не вездѣ. Мѣсто, гдѣ она помѣщалась, явствуетъ изъ латышской загадки — „безстыдница на концѣ двора".

Невзирая на то, что современное жилище латыша усложнилось, и, какъ внѣшній, такъ и внутренній видъ его сильно измѣнился, всетаки можно почти въ каждомъ новомъ домѣ отыскать основныя черты старинной латышской постройки. Кромѣ того, встрѣчаются еще до сихъ поръ старые дома, являющіеся переходной стадіей отъ стараго времени къ новому. Особаго вниманія заслуживаютъ уцѣлѣвшія отдѣльныя части старинныхъ построекъ, напримѣръ: входныя, двойныя двери, которыя можно встрѣтить еще повсемѣстно въ краѣ; онѣ отпираются отдѣльно въ верхней своей части и въ нижней. Верхняя половина приспособлена для выхода дыма, скоплявшагося въ курной избѣ.

Что касается прежняго внутренняго убранства домовъ и старинныхъ предметовъ домашняго обихода, то объ этомъ даютъ намъ ясное представленіе образцы, собранные въ рижскомъ латышскомъ этнографическомъ музеѣ; но и теперь еще въ старыхъ домахъ, а особенно въ глухихъ мѣстахъ края, многое уцѣлѣло. Чаще всего встрѣчаются рѣзные дубовые столы, сундуки, шкафы, ручныя мельницы, деревянные замки,

Старый дубовый столъ лифл. губ., собственность автора.

жбаны для пива, ковши, даже люстры, приготовленныя изъ сосноваго ствола съ сучьями, и самодѣльные барометры. Устройство послѣднихъ весьма несложно. Къ стѣнѣ прикрѣпляютъ сучекъ, который передъ наступленіемъ теплой и сухой погоды выпрямляется, и свободный конецъ его поднимается, а передъ ненастьемъ тотъ же конецъ опускается*).

Всѣ эти самодѣльные предметы говорятъ намъ объ изобрѣтательности латыша и его природной склонности къ искусству.

*) Такіе барометры и теперь еще въ употребленіи во всѣхъ странахъ, прилегающихъ къ Балтійскому морю. Силинь.

Жбаны для пива (Kannas). (Р. Лат. Музей). Ф. автора.

Пища*).

Любимымъ кушаньемъ курляндскихъ латышей является „путра“ (putra), которую приготовляютъ изъ крупы, воды и молока. Эту ѣду латыши варятъ каждое утро; часть приготовленнаго, посоливъ, ѣдятъ сейчасъ же, а остальному даютъ закиснуть, и такимъ образомъ получается „кислая путра“ (skāba putra), которая подается на столъ къ вечеру, часовъ около 5-ти. Кислую путру, какъ и свѣжую, ѣдятъ, прибавивъ къ ней творогу, а въ зажиточныхъ семьяхъ — сметаны. „Skāba putra“, отстоявшись, даетъ сверху жидкость — сыворотку, а на днѣ гущу. Сыворотка латышамъ служитъ прекраснымъ прохладительнымъ напиткомъ, подобно тому, какъ русскимъ крестьянамъ — квасъ, а осѣвшая гуща идетъ на кормъ скоту.

Лифляндскіе латыши утромъ ѣдятъ вмѣсто „putr'ы“ ячменную кашу, но и „putr'у“ употребляютъ въ пищу. Ее подаютъ только не утромъ, а въ обѣдъ, при томъ творогу къ ней не примѣшиваютъ, какъ въ Курляндіи, а ѣдятъ его отдѣльно.

У лифляндскихъ латышей въ большомъ употребленіи кушанье „pūtels“, приготовляемое изъ овсяной крупы и молока, которому какъ и putr'ѣ въ Курляндіи, даютъ сначала закиснуть, а потомъ только подаютъ на столъ. Когда ѣдятъ „Pūtels“, то прибавляютъ къ нему варенья изъ брусники и сливъ.

Въ Лифляндіи очень любятъ коноплю; ее толкутъ и ѣдятъ съ хлѣбомъ, чего мы не встрѣчаемъ въ Курляндіи. Изъ конопли латыши приготовляютъ въ особой посудѣ своеобразную ѣду „клубокъ“ (piks), для чего толкутъ конопляное сѣмя, пока не получится тѣстообразная масса, и употребляютъ ее вмѣсто масла. Такой „клубокъ“ обычно берутъ съ собой на полевыя работы.

Въ Курляндіи разъ въ недѣлю, по субботамъ, на ужинъ варятъ горохъ, который ѣдятъ со „skāba putra“.

Обычнымъ хлѣбомъ у латышей является черный, бѣлый же ѣдятъ только по праздникамъ.

Свѣжаго мяса вообще латыши ѣдятъ мало. Лѣтомъ въ Лифляндіи употребляютъ въ пищу только соленое, а въ Курляндіи копченое мясо. Курляндское копченое мясо славится во всемъ краѣ своимъ нѣжнымъ вкусомъ. Оно заготовляется на особыхъ жердяхъ, пристроенныхъ въ кухонной дымовой трубѣ. Такое устройство печи можно встрѣтить въ каждомъ курляндскомъ домѣ.

Кашу латыши обычно приготовляютъ изъ ячменя (Biez-putra); ее ѣдятъ съ масломъ и молокомъ. Дѣлаютъ нѣчто подобное кашѣ также изъ ржаной муки. Когда сѣютъ рожь или приносятъ изъ риги первыя зерна новаго урожая ржи, то иногда не везутъ зерно на мельницу, а для скорости сами мелютъ его дома на ручныхъ мельницахъ, которыя имѣются еще во многихъ домахъ, и затѣмъ сейчасъ же готовятъ изъ такой муки ржаную кашу.

Лѣтомъ латыши ѣдятъ очень много кислаго молока (skābs piens), для чего употребляютъ снятое молоко.

Изъ овощей латыши больше всего любятъ картофель; зимой же ѣдятъ много кислой капусты.

Медъ въ прежнее время игралъ важную роль въ жизни латышей. Его былъ избытокъ въ краѣ, и въ старину латыши выплачивали медомъ даже подати. Извѣстно, что древніе латыши дѣлали изъ меда спиртной напитокъ „medus vīns“, который они считали наивкуснѣйшимъ. Напитокъ же „мѣстынь“ дѣлали повидимому изъ ячменя, и самое названіе его является извращеніемъ уменьшительнаго слова „miezitiņš“, отъ mieži (ячмень). Слѣдовательно, „мѣстынь“ есть ничто иное, какъ пиво, приготовленное особымъ способомъ. Такое пиво и теперь еще латыши варятъ къ большимъ праздникамъ и семейнымъ торжествамъ.

Весною латыши приготовляли еще напитокъ изъ сока березы (bērza sulas). Собравъ послѣдній, они давали ему немного отстояться и взбродить. Затѣмъ сокъ выливали въ боченокъ, который держали тщательно закупореннымъ. Пили „sulas“ понемногу, такъ что его хватало до Иванова дня.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ края и теперь еще латыши употребляютъ этотъ напитокъ.

*) Вся статья написана со словъ М. Силиня.

Мотивъ латышскаго орнамента. Ю. Мадернѣкъ.

Одежда.

Древніе латыши одѣвались въ самодѣльное платье изо льна и шерсти. Мужчины носили узкіе длинные штаны и кафтанъ (svārki). Кафтанъ имѣлъ позади сборки.*) Подпоясывались въ древнее время металлическимъ поясомъ, а впослѣдствіи — кожанымъ кушакомъ, украшеннымъ металлическими бляхами.

Женщины носили подобный же кафтанъ, а подпоясывались самотканымъ цвѣтнымъ узорчатымъ поясомъ.

Мужской костюмъ у латышей почти всюду исчезъ, но женскій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, подальше отъ большихъ городовъ, еще сохранился; при чемъ ливскіе костюмы уцѣлѣли лучше, чѣмъ чисто латышскіе, въ силу большей консервативности ливовъ.

Національная одежда латышской женщины состоитъ изъ двухъ частей: кофточки и юбки.

Кофточки двухъ родовъ: съ рукавами и безъ таковыхъ.

Кофточки безъ рукавовъ (niebura) сдѣланы изъ легкой матеріи, большею частью краснаго, синяго и темносѣраго цвѣта. Кофточки съ рукавами (burste или vamzi) отличаются отъ „ņiebura“ длиною: „ņiebura“ сшиты до таліи, а „veste“ на 7—8 дюймовъ ниже нея. Какъ тѣ, такъ и другія, особенно болѣе старинныя, богато вышиты и украшены золотомъ и серебромъ**). Украшенія на „niebura“ прикрѣплены къ лентѣ, которой они обшиты.

У шеи, спереди и сзади, кофточки имѣютъ глубокіе вырѣзы, самой различной формы. Такимъ образомъ воротникъ и рукава рубашки выглядываютъ наружу, поэтому латышскія женщины всегда старались, какъ можно лучше, вышить эти мѣста рубашекъ цвѣтными нитками и блестками (smeldzeri).

Чтобы при мытьѣ не испортить расшитаго воротника рубашки, его часто дѣлали отстегивающимся.

Юбки (brunči, rindoki или lindroki) начинаются у таліи, но болѣе старинныя поднимаются нѣсколько выше и держатся на плечахъ при помощи лентъ или металлическихъ цѣпочекъ.

Окраска юбокъ въ разныхъ мѣстахъ края самая разнообразная; чаще всего онѣ полосатыя,*) клѣтчатыя и гладкія.

Полосы на юбкахъ — желтаго, зеленаго, краснаго и оранжеваго цвѣта. При быстрой ходьбѣ краски смѣшиваются, и получается впечатлѣніе, будто юбка золотистая. Полосатыя, многоцвѣтныя юбки встрѣчались рѣдко, большей же частью онѣ двухцвѣтныя: сѣрыя съ чернымъ, красныя съ чернымъ, сѣрыя съ бѣлымъ. На клѣтчатыхъ юбкахъ комбинація красокъ такая же, какъ и на полосатыхъ двухцвѣтныхъ**). Большое распространеніе имѣютъ юбки одноцвѣтныя: коричневыя, зеленыя и черныя. Подолъ у такихъ юбокъ обычно обшитъ золотой или серебряной лентой.

Самую типичную и оригинальную часть одежды латышской женщины составляютъ большія покрывала „Sagšas“ или „Villaines“. 50—60 лѣтъ тому назадъ эти покрывала носили во многихъ мѣстахъ латышскаго края, да и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ надѣваютъ этотъ интересный нарядъ по праздникамъ, когда идутъ въ церковь, напримѣръ: въ Nīca, Bārtava, Rucava, около Гольдингена и Виндавы.

„Villaines“ ткались раньше, и теперь еще ткутся, женщинами дома, чаще всего изъ бѣлой шерсти. Съ трехъ сторонъ, по краямъ, они богато украшены цвѣтною вышивкою и бахромой.

*) Сборки по бокамъ — ливскаго происхожденія. Силинь.

**) Такое шитье можно встрѣтить въ настоящее время около Либавы, Гольдингена и Виндавы. Силинь.

*) Полосатыя юбки характерны для ливовъ, а клѣтчатыя для латышей. Силинь.

**) Тона на клѣтчатыхъ юбкахъ свѣтлѣе. Ливъ любитъ темные цвѣта: черный, бурый, синій, а латышъ — болѣе свѣтлые. Силинь.

ЛАТЫШСКІЯ ЖЕНЩИНЫ
ВЪ НАЦІОНАЛЬНЫХЪ КОСТЮМАХЪ.

фот. И. РѢКСТЪ.

Снято въ г. Ригѣ во время латышскихъ пѣвческихъ празднествъ, происходившихъ 19, 20, 21 іюня 1910 г. На эти празднества со всего края съѣхались хоры пѣвцовъ и пѣвицъ, среди которыхъ многія были въ старинныхъ самодѣльныхъ костюмахъ.

ЛАТЫШИ ЛИФЛ. ГУБ.
фот. А. И. КУЗНЕЦОВА.

Въ старину украшенiемъ для „Villaines" служили бронзовыя спирали, цѣпочки и листочки. Такiя покрывала встрѣчаются въ могильникахъ IX и X вѣка, а также имѣется одно въ латышскомъ музеѣ. Существуютъ указанiя на подобныя украшенiя и въ латышскихъ пѣсняхъ:

„Братцевъ пять, сестра одна
Пять платковъ носила,
По угламъ блестѣло серебро".

„У меня одинъ платокъ;
Онъ тяжелъ, какъ дубъ.
Братецъ мой еще желаетъ
Серебро ковать въ углы".

Покрывала женщины набрасывали себѣ сзади на спину и перехватывали спереди у праваго плеча большими металлическими застежками „Saktas", о которыхъ будетъ сказано особо.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Пебальгѣ, были въ употребленiи бѣлыя покрывала безъ вышивки, съ одной только бахромой; ихъ носили въ видѣ шали и застегивали пряжкой на груди.

Покрывала въ родѣ мантiи (mētelis) прежде составляли принадлежность и мужского костюма.

Судя по имѣющимся въ латышскомъ этнографическомъ музеѣ образцамъ изъ разныхъ мѣстностей края, „Villaines" украшались особенно обильно вышивками. Орнаментъ и окраска послѣднихъ позволяютъ этнографу обнаружить связь между вышивками и особенностями латышскаго языка.

Изъ пѣсенъ мы узнаемъ, что каждая латышская дѣвушка старалась имѣть въ своемъ приданомъ нѣсколько покрывалъ:

„Есть у меня пять покрывалъ,
Но еще нужно девять"*).

Дѣвицы и молодыя женщины, до рожденiя перваго сына, покрывали голову вѣнками, вѣрнѣе вѣнцами (vainags). Вѣнокъ служилъ символомъ дѣвичьей чести.

„Лучше волосы сѣдые
Подъ вѣнкомъ изъ бусъ,
Чѣмъ шапочка золотая
На головушкѣ безчестной".

Такъ говоритъ дѣвушка въ народной пѣснѣ. Изъ пѣсенъ же видно, что дѣвушка берегла свой вѣнокъ. Она заботилась, чтобы онъ не промокъ отъ дождя, чтобы въ лѣсу вѣтками не оборвать съ него украшенiй, и съ особой опаской проходила мимо молодыхъ парней изъ боязни, какъ-бы они въ шутку не сорвали вѣнка съ ея головы.

Вѣнки носили по праздникамъ, когда шли въ церковь; иногда одѣвали ихъ и въ будни на работу, напримѣръ, на сѣнокосъ.

Въ день свадьбы къ вѣнку привязывали ленты, а послѣ свадьбы, когда вѣнокъ снимался, его сохраняли въ особой коробкѣ для потомства.

Вѣнки эти въ разныхъ мѣстностяхъ неодинаковы. Одни изъ нихъ металлическiе,*) другiе изъ матерiи съ подкладкой изъ липовой коры или безъ таковой; послѣднiе украшены бусами и шитьемъ, при этомъ нѣкоторые имѣютъ видъ короны.

Силинь различаетъ два типа вѣнковъ: ливскiй и латышскiй, и каждый типъ считаетъ характернымъ для опредѣленной области.

Послѣ свадьбы женщины одѣвали бѣлые, а иногда и темнаго цвѣта, чепцы, которые отдѣлывались бархатомъ, вышивками и шерстяными черными нитками.

Чепцы въ разныхъ мѣстностяхъ края, какъ и вѣнцы, были различны. Около Вендена и Вольмара они имѣли видъ тюрбана; около Пебальга замужнiя женщины носили зеленыя шапочки съ чернымъ дномъ; въ Инфлянтiи чепецъ замѣнялся длиннымъ платкомъ (garais auts), который на темени связывался большимъ узломъ, а вышитые концы сзади свѣшивались внизъ. Поверхъ платка надѣвался еще расшитый налобникъ (apritinis).

Зимой латыши въ старину одѣвали овечью или кунью шапку. Объ этомъ мы узнаемъ изъ пѣсенъ, упоминающихъ объ одеждѣ латышей.

„Въ расшитыхъ шубахъ, шелковыхъ штанахъ,
Красивыхъ жилетахъ, новыхъ куньихъ шапкахъ".

Лѣтомъ, какъ мужчины, такъ и женщины, носили вязаный длинный, съ завороченными полями головной уборъ. Кромѣ того, надѣвали шляпу съ высоко поднятыми и богато вышитыми полями. Шляпа эта держалась на головѣ при помощи особой подкладки.

Обувью латышамъ съ давнихъ поръ, на ряду съ берестовыми и кожаными лаптями, служили сапоги и башмаки**).

Если въ семьѣ имѣлись сапоги и башмаки, то это считалось признакомъ зажиточ-

*) Число девять у латышей въ пѣсняхъ и сказкахъ почти всегда имѣетъ символическое значенiе. Въ одномъ могильникѣ X вѣка найдено 7 покрывалъ. Силинь.

*) Металлическiе вѣнки характерны для ливовъ, а матерчатые для латышей, но и латыши употребляли вѣнки изъ металла; послѣднiе, какъ показываетъ археологiя, стали исчезать у нихъ съ 16-го вѣка. Силинь.

**) Vīzes, pastalas, zābaki, kurpes. Силинь.

ности и даже богатства. Одѣвали эту обувь по большимъ праздникамъ и такъ ее берегли, что иногда одна пара переходила по наслѣдству отъ отца къ сыну и даже къ внуку*).

Дѣвушка, обладавшая башмаками, считалась богатой.

„Я не обращаю вниманіе на приданое,
Когда у меня на ногахъ башмаки.
Если суженый спроситъ о приданомъ,
Я стану постукивать каблукомъ“.

Къ обуви нужно причислить и чулки. Они двухъ родовъ: нижніе и верхніе; какъ тѣ, такъ и другіе, сплошь покрыты узорами.

Важной принадлежностью латышской народной одежды являются различной ширины пояса (jostas). Ихъ латышскія женщины всегда сами плели и ткали. Поясу придавали даже особыя чудодѣйственныя свойства. Ребенка послѣ крещенія немедленно обвивали поясомъ, „чтобы охранить его отъ всего худого“.

У старухъ и теперь еще существуетъ повѣріе, что въ поясѣ заключается вся сила женщины, и многія изъ нихъ не разстаются съ нимъ, даже ложась спать.

Въ старину, какъ было сказано выше, кромѣ матерчатыхъ поясовъ, были въ употребленіи и металлическіе; на это указываютъ народныя пѣсни.

„У одной сестры пять братьевъ;
Они очень любятъ ее.
Трое купили поясъ золотой,
Двое — серебряное кольцо“.

Металлическіе пояса украшались цвѣтными камнями, стеклышками и металлическими побрякушками. Такіе пояса сохранились до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной Курляндіи. Въ настоящее время латышскія женщины повсемѣстно занимаются плетеніемъ и тканіемъ узкихъ поясковъ или ленточекъ (prievites), которыя употребляются какъ подвязки для чулокъ, служатъ каймой для передниковъ и платковъ; кромѣ того мужчинамъ онѣ замѣняютъ собою подтяжки для штановъ.

*) Такой обычай характеренъ лишь для временъ крѣпостной зависимости латышей, когда они сильно обнищали. Силинь.

Среди металлическихъ украшеній женскаго костюма на первое мѣсто нужно поставить пряжки (saktas), которыми застегивали на груди покрывала (Villaines). Пряжки эти изготовлялись изъ бронзы, никкеля, мѣди и серебра*). Большія серебряныя пряжки бываютъ величиною съ тарелку и вѣсятъ иногда больше фунта. Онѣ украшены цвѣтными шлифованными камнями и стеклами. Стекла эти называются глазками (acis). Цѣнность пряжки зависитъ отъ числа послѣднихъ. Иная франтиха одѣвала на себя такихъ застежекъ штукъ 5—6; въ этомъ случаѣ ее называли боярышней (bajariete)**).

Кромѣ круглыхъ застежекъ употреблялись также и сердцеобразныя; въ нижней части къ такимъ пряжкамъ привѣшивали металлическія пластинки. Подобной же формы застежки дѣлались изъ янтаря; онѣ были въ большомъ употребленіи среди приморскихъ жителей Курляндіи***). Здѣсь и теперь еще старухи застегиваютъ воротникъ рубашки, какъ маленькими металлическими, такъ и янтарными брошками.

Среди другихъ женскихъ украшеній нужно отмѣтить металлическіе браслеты и кольца съ камнями, янтарныя ожерелья, а также и болѣе дешевыя украшенія, сдѣланныя просто изъ соломы.

*) Были и янтарныя пряжки, но онѣ встрѣчаются рѣже металлическихъ. Силинь.

**) Вообще женскій костюмъ требовалъ много пряжекъ самой различной величины. Ими застегивались не только „Villaines“, но также вышитая рубаха (krekls) у шеи и на груди. Кромѣ того носили цѣлый наборъ пряжекъ, вложенныхъ одна въ другую. Силинь.

***) Въ особенности около Либавы. Силинь.

Пряжка (Sakta). Р. Лат. Музей. Ф. автора.

Вѣрованія древнихъ латышей.

Древнихъ латышей сосѣдніе народы считали огнепоклонниками. Въ настоящее время бѣлоруссы витебской губ. называютъ тамошнихъ латышей „поддубниками“, вѣроятно потому, что прежде латыши молились у огня, разведеннаго подъ дубомъ. У латышей еще и теперь огонь считается святымъ, и употребляется выраженіе „svētuguns“ (святой огонь).

Латыши, какъ и другіе народы, въ своемъ первобытномъ состояніи поклонялись явленіямъ природы, которыхъ они не могли себѣ объяснить. Они обожествляли эти явленія и давали имъ особыя наименованія.

Главнѣйшимъ божествомъ древнихъ латышей былъ Перкунъ — богъ грома и молніи. Культъ Перкуна имѣлъ широкое распространеніе не только у латышей, но также среди литовцевъ и славянскихъ народовъ. Латышскія легенды и народныя пѣсни указываютъ на то, что Перкунъ былъ защитникомъ справедливыхъ и добрыхъ людей; имъ онъ воздавалъ всякія милости, а злыхъ наказывалъ.

Олицетвореніемъ зла былъ богъ Пиколсъ*) или Іодъ (Juods)**) — чертъ. Жилъ онъ по вѣрованію латышей въ аду (peklê)***).

Латышскій писатель Клаустинь, исходя изъ произведеній народнаго творчества, усматриваетъ въ вѣрованіяхъ древняго латыша черты арійскаго дуализма.

„Богъ Перкунъ, по понятіямъ латышскаго народнаго творчества, является началомъ добра. Живетъ онъ гдѣ-то далеко и высоко на небесахъ, куда ведутъ разныя дороги. Жаворонокъ долетаетъ туда, прося бога о ниспосланіи жаркаго лѣта. Солнечный путь идетъ въ ту же сторону къ свѣтлой золотой выси. Въ народной фантазіи небо подобно землѣ. Тамъ такіе же лѣса, поля и луга; на пригоркахъ — крѣпкіе замки, а на пастбищахъ — кони и рогатый скотъ. Перкунъ часто является въ среду людей, то въ образѣ добраго дворохозяина, то въ видѣ дряхлаго старичка (vecs vecītis), съ длинной сѣдой бородой. Онъ вѣчно враждуетъ съ чертомъ, началомъ тьмы, и вражда эта часто принимаетъ комическую форму.

*) Въ настоящее время въ разговорномъ языкѣ сохранилась сокращенная форма „Piķis“ или „Pīkis“ въ смыслѣ „злой“. Силинь.

**) Т. е. черный. Силинь.

***) Въ аду темно. Существуетъ поговорка: Tumš kà peklê, т. е. темно, какъ въ пеклѣ. Силинь.

У черта много скотины на тучныхъ пастбищахъ, а у Перкуна есть прекрасный прохладный хлѣвъ. Однажды Перкунъ напустилъ на чертово стадо массу комаровъ и оводовъ. Стадо, чтобы избѣжать укусовъ насѣкомыхъ, повалило въ хлѣвъ, тогда Перкунъ поставилъ на порогѣ косы остріемъ вверхъ. Животныя кинулись въ двери и разрѣзали себѣ копыта; такимъ образомъ появились двукопытныя животныя. Въ одной древней сказкѣ разсказывается, какъ Перкунъ перекрасилъ коровъ и быковъ изъ одной масти въ другую, отчего получилось пестрое стадо“.

Помимо двухъ этихъ главныхъ боговъ было еще много другихъ второстепенныхъ. Богомъ весны считался Усинь (Usiņš). Празднованіе послѣдняго совпадаетъ съ днемъ св. Георгія (23 апрѣля), и самое названіе напоминаетъ русскаго „Овсеня“.

Божествомъ, олицетворявшимъ собою утреннюю и вечернюю звѣзду, былъ Dieva dēls, т. е. „сынъ божій“.

Среди богинь болѣе другихъ почиталась Лайма, богиня судьбы, вѣрнѣе счастья. При рожденіи каждаго ребенка Лайма, по вѣрованію латышей, клала ему подъ подушку простыню, сотканную изъ нитей счастья или несчастья. Вѣра въ судьбу пустила глубокіе корни въ латышскомъ народѣ, такъ что и до сихъ поръ употребляется выраженіе: „воля матушки Лаймы“ (Laimes māmiņas lēmums).

Къ числу почитаемыхъ богинь можно отнести также „дѣвъ солнца“ (Saules meitas). Раньше полагали, что любовь и счастье олицетворяла собой богиня Лиго. Но въ настоящее время выяснено, что слово „līgo“ есть лишь припѣвъ къ пѣснямъ, которыя латыши поютъ въ честь солнца (saule).

До настоящаго времени во всемъ латышскомъ краѣ въ ночь подъ Ивана Купала, особенно старухи и молодежь, украсивъ себя большими вѣнками изъ дубовыхъ и другихъ листьевъ, поютъ пѣсни съ припѣвомъ „лиго“.

Кромѣ боговъ и богинь фантазія древняго латыша наполнила вселенную безчисленными духами.

Каждое время года, каждое занятіе латыша и каждое явленіе природы имѣло свое особое божество, своего духа.

Наиболѣе почитаемымъ домашнимъ духомъ, своего рода „домовымъ“, былъ Пукисъ (Pūķis), олицетворявшій собою „нечистое“ богатство.

Для Пукиса отводили особую комнату, въ которую могъ входить только одинъ хозяинъ. Онъ приносилъ сюда самыя вкусныя блюда и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы Пукисъ не обидѣлся и не покинулъ его дома. Въ награду же за гостепріимное отношеніе Пукисъ, по вѣрованію латышей, въ свою очередь тащилъ въ домъ всякіе съѣстные припасы со стороны.

Пукиса латыши представляли себѣ змѣей (salktis), появлявшейся среди людей въ видѣ краснаго пѣтуха, летавшаго по воздуху мѣшка или огненной полоски.

Крестьяне, особенно старики, и теперь еще приписываютъ змѣѣ чудодѣйственныя свойства. Такъ, если у одного латыша уродился хлѣбъ, а у другого нѣтъ, то послѣдній не прочь попрекнуть перваго тѣмъ, что у дома счастливца живетъ змѣя, которая, изъ желанія угодить своему хозяину, причиняетъ бѣдствія сосѣду*).

У латышей имѣются также свои вѣдьмы (Raganas и laumas). По народному вѣрованію онѣ воплощаются въ зловредныхъ женщинъ и разъѣзжаютъ на другихъ живыхъ существахъ: на животныхъ и на людяхъ; отчего послѣдніе приходятъ въ полное изнеможеніе, такъ что не могутъ даже держаться на ногахъ. Прослуживъ ночь вѣдьмѣ верховою лошадью, на утро жертва оказывается вся въ поту.

Вѣра въ кошмаръ (lietuvens) у латышей состоитъ въ томъ, что спящему человѣку кажется, будто къ нему крадется маленькій человѣкъ, мальчикъ или прекрасная дѣва. Затѣмъ видѣніе наваливается на спящаго съ такой страшной силой, что онъ не въ состояніи ни дышать, ни шевелиться. Когда кошмаръ наконецъ оставляетъ въ покоѣ свою жертву и уходитъ, то человѣкъ просыпается изнеможеннымъ и оказывается весь въ поту.

Латыши убѣждены, что кошмаръ, повадившійся ходить къ кому-либо, можетъ быть пойманъ, нужно только знать, черезъ какую замочную скважину (или другое отверстіе) онъ вошелъ. Это отверстіе нужно заткнуть рябиновой затычкой, и при томъ не простой, а такой, которая срѣзана съ дерева лѣвой рукой, или правой наотмашь, и которая принесена домой тонкимъ концомъ впередъ. Затыкать отверстіе слѣдуетъ въ ночное время, когда кошмаръ давитъ свою жертву. Не найдя болѣе выхода, кошмаръ сдается, обычно въ видѣ прекрасной, нѣсколько жеманной дѣвицы, которая до тѣхъ поръ бываетъ привязана къ дому, пока роковое отверстіе заткнуто; но стоитъ только его открыть, какъ красавица (кошмаръ) мгновенно исчезаетъ.

Живымъ памятникомъ древнихъ вѣрованій латышскаго народа можно считать различныхъ знахарей и знахарокъ (Zinats, zinatnieks, zintenieks*), услугами которыхъ латыши и теперь еще пользуются. Болятъ зубы, вскочила бородавка, пристала лихорадка, случились судороги, или просто вскочилъ волдырь на тѣлѣ — посылаютъ за извѣстнымъ въ округѣ знахаремъ или знахаркой. Послѣдніе „лѣчатъ“ отъ любой болѣзни заговариваніемъ и заклинаніями.

Чтобы воспользоваться чудотворнымъ дѣйствіемъ такого лѣченія, говоритъ Трейландъ, знахарь или знахарка обыкновенно наливаетъ въ посуду немного воды, водки или другой жидкости и затѣмъ удаляется въ темный уголъ избы, клѣти или другого помѣщенія. Здѣсь онъ (или она) начинаетъ нашептывать надъ жидкостью различныя, относящіяся къ недугу заклинанія. При нашептываніи знахарь обычно держитъ въ лѣвой рукѣ посуду съ жидкостью, а въ правой особую, спеціально для этой цѣли предназначенную косточку или ножъ, которыми онъ дѣлаетъ на жидкости крестное знаменіе. Одна знахарка дала такое объясненіе о происхожденіи этой косточки: „Я взяла ее, сказала она, отъ собаки, которая честно околѣла“.

Знахари и знахарки, удержавшіе въ памяти старинныя, относящіяся еще къ до-христіанскому времени, заклинанія, считаются въ народѣ самыми сильными „спасителями“. Умирая, они часто передаютъ свою таинственную мудрость какому-либо избраннику изъ наиболѣе близкихъ людей, къ которому тогда и переходитъ вся сила колдовства.

За свой трудъ знахарь получаетъ отъ обратившагося къ нему за помощью „жертву“ (zieds). Но это не плата, а лишь „предохранительное средство“, чтобы знахарю не лишиться своей мудрости.

Ѳ. А. Трейландъ самъ видѣлъ, какъ одна женщина, получивъ отъ знахарки нашептанное лѣкарство, не дала ей „жертвы“ и направилась уже было къ дверямъ, какъ знахарка, догнавъ ее, оторвала отъ ея

*) Такое вѣрованіе было распространено въ краѣ еще лѣтъ 70 тому назадъ.

Силинь.

*) и putejs, riebejs, glābejs.

Силинь.

платка кусочекъ бахромы, при этомъ пояснила, что безъ „жертвы“ свою паціентку она отпустить не можетъ.

По объясненію латышскихъ знахарей и знахарокъ, внутри человѣка находится „мать“, твердый кусочекъ жилистаго мяса, величиною съ кулакъ, „точно лягушка“. Отъ этой болѣзни, какъ и отъ другихъ, знахари лѣчатъ также различнаго рода заклинаніями.

Многія заклинанія представляютъ изъ себя смѣсь язычества съ христіанствомъ. Примѣромъ можетъ служить заклинаніе, употребляемое знахарями при лѣченіи водянки:

„Іисусу прокололи бокъ,
Откуда потекла вода, да кровь.
Черта прогнали въ адъ
И заковали его въ цѣпи.
Пусть твоя кровь и вода, Іисусъ,
Выгонятъ и этого злого духа. Аминь!“

При лѣченіи болѣзней латыши пользуются не только словесными заклинаніями, но прибѣгаютъ также къ таинственнымъ и символическимъ дѣйствіямъ.

Отъ желтухи, напримѣръ, лѣчатъ вшами: заставляютъ принимать больного „тридевять вшей въ хлѣбѣ, не говоря ему о томъ“.

Если ребенокъ безпокойно спитъ, то, по старинному вѣрованію, „нужно класть въ его колыбель песокъ съ кладбища“.

Отъ кошмара въ знахарскомъ лѣченіи играютъ важную роль особаго рода пятиугольные*) кресты (lietuvena krusti).

Нашептывая заклинаніе отъ кошмара, знахарь (или знахарка) дѣлаетъ такой знакъ надъ лѣкарствомъ или больнымъ. Кресты эти имѣютъ также предохранительныя свойства. На дверяхъ, окнахъ и порогахъ своихъ жилищъ латыши рисуютъ ихъ мѣломъ. Даже на копытахъ коровъ и лошадей, на ногтяхъ людей, страдающихъ отъ кошмара, встрѣчаются такіе знаки**).

*) Кресты эти имѣютъ не только пять угловъ, но и болѣе: 8, 12, 16, 24. Чертить такой крестъ нужно сразу, однимъ почеркомъ, не отнимая руки, чтобы одна черта слѣдовала за другой непрерывно.
М. Силинь.

**) Знахарство и колдовство распространено особенно сильно среди латышей — ливовъ. Объясненіе этому нужно искать въ родственныхъ связахъ ливовъ съ урало-алтайскими народностями, приверженными къ шаманству.
Силинь.

Ю. Мадернѣкъ.

Обычаи.

Крестины.

Когда въ латышской семьѣ рождался ребенокъ, то на 9-ый день его обычно крестили. Впослѣдствіи стали справлять крестины въ первое воскресенье послѣ 9-го дня.

Существовало убѣжденіе, что ребенокъ воспринимаетъ достоинства и недостатки кумовьевъ, поэтому для родителей было большой заботой, кого пригласить въ крестные. Наиболѣе предусмотрительные родители приглашали кумовьями людей умныхъ, рѣчистыхъ и веселыхъ, про кого же ходила дурная слава, того избѣгали.

Для мальчика обычай требовалъ двухъ воспріемниковъ и одну крестную мать, для дѣвочки наоборотъ — двухъ матерей и одного отца. На крестины отецъ приглашалъ родственниковъ жены, а мать — родственниковъ мужа; не забывали также друзей и знакомыхъ.

Ко дню крестинъ заготовляли много всякой ѣды и питья, сколько позволяли средства, такъ какъ думали, что если въ этотъ день въ домѣ будетъ всего полная чаша, то и ребенокъ всю жизнь не будетъ терпѣть ни въ чемъ нужды.

Передъ крестинами отецъ ребенка, а иногда и кто-либо другой, ѣхалъ къ пастору и записывалъ годъ, день и часъ рожденія, имена воспріемниковъ, а также имя, которое родители желали дать ребенку. Пока ребенокъ не былъ окрещенъ, въ домѣ на всю ночь зажигали огонь, чтобы оградить новорожденнаго отъ нечистой силы.

Когда наступалъ день крестинъ, въ домъ начинали съѣзжаться кумовья и привозили съ собой свѣжеиспеченный хлѣбъ и водку.

Прежде чѣмъ ѣхать въ церковь, кумовьямъ предлагали откушать бѣлаго хлѣба съ молокомъ, „чтобы у крестника были бѣлые и крѣпкіе зубы“. Пока кумовья закусывали, бабушка пеленала и одѣвала ребенка; она утирала ему ротикъ разрѣзомъ рубашки, „чтобы въ жизни его не преслѣдовали неудачи“, а затѣмъ зашивала въ рубашку серебряную монету, крошки хлѣба, кусочекъ угля, пучекъ бѣлой шерсти и листъ печатной бумаги, „чтобы ребенокъ былъ богатъ, сытъ и уменъ“.

Послѣ того ѣхали въ церковь, причемъ ребенка везла не мать, а какая-либо другая женщина, имѣвшая въ данное время грудного ребенка. Это дѣлалось съ той цѣлью, чтобы было кому покормить младенца въ пути.

Передъ отъѣздомъ изъ дому женщина эта заходила въ кухню, брала съ очага кусочекъ угля, затѣмъ становилась правой ногой на пепелъ очага и только послѣ того садилась съ ребенкомъ въ повозку.

Родная мать не смотрѣла вслѣдъ выходившей, даже избѣгала глядѣть въ окно на уѣзжавшихъ; если же мать не соблюдала этого, то думали, что ребенокъ въ отсутствіи матери всегда будетъ скучать и плакать.

По дорогѣ въ церковь нигдѣ не останавливались, „чтобы въ будущей жизни ребенку ни въ чемъ не было препятствій“.

Когда вносили ребенка въ церковь, то плотно притворяли за собою двери, „чтобы ребенокъ былъ крѣпкимъ и здоровымъ“.

Во время совершенія обряда крещенія кумовья стояли возможно ближе другъ къ другу, изъ суевѣрнаго страха, что иначе у крестника выростутъ рѣдкіе зубы. Кромѣ того, никто изъ нихъ не долженъ былъ зѣвать по сторонамъ, „чтобы крестникъ не сдѣлался слишкомъ любопытнымъ“.

Если въ церкви единовременно крестили нѣсколькихъ дѣтей, то родственники каждаго изъ нихъ старались, чтобы ихъ ребенокъ былъ крещенъ первымъ, такъ какъ существовало убѣжденіе, что такой ребенокъ будетъ впослѣдствіи способнымъ къ ученію.

Пока ребенокъ былъ въ церкви, родители не должны были оставаться безъ работы. Если крестили дѣвочку, то мать шила, вязала или читала книгу, если крестили мальчика, то работалъ отецъ.

Когда обрядъ крещенія былъ оконченъ, спѣшили распеленать младенцу ноги, „чтобы онъ скорѣе сталъ ходить“, а затѣмъ направлялись къ выходу. Когда выносили изъ церкви дѣвочку, то старались головкой держать ее направо, т. е. въ ту сторону, гдѣ обычно стоятъ въ деревенскихъ церквахъ мужчины, чтобы, „когда она выростетъ, скорѣй вышла замужъ“.

По другимъ версіямъ, когда ребенка несли къ выходу, то дѣвочку держали головой къ женщинамъ, а мальчика къ мужчинамъ, „чтобы первая впослѣдствіи поменьше обращала вниманія на мужчинъ“, а второй, „чтобы, выросши, не слишкомъ много ухаживалъ за дѣвушками“.

Если крестили дома, то воду не выливали, а сохраняли; ее считали святой и при купаніи ребенка немного подливали такой воды въ ванну; также давали эту воду пить дѣтямъ въ случаѣ какой либо болѣзни.

Женщина, везшая ребенка изъ церкви, должна была поспѣть домой первою, поэтому ей давали лучшихъ лошадей.

Подъѣзжавшихъ къ дому встрѣчали громкими пѣснями и ликованіемъ. Кумовья входили въ избу также съ пѣніемъ, а женщина, замѣнявшая мать, поздравляла родителей и передавала ребенка бабушкѣ, которая клала новокрещеннаго въ постель, поближе къ стѣнѣ, „чтобы ребенокъ не падалъ изъ колыбели". Потомъ ребенокъ передавался матери. Послѣдняя сейчасъ же раздѣвала его, чтобы „на немъ никогда не изнашивалась одежда".

У латышей существуетъ еще и теперь поговорка: „Тебя мать вовсе не раздѣвала". Такъ говорятъ человѣку, который не бережетъ своего платья.

Затѣмъ начинались своеобразные танцы.

Кумовья танцовали съ крестникомъ на рукахъ; они подбрасывали его вверхъ и пѣли:

„Только до полкомнаты я прыгаю во время пляски,
Чтобы мой крестникъ черезъ полгода сталъ ходить.
Сталъ черезъ полгода ходить, черезъ полгода началъ бы говорить".

Тѣмъ временемъ хозяева ставили на столъ сито, покрытое бѣлымъ платкомъ, и приглашали всѣхъ откушать. Первыми садились и приступали къ ѣдѣ кумовья. Къ нимъ подсаживалась бабушка съ крестникомъ и поочереди давала его подержать всѣмъ кумовьямъ. Они брали его на колѣни, качали и пѣли.

При крестинахъ дѣвочки первыми получали ребенка женщины, а если крестили мальчика, то — мужчины. Послѣ того родная мать обходила всѣхъ кумовьевъ и дарила каждому крестному отцу пару перчатокъ, а крестной матери — пару чулокъ.

Кумовья, получивъ подарки, съ шутками и прибаутками перебрасывались ими между собою, а затѣмъ бросали въ сито деньги.

Есть указанія на то, что, когда кумовья садились за столъ, то имъ сперва подавали только хлѣбъ и творогъ, „чтобы крестникъ ихъ впослѣдствіи могъ удовлетворяться самой простой пищей", и только потомъ уставляли столъ въ изобиліи разнообразными и вкусными блюдами.

Послѣ ѣды снова начинались пѣсни и танцы. Въ общемъ весельѣ принимали участіе всѣ: и старъ, и младъ. Теперь кумовья должны были проявить свое умѣніе поддержать у всѣхъ возможно лучшее настроеніе духа, „чтобы крестникъ ихъ былъ жизнерадостнымъ".

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ, всѣ кумовья отправлялись въ лѣсъ за жердью, на которой подвѣшивалась колыбель. Для мальчика нужна была дубовая, а для дѣвочки — липовая. Но если такихъ деревьевъ нельзя было найти, то срубали мальчику березу, а дѣвочкѣ — ель.

Когда главный крестный отецъ срубалъ дерево, то крестныя матери по полету первой щепки гадали объ участи ихъ крестника. Если щепка падала навзничь (urmites), то говорили, что крестника „ждала смерть въ раннихъ годахъ"; если — обратной стороной, то всѣ радовались и потомъ, по возвращеніи домой, сообщали, что примѣты хороши. Срубленную жердь очищали отъ вѣтокъ, причемъ старались не повредить коры, „чтобы крестникъ не былъ болѣзненнымъ". Затѣмъ ударомъ топора крестный отецъ вгонялъ въ пенекъ отъ срубленнаго дерева мѣдную монету, „какъ даръ лѣсной матери", и ставилъ на него чарку съ какимъ-либо напиткомъ. Пилъ первымъ крестный, срубившій жердь, а за нимъ и всѣ остальные.

Обыкновенно срубали еще нѣсколько кривыхъ и корявыхъ жердей, которыя посерединѣ немного надрѣзывали, чтобы онѣ легче ломались, и послѣ того, бережно уложивъ въ телѣгу всѣ жерди, съ пѣснями ѣхали домой.

У воротъ ихъ встрѣчали съ пѣніемъ оставшіеся дома гости.

Въ избу вносили сперва негодную надрѣзанную жердь. Бабушка брала ее и ломала, а всѣ гости и домашніе съ крикомъ и шумомъ выгоняли кумовьевъ вонъ. Это повторялось до тѣхъ поръ, пока кумовья не приносили настоящей жерди. Тогда на нее вѣшали колыбель съ младенцемъ; послѣ чего кумовья становились вокругъ колыбели и начинали одаривать крестника. Они клали въ колыбель деньги и различныя вещи, причемъ всѣ пѣли:

„Приди, крестный, посмотри,
Что въ колыбелечкѣ лежитъ.
Здѣсь лежитъ твой крестный сынъ
И ожидаетъ серебреца".

„Давайте деньги, молодцы,
Что Вамъ ихъ беречь?
Нѣтъ у Васъ ни свадебъ, ни крестинъ.
Некуда денегъ Вамъ дѣвать".

Крестины праздновались обычно два — три дня.

Свадьба.

Древніе латыши похищали или покупали себѣ женъ.

Выбравъ удобный моментъ, „увозчики невѣсты“ (līgavas vedeji) выслѣживали намѣченную дѣвушку, когда она шла къ ручейку за водой или стирала бѣлье у рѣки, схватывали ее, сажали на коня и быстро исчезали съ драгоцѣнной добычей.

Какъ только близкіе родственники похищенной узнавали о случившемся, чаще всего братья, немедленно вооружались, садились на коней и пускались въ погоню за бѣглецами.

Похищенная употребляла всѣ мѣры къ тому, чтобы оставить по себѣ на пути какіе-нибудь слѣды. Она роняла платокъ, перчатки и другіе предметы.

„Увозчики“, конечно, въ свою очередь чинили всякія препятствія погонѣ: разрушали за собою мосты, загораживали дорогу стволами деревьевъ и прибѣгали къ разнаго рода хитростямъ. Но братья похищенной не успокаивались до тѣхъ поръ, пока не находили своей сестрицы. Нерѣдко такой розыскъ продолжался нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ. Отысканную сестру братья спрашивали, каково ей живется. Если она говорила, что хорошо, и добавляла, что согласна остаться у мужа, тогда дѣло кончалось миромъ; въ противномъ случаѣ ссору приходилось разрѣшать съ мечами въ рукахъ.

Древній обычай похищенія невѣсты сохранялся у латышей очень долго: даже послѣ того, какъ въ Прибалтійскомъ краѣ было введено христіанство. Только когда нѣмецкая свѣтская власть и духовенство стали грозить непослушнымъ суровыми наказаніями, этотъ обычай началъ мало по малу исчезать.

Кромѣ похищенія невѣсты въ народныхъ пѣсняхъ часто упоминается о покупкѣ невѣсты. Этотъ обычай долго существовалъ на ряду съ первымъ, но, вѣроятнѣе, что похищеніе жены смѣнилось куплей ея. Кто отрывалъ отъ семьи работника въ лицѣ дѣвушки, долженъ былъ платить выкупъ.

Познакомимся теперь съ латышскими свадебными обычаями, которые соблюдались еще не такъ давно: около полутораста лѣтъ тому назадъ, и изъ которыхъ нѣкоторые сохранились и до настоящаго времени.

Качая колыбель сына, мать молилась Богу и просила Его, чтобы Господь въ будущемъ, когда настанетъ пора женить сына, послалъ бы ему добрую и любящую жену.

Въ старину, какъ и теперь еще, выборъ невѣсты для каждаго латыша являлся самымъ серьезнымъ и труднымъ шагомъ въ его жизни.

Высматривалась невѣста обыкновенно весною, когда молодыя дѣвушки собирались въ хороводы и пѣли пѣсни. Тутъ какая нибудь одна и становилась предметомъ воздыханій молодца. Но только осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, „когда уже полны рожью, полны ячменемъ всѣ отцовскіе закрома,“ парень начиналъ помышлять объ осуществленіи своихъ мечтаній. Онъ выбиралъ себѣ двухъ сватовъ, чаще свата и сваху, съ которыми и отправлялся въ домъ невѣсты для переговоровъ съ ея родителями, такъ какъ безъ согласія послѣднихъ нельзя было получить руки возлюбленной.

„Не умоляй меня, молодецъ,
Проси мою матушку;
Если согласится моя матушка,
Тогда выйду я за тебя.“

Войдя въ домъ родителей невѣсты, гости ставили угощеніе и предлагали чего-либо отвѣдать невѣстѣ. Если она не отказывалась, то это служило признакомъ, что предложеніе жениха не будетъ отвергнуто. При благополучномъ исходѣ сватовства, въ тотъ же вечеръ условливались о днѣ свадьбы.

Необходимо добавить, что при сватовствѣ присутствовали лишь самые близкіе люди.

На слѣдующій день, или въ ближайшую пятницу, женихъ съ невѣстой отправлялись къ пастору, который долженъ былъ произвести имъ экзаменъ по Закону Божію. Пастору везли подарокъ, чаще всего пару цыплятъ.

Свадьба обычно справлялась въ домѣ невѣсты черезъ три недѣли послѣ перваго посѣщенія жениха.

За цѣлую недѣлю до свадьбы усердно готовились къ ней: въ домѣ все чистили, мыли, убирали. Въ субботу наканунѣ самой свадьбы еще украшали окна и двери березками, а у воротъ ставили пару елочекъ.

„Ужъ по комнаткѣ узналъ,
Гдѣ невѣстушка живетъ.
Въ комнаткѣ угла четыре,
Всѣ четыре разукрашены.“

Въ этотъ день подъ вечеръ пріѣзжалъ женихъ за приданымъ; его сопровождали сваты, братъ и „ведейсъ“, т. е. парень, который долженъ былъ везти приданое. Но ворота въ усадьбѣ невѣсты оказывались запертыми, а навстрѣчу пріѣхавшимъ выходили родственники и близкіе невѣсты, „панакстнѣки“,

которые спрашивали пріѣхавшихъ, кто они такіе, обыскивали телѣги и требовали ихъ паспорта.

Женихъ въ шутку вмѣсто паспорта показывалъ простую бумагу, но „панакстнѣки“ не унимались и требовали настоящій.

Только послѣ долгихъ препирательствъ жениху съ сопровождавшими его лицами удавалось проникнуть во дворъ усадьбы. Тогда сваха заявляла хозяину дома, что у пришедшихъ пропала „голубушка“, „молодушка“, „овечка“ или „серна“; вотъ они всѣ по ея слѣдамъ и явились сюда. Такъ не видѣлъ ли кто нибудь пропавшую? Въ отвѣтъ на такія слова пріѣхавшимъ выводили наряженныхъ въ женское платье мужчинъ, стариковъ, старухъ, но только не невѣсту, которая въ это время обычно пряталась въ клѣть.

Сваха всѣхъ высмѣивала и отказывалась признать среди нихъ пропавшую „молодушку“. Наконецъ приводили невѣсту съ нѣсколькими подругами. Всѣ онѣ были покрыты бѣлой простыней. Теперь свахѣ нужно было угадать, которая изъ нихъ невѣста, что было не такъ-то легко сдѣлать. Сваха много разъ ошибалась, и ее всѣ поднимали на смѣхъ.

Когда невѣста была опознана, она вмѣстѣ со свахой угощала всѣхъ водкой, а послѣ того хозяйка приглашала гостей къ ужину.

Пока гости сидѣли за столомъ, дѣвушки и парни вмѣстѣ съ невѣстой украшали лошадей жениха и его спутниковъ.

Послѣ ужина начинался обрядъ выкупа приданаго.

„Платье невѣсты хранилось въ старину въ большомъ ушатѣ (tīnis). Онъ былъ съ крышкой, запиравшейся на замокъ, ключъ отъ котораго бабушка невѣсты хранила за поясомъ. Такіе ушаты до сихъ поръ еще можно найти во многихъ мѣстахъ латышскаго края, напр., въ Шванснбургѣ валкскаго уѣзда“. (М. Озолинъ).

Все приданое хранилось въ сундукѣ (pūrs), который передъ выкупомъ покрывался бѣлой простыней, обвязывался поясомъ и украшался лентами и цвѣтами.

За приданое долженъ былъ уплатить братъ жениха золотую или серебряную монету.

„Отдамъ я приданое
Взамѣнъ серебра“.

Но сначала онъ какъ бы въ шутку торговался, давалъ копейки, а иногда, чтобы похвастаться, выкладывалъ крупную сумму денегъ, которую, впрочемъ, ему потомъ возвращали.

Однако вынести изъ амбара сундукъ съ приданымъ жениху было не такъ-то легко: на него садились нѣкоторые изъ молодежи и слѣзали только послѣ выкупа. Когда же, наконецъ, приданое удавалось вынести, и женихъ со своими родственниками собирался класть сундукъ на телѣгу, то послѣдняя, къ удивленію жениха, оказывалась безъ колесъ или же была нагружена камнями, а лошади выпряжены.

Кромѣ приданаго, находившагося въ сундукѣ, родители невѣсты давали еще ей коровъ, овецъ, а иногда и лошадь. Коровъ невѣста получала 2—3 и старалась выбрать себѣ лучшихъ. За нихъ братъ жениха долженъ былъ также платить выкупъ, а взамѣнъ того невѣста дарила ему пару перчатокъ. Такой же подарокъ получали отъ нея вечеромъ, при отъѣздѣ, сватъ, сваха и „ведейсъ“.

На слѣдующій день, т. е. въ воскресенье, происходило вѣнчаніе.

Въ старину женихъ и невѣста выѣзжали въ церковь верхомъ на лошади, каждый изъ своего дома, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ. У церкви всѣ встрѣчались и входили внутрь въ строгомъ порядкѣ: сначала невѣста со своими подругами, затѣмъ женихъ и его родня.

Невѣста была въ особомъ свадебномъ нарядѣ, который въ разныхъ мѣстностяхъ былъ различенъ. Около Вольмара онъ состоялъ изъ синей или красной короткой юбки, большого бѣлаго передника, красной или коричневой душегрѣйки съ широкими рукавами и глубокимъ вырѣзомъ на шеѣ, закрытой бѣлымъ платкомъ. Сверху былъ накинутъ еще особый большой платокъ. Ноги обували въ бѣлые шерстяные чулки, туфли или кожаные лапти.

Въ иныхъ мѣстностяхъ такихъ чулокъ одѣвалось двѣ пары.

Голову невѣсты украшали вѣнцомъ (vaiņags) изъ красной матеріи, расшитой синимъ, зеленымъ, бѣлымъ и желтымъ бисеромъ, а кромѣ того косы перевязывали широкой красной лентой, съ разноцвѣтными узорами.

Брачный нарядъ жениха мало чѣмъ отличался отъ одежды другихъ мужчинъ.

Онъ одѣвалъ два сюртука. Верхній былъ безъ воротника, а у нижняго послѣдній былъ вышитъ узорами. Оба сюртука носились нараспашку, такъ что наружу выглядывала богато расшитая грудь рубашки или пестрый шелковый жилетъ. Женихъ, какъ и невѣста, къ вѣнцу обязательно надѣвалъ шерстяные чулки, будь то зимою или лѣтомъ. Если же этого не соблюдали, то думали, что будутъ плохо вестись овцы.

Пребываніе жениха и невѣсты въ церкви также было связано съ суевѣріями. Оба они старались наступить другъ другу на ногу, изъ желанія властвовать въ домѣ всю жизнь. Изъ церкви молодая пара выходила рука объ руку, тѣсно прижавшись другъ къ другу изъ боязни, какъ бы не бросили чего-нибудь между ними, такъ какъ это въ будущемъ могло „внести раздоръ между мужемъ и женою".

Послѣ вѣнчанія всѣ ѣхали въ домъ жениха, а въ иныхъ мѣстахъ въ домъ невѣсты. Интересно, что когда молодую везли въ домъ жениха, то завязывали ей платкомъ глаза.

По дорогѣ женихъ и его братъ отдѣлялись отъ общей компаніи и спѣшили пріѣхать домой первыми, чтобы встрѣтить гостей у воротъ своей усадьбы. Когда молодая приближалась, то родственники и близкіе жениха также выходили навстрѣчу и пѣли:

„Жди, жди, братецъ,
Теперь идетъ твоя желанная.
Теперь идетъ твоя желанная,
Лѣса и кусты одаряя.
Дубу дала поясочекъ,
Липѣ бѣлый платочекъ,
Маленькимъ ивушкамъ
Бросила пару перчатокъ".

Здѣсь мы имѣемъ указаніе на то время, когда невѣсту еще похищали, и она, чтобы оставить по себѣ какіе либо слѣды, бросала по дорогѣ свои вещи, а также приносила умилостивительныя жертвы богамъ.

Въ домѣ жениха совершался самый важный актъ свадебныхъ церемоній — „мичуошана", т. е. снятіе дѣвичьяго вѣнка и одѣваніе чепца замужней женщины. Этотъ обрядъ происходилъ послѣ ужина, въ полночь, а въ иныхъ мѣстностяхъ и позже.

Всѣ въ торжественной процессіи съ зажженными свѣчами въ рукахъ направлялись черезъ избу въ кладовую, затѣмъ обходили кругомъ избы, посѣщали всѣ пристройки и, наконецъ, входили въ клѣть (klēts или klēte). Здѣсь ставили два стула, покрывали ихъ одѣяломъ или простыней и сажали на нихъ новобрачныхъ. Около нихъ становились молодыя дѣвицы и замужнія женщины, за ними мужчины со свѣчами въ рукахъ.

Молодая была въ это время очень печальна, слезы катились изъ ея глазъ. Она прощалась со своей дѣвичьей жизнью.

Но тутъ къ молодой подходили замужнія женщины и снимали ея дѣвичій вѣнецъ, а взамѣнъ того надѣвали ей на голову чепецъ замужней женщины (cepure,*) aube или mice.) Молодая противилась этому и срывала его съ себя. Между тѣмъ молодыя дѣвушки пѣли:

„Брось, брось его!
Не къ лицу, не къ лицу.
Подними свой вѣнецъ
И одѣнь его!".

Только послѣ третьяго раза чепецъ оставался на головѣ у молодой, послѣ чего свекровь ударяла ее по лицу, приговаривая: „Носи его съ честью, люби мужа".

Вѣнецъ, снятый съ молодой, тутъ же одѣвали младшей ея сестрѣ и выбирали изъ числа гостей какого либо парня для исполненія роли ея жениха.

Эта новая пара въ теченіе всѣхъ свадебныхъ торжествъ должна была держаться неразлучно и служила предметомъ всевозможныхъ остротъ и шутокъ.

Въ клѣть приносили сосудъ съ водою и предлагали молодымъ умыться, а затѣмъ эту воду выливали подъ кровать, на которой должны были спать новобрачные.

Получивъ чепецъ, молодая жена должна была одаривать своихъ новыхъ родственниковъ. Отцу и брату мужа она дарила новыя рубахи, а сестрѣ мужа и свекрови — покрывала (villaines). Эти родственники въ свою очередь дѣлали молодой подарки. Послѣдній обычай сохранился во многихъ мѣстахъ и до сего времени. Скупыхъ при этомъ обычно вышучивали, а щедрымъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ знакъ благодарности намазывали руку масломъ и давали кусочекъ хлѣба съ творогомъ и масломъ.

Свадебный пиръ продолжался всю ночь.

Когда начинались танцы, то лучшій танцоръ сперва танцовалъ съ молодой, которая послѣ того клала ему на плечо пару перчатокъ. Плясали и пѣли всѣ, какъ молодые, такъ и старики. Молодыя дѣвушки, а въ позднѣйшее время старыя женщины, старались въ своихъ пѣсняхъ высмѣять недостатки гостей.

*) Прежде — „cepure", впослѣдствіи и теперь еще — „aube" или „mice".

Силинь.

„Одинъ де ѣлъ не такъ, какъ слѣдуетъ, другой сидѣлъ криво, третій смотрѣлъ воровски, исподлобья, четвертый неповоротливъ, какъ медвѣдь, а у иного такіе рѣдкіе зубы, что во рту можно устроить ясли для лошадей“.

Къ дѣвушкамъ присоединялись парни, и остроты часто переходили въ брань, а брань въ драку. Нѣкоторые гости, чтобы избѣжать насмѣшекъ, зачастую незамѣтно исчезали со свадебнаго пира.

Когда гости ложились спать, то надъ ними продѣлывали всякія шутки: обливали водой, прятали обувь, а утромъ требовали за нее выкупъ. Если же кто-нибудь сердился, то его просили не гнѣваться, такъ какъ всѣ собрались на свадьбу, чтобы веселиться.

Свадебный пиръ продолжался 3 дня. Въ знакъ того, что свадебныя торжества окончены, предлагали гостямъ откушать щей, которыя и теперь еще подаются на свадьбахъ у бѣдныхъ людей.

„Кушайте послѣднее блюдо,
Больше не ждите,
Больше не получите“.

Когда родственники молодой, „панакстнѣки“, уѣзжали, то она бѣжала за ними и пыталась сѣсть въ ихъ телѣгу, но родственники молодого гнались за ней и старались ее удержать.

По другимъ версіямъ, молодые изъ церкви ѣхали въ домъ родителей невѣсты, а иногда и въ ближайшую корчму, гдѣ происходили свадебныя пиршества.

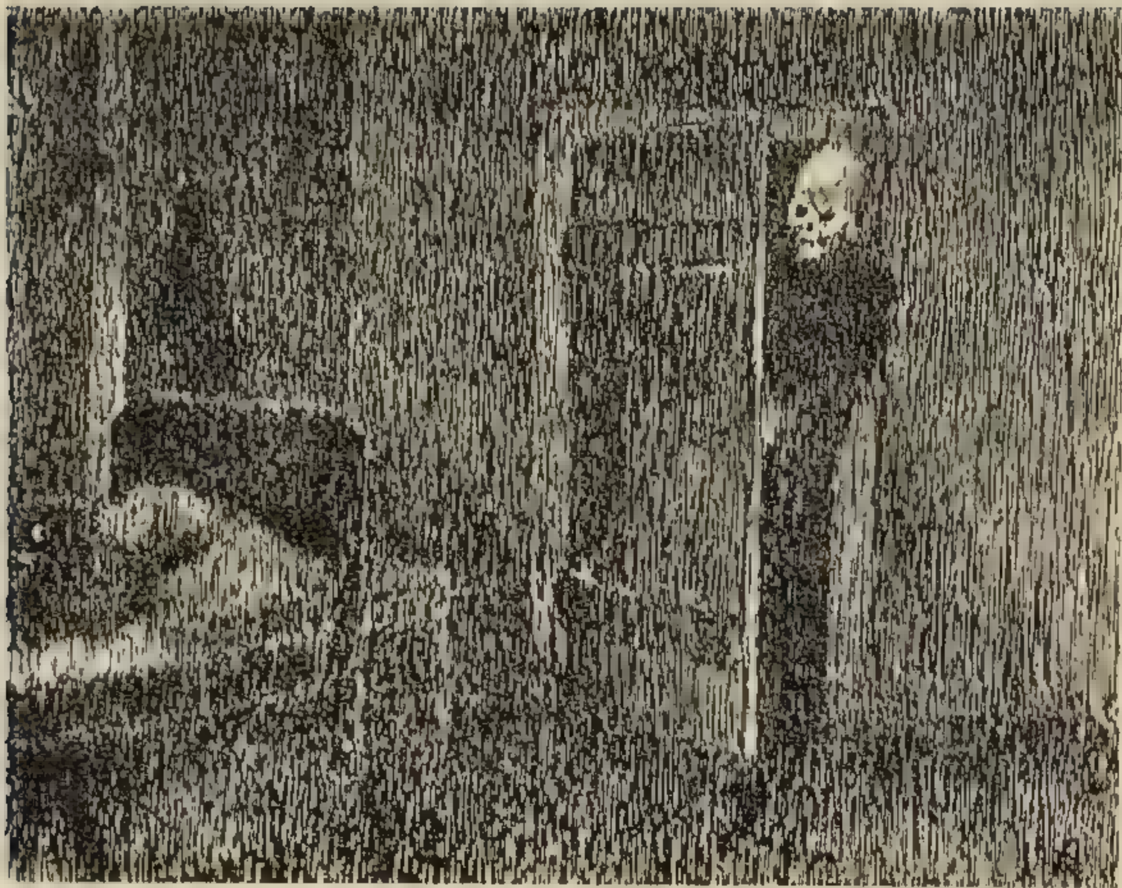
Если праздновали свадьбу въ домѣ невѣсты, то оставались здѣсь до вечера второго дня, а потомъ уже свадебный пиръ продолжался въ домѣ жениха.

Когда молодая жена собиралась ѣхать въ домъ мужа, она трогательно прощалась съ роднымъ домомъ:

„Прощай, родная усадьба.
Не буду больше здѣсь гулять.
Прощайте, поля и сады,
Я больше не буду здѣсь работать“.

В. Пурвитъ.

Похороны.

Древніе латыши хоронили или сожигали своихъ покойниковъ. Огонь они считали священнымъ, поэтому думали при его помощи освободить душу отъ тѣла и очистить умершаго.

Существуютъ указанія на то, что старики и очень больные люди кончали жизнь самоубійствомъ, пригласивъ заранѣе на свои похороны родныхъ и знакомыхъ.

Древніе латыши вѣровали въ загробную жизнь, на которую они смотрѣли, какъ на продолженіе земной, только предполагали, что самыя условія жизни для усопшаго будутъ лучше. Они думали, что онъ будетъ тамъ мирно жить вмѣстѣ со своими родными и близкими людьми, а съ врагами — вести борьбу, поэтому вмѣстѣ съ покойникомъ сжигали необходимыя каждому латышу вещи, оружіе, а во времена глубокой древности, даже любимую жену и лошадь.

Въ могилу клали янтарь, цѣпи, кольца и сосуды съ собранными туда слезами, которыя были пролиты по умершему его близкими. Послѣ того на мѣстѣ погребенія устраивали пиръ, причемъ часть ѣды удѣляли подземнымъ богамъ*).

Въ то далекое время покойниковъ латыши хоронили не на кладбищѣ, а въ уединенныхъ мѣстахъ, по лѣсамъ и полямъ, а, чтобы дикіе звѣри не могли выкопать трупъ, могилу тщательно закладывали большими камнями. Только со временъ реформаціи у латышей появились кладбища, для которыхъ они старались выбрать песчаныя горки, такъ какъ, по народному убѣжденію, „только въ такихъ мѣстахъ старый латышъ любитъ спокойно отдыхать".

Введеніе христіанства мало чѣмъ измѣнило міровоззрѣніе латыша на загробную жизнь. Народныя пѣсни очень подробно насъ знакомятъ съ погребальными обрядами и связанными съ ними суевѣріями.

Если сверчокъ долго трещалъ въ углу или за печкой, если сова стонала недалеко отъ дома, если собаки выли, или курица тянула длинную соломинку, все это предвѣщало приближеніе смерти. Но особенно вѣрнымъ вѣстникомъ смерти считалась кукушка.

„Не кукуй, кукушка, на цвѣтущей яблонѣ,
Если нѣтъ у тебя другого дерева, то кукуй на вершинѣ тростника.
Не кукуй, кукушка, на полѣ, а кукуй на окраинѣ болота
Гдѣ не пашетъ мой милый".

Если кого-либо видѣли во снѣ въ бѣломъ платьѣ или подметавшимъ комнату, то этотъ человѣкъ долженъ былъ скоро умереть. Если съ озера или со дна рѣки почудились кому-либо стоны, то говорили, что скоро кто-нибудь утопится; особенно нужно было опасаться за людей со сросшимися на лбу бровями. Если больному, когда за него молились въ церкви, становилось весело, или люди въ церкви были очень спокойны, то надежды на выздоровленіе такого больного уже больше не было.

Въ ночь подъ Рождество или подъ Новый Годъ можно было узнать, кому суждено умереть въ скоромъ времени. Для этого нужно было около полуночи выйти при лунѣ на перекрестокъ дорогъ и смотрѣть на свою тѣнь. Если она кому-либо покажется безъ головы, то въ ближайшемъ году онъ неизбѣжно долженъ будетъ умереть.

Когда всѣмъ уже было ясно, что больной умираетъ, ему спѣшили дать въ руки зажженную лучину, чтобы на томъ свѣтѣ усопшему не пришлось остаться безъ огня.

*) Еще до сихъ поръ послѣ похоронъ, за оградой кладбища, для бѣдныхъ и родственниковъ, почему либо не побывавшихъ въ домѣ покойнаго, устраиваютъ угощеніе, состоящее изъ пива, бѣлаго хлѣба, пироговъ и вареннаго гороха.

Силинь.

ДВОЙНЫЯ ДВЕРИ
ВЪ СТАРОМЪ ДОМѢ
ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБ.
фот. Ю. Д. НОВОСЕЛОВА.

ЛАТЫШКА
ЗА ПРЯЛКОЙ
КУРЛЯНДСКОЙ ГУБ.
фот. Ю. Д. НОВОСЕЛОВА.

А когда человѣкъ испускалъ послѣднiй вздохъ, то сейчасъ же отворяли всѣ окна, „чтобы душа его легко могла вылетѣть“. Затѣмъ снимали съ покойника одежды и сжигали ихъ вмѣстѣ съ постелью, на которой онъ умеръ. На утро по оставшемуся отъ сжиганiя пеплу гадали о своей судьбѣ. Существовали также примѣты, что если у покойника руки долго оставались мягкими, то скоро долженъ былъ умереть одинъ изъ его родныхъ, а если передъ смертью онъ захватывалъ въ ротъ край одѣяла, то неминуемая гибель грозила всей его роднѣ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ человѣкъ скончался, вбивали большой гвоздь. Затѣмъ покойника одѣвали въ его лучшiя одежды и сажали на стулъ. Родные, родственники и друзья собирались вокругъ сидѣвшаго мертвеца и старались вести бесѣду съ нимъ, какъ съ живымъ. Они просили кланяться на томъ свѣтѣ всѣмъ ранѣе умершимъ родственникамъ; спрашивали его, почему онъ такъ рано разстался съ жизнью на землѣ?

„Развѣ не было у тебя богатой избы?
Развѣ не было у тебя прекрасной лошади и другого скота?
Развѣ чего-либо тебѣ не хватало“?

Послѣ того покойника спѣшили положить въ гробъ, для изготовленiя котораго нѣсколько мужчинъ отправлялись въ лѣсъ, срубали дерево, а на оставшемся пнѣ ставили крестъ. Пока дѣлали гробъ, покойникъ лежалъ на столѣ.

Подушкою въ гробу служила метла, покрытая бѣлой матерiей.

Покойнику клали въ гробъ различные, необходимые, по общему мнѣнiю, предметы: новую рубашку, бритву, оружiе и другiя вещи.

При раскопкахъ старыхъ могилъ находятъ еще и теперь трубки для куренiя. По мнѣнiю латышей очень полезно курить изъ такой трубки тѣмъ, которые страдаютъ зубной болью.

Женщинамъ клали въ гробъ иголки, нитки и ножницы, чтобы онѣ могли зачинить платье, если оно по дорогѣ разорвется. Въ гробъ бросали также деньги и говорили: „Иди и живи счастливо, совершай свой путь по широкимъ песчанымъ полямъ, бери эти деньги и покупай себѣ на нихъ лошадей и телѣги“.

Мужчинамъ давали топоръ и говорили: „Отплати злымъ людямъ за причиненныя страданiя тѣмъ же“.

Если человѣкъ умиралъ внезапно, то его спѣшили положить на столъ и прикрыть доской, „чтобы онъ не могъ встать“. На доску клали дернъ, подкову или топоръ. Дернъ служилъ эмблемой покоя, а топоръ нуженъ былъ, какъ думали, для борьбы со злыми духами.

Пока покойникъ находился въ домѣ, никто не смѣлъ ходить въ баню мыться, никто не чесалъ себѣ волосъ и не мылъ лица, такъ какъ это было признакомъ горя, а чистота знаменовала собою радость.

Въ ночь передъ погребенiемъ въ домѣ родственники и домашнiе спать не ложились; они собирались всѣ вмѣстѣ, оплакивали умершаго, вспоминали разные случаи изъ его жизни, и пѣли народныя погребальныя пѣсни, а впослѣдствiи стали пѣть церковныя.

Когда все уже было готово, чтобы везти покойника на кладбище, то запрягали вороную или пѣгую лошадь, но отнюдь не бѣлую*).

„Не запрягайте бѣлаго коня,
Когда повезете меня на кладбище.
Далеко видны бѣлыя лошади,
Горько плачутъ оставшiеся“.

Чтобы душа умершаго не могла вернуться домой, у порога дома наливали воды, а на дверяхъ чертили кресты.

Зимой везли покойника не по главной проѣзжей дорогѣ, а по лѣтней дорожкѣ, чтобы хлѣбъ лучше уродился въ будущемъ году.

Если по дорогѣ попадался старый, почитаемый окрестными жителями, дубъ, каковыхъ и теперь еще много въ латышскомъ краѣ, то дѣти и женщины украшали вѣтви и листья „священнаго“ дуба нитками и лентами, пѣли пѣсни и пили по очереди изъ большой кружки особо приготовленный для этого дня нацiональный напитокъ „мѣстынь“ („miestiņs“). При этой церемонiи каждый изъ провожавшихъ долженъ былъ вспомнить и разсказать что-либо характерное изъ жизни покойнаго. Остатокъ питья выливали на корни дуба, какъ жертву или угощенiе, подземнымъ духамъ.

Весь остальной путь сопровождался пѣнiемъ похоронныхъ пѣсенъ.

„Спи спокойно въ прохладной могилѣ,
Спи прекрасно въ небесныхъ снахъ,
Навѣщай ежегодно своихъ дѣтей
Не для горя, а для счастья“.

Когда проѣзжали мимо какой-либо крестьянской усадьбы, то хозяева ея выходили

---

*) Лошадь покрывали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ бѣлой простыней.

Силинь.

навстрѣчу съ пѣніемъ. Такой обычай еще и теперь сохранился у литовцевъ.

Въ могилу бросали хлѣбъ и бутылку „мѣстыня"; этимъ покойникъ долженъ былъ по дорогѣ на тотъ свѣтъ питаться самъ, а также могъ угостить и „дѣтей привратниковъ загробнаго міра".

Крестъ на могилѣ ставили у подножія гроба, „чтобы умершему въ день Страшнаго Суда было легче подняться". Его украшали пестрыми бумажками, лентами, перчатками и друг.

Прежде чѣмъ уѣхать съ кладбища домой, провожавшіе обламывали нѣсколько вѣтокъ на ближайшихъ къ могилѣ деревьяхъ, „чтобы покойнику было на что повѣсить платье", а затѣмъ срубали елку, которую везли домой и сжигали въ печи.

Люди, которые несли покойника, били домашнихъ вѣтвями, приговаривая:

„Не умирайте, молодцы,
Нѣтъ больше мѣста на кладбищѣ".

Послѣ того участникамъ погребенія раздавались вещи умершаго.

„Перчатки — могильщику,
Платочекъ — несшему крестъ,
Узорчатое одѣяло тому, кто везъ покойника".

Теперь только начинались похоронныя торжества, продолжавшіяся 6—9 дней, и отъ приглашенія на которыя никто не могъ отказываться.

Гости приносили съ собой разныя кушанья и питье, при этомъ каждый долженъ былъ много ѣсть и пить, „иначе умершій могъ обидѣться, а потомъ отомстить и послать болѣзни". Подземнымъ богамъ также удѣляли часть ѣды и питья.

На четырнадцатый день послѣ похоронъ хозяинъ дома становился у входныхъ дверей и приглашалъ душу умершаго войти внутрь.

Домашніе обычно во время посѣщенія души сидѣли за столомъ; никто изъ нихъ въ данное время не смѣлъ ни говорить, ни пить, ни употреблять ножа, но каждый считалъ своимъ долгомъ бросить подъ столъ кусокъ ѣды или вылить питья. То и другое предназначалось для покойниковъ.

Если что-либо падало со стола, то этого уже не поднимали; упавшее оставляли для такихъ душъ, у которыхъ нѣтъ на землѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ.

Когда, по мнѣнію хозяина, души уже насытились, онъ говорилъ: „Добрыя души, вы уже довольно ѣли и пили, теперь уходите". Только послѣ этихъ словъ присутствовавшіе могли говорить и пить.

Для похоронныхъ торжествъ обязательно закалывали одно изъ домашнихъ животныхъ, чтобы тѣмъ успокоитъ и умилостивить душу умершаго.

Если кто-нибудь видѣлъ покойника во снѣ, то всѣ были увѣрены, что въ могилѣ ему нѣтъ покоя, что онъ недоволенъ похоронами и желаетъ лучшихъ.

Вдовы обычно въ теченіе тридцати дней съ восходомъ и заходомъ солнца ходили на могилы своихъ мужей и оплакивали ихъ смерть.

Изъ народныхъ пѣсенъ вполнѣ явствуетъ, что латыши глубоко вѣрили въ безсмертіе души и устраивали имъ особое празднество каждую осень между 29 сент. и 28 окт.

Въ одинъ изъ этихъ дней топили баню и непремѣнно убирали клѣть, а затѣмъ ставили въ опредѣленныхъ мѣстахъ ѣду*) и питье; послѣ того всѣ удалялись за исключеніемъ хозяина, который зажигалъ лучину и поименно приглашалъ на пиръ души своихъ умершихъ родителей, дѣтей, братьевъ, сестеръ, а также и друзей. Каждаго невидимаго гостя хозяинъ ласково встрѣчалъ, разспрашивалъ его о томъ, какъ ему живется, разсказывалъ о себѣ, а потомъ, когда ему казалось, что души достаточно уже попировали, то онъ разсѣкалъ лучину пополамъ и просилъ ихъ оставить помѣщеніе. На прощаніе хозяинъ уговаривалъ невидимыхъ гостей ходить по дорогамъ, а не по полямъ, чтобы не повредить посѣвамъ.

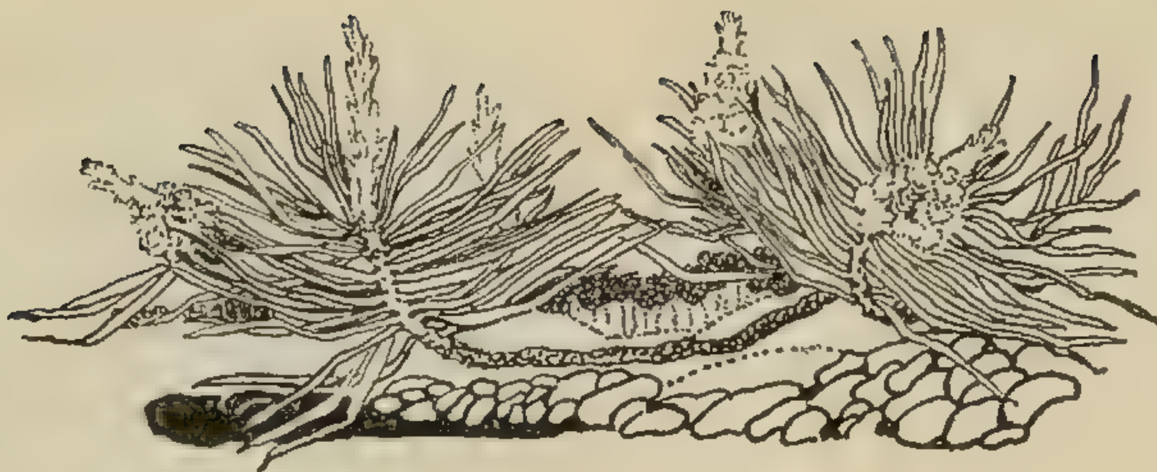
Когда къ веснѣ обнаруживалось, что озимые хлѣба плохи, то объясненіе тому было просто: души остались недовольны угощеніемъ и попортили молодые всходы. А если хозяину во время пріема гостей съ того свѣта показалось, будто онъ видѣлъ чью-либо душу, то онъ былъ увѣренъ, что ему придется умереть въ этомъ же году.

Въ „мѣсяцъ загробныхъ душъ" или „велей", какъ называли это осеннее время, думали, что если не угостить душъ умершихъ, то нужно ожидать голода въ ближайшемъ году. Въ это время даже не молотили хлѣба изъ боязни, что такое зерно не дастъ урожая.

Въ тѣ же осенніе дни старались умилостивить и „мать велей", которая, какъ думали латыши, каждую ночь въ 12 часовъ гуляла по кладбищу и разрѣшала душамъ умершихъ покидать свои могилы. Для нея приносили въ баню и оставляли тамъ напитокъ „мѣстынь", молоко, хлѣбъ и медъ.

---

*) Пищу ставили всюду: въ клѣти, въ ригѣ, въ банѣ, при томъ теплую, такъ какъ, по вѣрованію латышей, души могли наслаждаться ѣдой только путемъ обонянія. Силинь.

Дѣти и школа.

Дѣти.

Въ старину у латышей дѣти росли всецѣло предоставленныя самимъ себѣ. Угрюмая природа и бѣдность населенія не позволяли ребенку беззаботно предаваться играмъ и веселью.

Одежда лѣтомъ и зимой, какъ мальчика, такъ и дѣвочки, состояла изъ одной рубашенки. Обуви дѣтямъ никакой не полагалось, и они ходили босикомъ. Въ домѣ часто не хватало даже чернаго хлѣба. Результатомъ всего этого была страшная смертность дѣтей. Выживали только особенно крѣпкія натуры, большинство же вымирало, не будучи въ состояніи перенести всѣ невзгоды и лишенія.

Такъ какъ въ старину никакихъ школъ не было, и никому въ голову не приходило заботиться о духовномъ воспитаніи подрастающаго поколѣнія, то единственной наставницей являлась народная поэзія въ видѣ пѣсенъ, поговорокъ и загадокъ, чѣмъ такъ богато прошлое латышей.

Эти произведенія народнаго творчества въ легкой, доступной и занимательной для дѣтей формѣ руководили ихъ поступками, а иногда имѣли прямо силу закона.

Существуетъ, напримѣръ, пѣсенка, въ которой говорится о томъ, какъ зайчикъ разъ солгалъ, и у него отъ этого лопнула верхняя губа. Дѣти боялись, чтобы у нихъ съ губой не случилось того же самаго, и остерегались говорить неправду. Отъ воровства дѣтей удерживали разсказы о томъ, какъ дурные поступки отражаются на лицѣ; напримѣръ: „Кто крадетъ морковь, у того носъ дѣлается краснымъ“. Противъ жадности существуетъ пѣсенка о скупой бѣлкѣ, которая „не угостила своей сестры, а у самой между тѣмъ заплѣсневѣли пироги“.

Съ огнемъ дѣти обращались очень осторожно подъ вліяніемъ разсказовъ старшихъ, что „огонь — святой“, что съ нимъ нужно обходиться, какъ съ живымъ существомъ, потому толкать ногами горящія полѣнья или уголь — большой грѣхъ, а „если кто плюнетъ въ огонь, то у того заболитъ языкъ“.

Показывать на кого-либо пальцемъ, по понятію латышей, значитъ считать того себѣ равнымъ или даже ничтожнымъ.

Дѣти съ малыхъ лѣтъ пріучались почитать все великое и прекрасное подъ вліяніемъ народной примѣты, предупреждающей, что у того, „кто показываетъ пальцемъ на мѣсяцъ или радугу, можетъ отсохнуть рука“.

Родители также часто по отношенію къ дѣтямъ руководились полезными наставленіями и совѣтами, которые имъ диктовала народная поэзія. Такъ, когда мать шла работать въ поле и не могла оставить ребенка дома, она брала съ собой длинную жердь и, придя на мѣсто работы, втыкала одинъ конецъ жерди въ землю, а къ другому привязывала всѣми четырьмя углами свое покрывало и клала младенца въ приготовленную такимъ образомъ колыбель. Дѣлалось это изъ суевѣрнаго страха, что „не вездѣ земля хорошая, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ живутъ злые духи, которые не дадутъ ребенку покоя“. Такое суевѣріе предохраняло ребенка и отъ простуды и отъ укуса змѣй.

Характеристикой того, какъ однообразно до сихъ поръ протекаетъ жизнь латышскаго ребенка, можетъ служить то обстоятельство, что въ латышскомъ краѣ совсѣмъ нѣтъ своихъ дѣтскихъ игрушекъ, почти не существуетъ своихъ національныхъ дѣтскихъ игръ.

Изъ игрушекъ мѣстнаго производства можно встрѣтить на базарахъ и ярмаркахъ только глиняныя свистульки, изображающія уточку, гуся или дикую козу.

Игры дѣтей до семилѣтняго возраста являются ничѣмъ инымъ, какъ подражаніемъ работѣ взрослыхъ. Мальчики любятъ ѣздить верхомъ на палочкахъ, дѣлаютъ изъ прутьевъ и дощечекъ земледѣльческія орудія, а потомъ пашутъ и боронятъ ими землю. Они любятъ также играть въ охоту на зайцевъ;

тогда одни изображаютъ охотниковъ, а другіе зайцевъ. Чаще же всего мальчики просто бродятъ изъ одной усадьбы въ другую. Дѣвочки шьютъ платья своимъ кукламъ или пасутъ стада коровъ и овецъ, которыхъ имъ замѣняютъ простыя деревяшки.

Какихъ либо дѣтскихъ игръ большими группами у латышей почти не наблюдается; можно указать только на игру съ деревяннымъ дискомъ.

Лишь только дѣти начинаютъ подрастать, родители озабочены однимъ: какъ бы развить въ нихъ любовь къ труду. Дѣти уже съ семилѣтняго возраста начинаютъ нести нѣкоторыя обязанности, главнымъ образомъ, пастуховъ и пастушекъ.

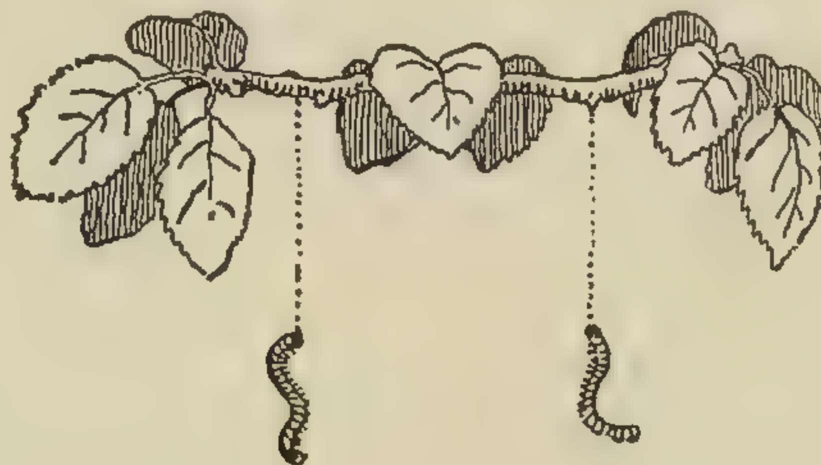
По даннымъ статистики трудящихся дѣтей, въ возрастѣ 7—10 лѣтъ насчитывается въ одной курляндской губ. около 30 тысячъ.

Мальчики, присматривая за коровами, овцами или свиньями, чтобы скоротать время, дѣлаютъ себѣ изъ дерева дудки, лукъ со стрѣлами, а дѣвочки плетутъ вѣнки и пробуютъ уже самостоятельно пѣть пѣсни, которыя онѣ слышатъ отъ взрослыхъ.

Дѣти старшаго возраста постепенно пріучаются къ болѣе серьезнымъ занятіямъ: мальчики плетутъ корзины, соломенныя шляпы, а дѣвочки вяжутъ чулки, вышиваютъ и вообще занимаются рукодѣліемъ.

Съ 15-лѣтняго возраста дѣти считаются уже взрослыми и должны исполнять всѣ хозяйственныя работы.

Жизнь современныхъ латышскихъ дѣтей быстро измѣняется къ лучшему подъ вліяніемъ школы и подъема благосостоянія крестьянскихъ массъ. Но все же во многомъ латышскія дѣти не похожи на дѣтей другихъ народовъ. Въ латышскомъ краѣ не услышишь громкаго дѣтскаго смѣха, не увидишь веселыхъ игръ. Сравнительно недавнее тяжелое прошлое и разобщенность латышскихъ усадебъ наложили свою печать унынія не только на взрослыхъ, но и на подрастающее поколѣніе. Латышскихъ дѣтей можно охарактеризовать нѣсколькими словами: они серьезнѣе своихъ лѣтъ.

В. ПУРВИТЪ.

Въ первые годы по завоеванiи крестоносцами Прибалтiйскаго края на просвѣщенiе народа не было обращено никакого вниманiя. Школы, основанныя въ то время въ большихъ городахъ и при монастыряхъ, обслуживали главнымъ образомъ нѣмецкое населенiе. Объясняется это тѣмъ, что католическое духовенство, въ рукахъ котораго находилось просвѣщенiе, не было даже знакомо съ языкомъ туземцевъ, что и обнаружилось на ландтагѣ 1424 года.

Съ реформацiей появилась впервые у латышей своя письменность: на латышскiй языкъ были переведены 10 заповѣдей и церковныя пѣсни. Но все же въ первые годы реформацiи дѣло просвѣщенiя двигалось впередъ очень медленно вслѣдствiе постоянныхъ войнъ и недостатка пасторовъ, знавшихъ мѣстный языкъ. Только съ переходомъ края во власть Швецiи на дѣло просвѣщенiя обращено было серьезное вниманiе, имѣлось даже намѣренiе сдѣлать обученiе всеобщимъ. Это видно изъ того, что „въ 1682 г. былъ изданъ законъ, чтобы въ каждомъ приходѣ была построена школа".

Но власть шведовъ была кратковременна. Къ тому же въ концѣ 17-го столѣтiя наступили тяжелые годы войны съ Россiей, Данiей и Польшей. Война породила голодъ, а въ довершенiе всего стала свирѣпствовать чума.

Когда въ 1710 году край отошелъ къ Россiи, то новое правительство нашло страну разоренной; большинство школъ сгорѣло, учащiеся разбрелись, и потому наладить просвѣщенiе было задачей нелегкой.

Въ XVIII столѣтiи важную услугу населенiю въ этомъ отношенiи оказали сектанты-гернгутеры.

Секта эта возникла въ XV столѣтiи въ Богемiи. Основателемъ ея считается Петръ Чельчицкiй, послѣдователь Iоанна Гусса. Въ основу ученiя гернгутеровъ была положена „религiя сердца", братская любовь и взаимное подчиненiе.

Гернгутеры прежде всего обучали народъ полезнымъ работамъ и просвѣщали его. Къ крещенiю они допускали только тѣхъ, которые доказали свою вѣру перемѣною жизни и хорошимъ поведенiемъ.

Въ Прибалтiйскомъ краѣ гернгутеры появились въ 1729 году по приглашенiю нѣкоторыхъ дворянъ, недовольныхъ дѣятельностью мѣстнаго лютеранскаго духовенства и желавшихъ поднять въ населенiи упавшее религiозное чувство. Гернгутеры давали народу религiозно-нравственное образованiе, поэтому правительство предоставило имъ свободу проповѣди. Лютеранское духовенство также сначала отнеслось весьма благосклонно къ ихъ дѣятельности, такъ какъ лица, принимавшiя участiе въ молитвенныхъ собранiяхъ гернгутеровъ, на первыхъ порахъ не порывали связи съ лютеранской церковью: посѣщали кирху, ходили исправно къ исповѣди и къ причастiю. Когда же гернгутерство, найдя для себя благопрiятную почву въ Прибалтiйскомъ краѣ, стало быстро распространяться и грозило отодвинуть лютеранство на второй планъ, духовныя власти усмотрѣли въ братствахъ гернгутеровъ своихъ соперниковъ. Пасторы начали проповѣдывать въ церквахъ противъ гернгутерства и всячески добиваться даже закрытiя ихъ молитвенныхъ домовъ. Въ сороковыхъ годахъ истекшаго 19-го столѣтiя дѣятельность гернгутеровъ была настолько стѣснена, что нѣкоторые изъ нихъ, напр., Давидъ Баллодъ и другiе, со своими общинами перешли въ православiе. Тогда пасторы начали входить въ компромиссъ съ гернгутерами: они разрѣшили имъ собираться въ молитвенныхъ домахъ съ условiемъ, чтобы они прежде побывали въ лютеранской кирхѣ; кромѣ того они стали назначать въ собранiя гернгутеровъ своихъ людей, по большей части школьныхъ учителей, чтобы такимъ

способомъ не выпускать гернгутеровъ изъ подъ своего влiянiя.

Весьма важно отмѣтить, что еще до сихъ поръ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ братства совершали свою просвѣтительную работу, населенiе выгодно отличается въ умственномъ и нравственномъ отношенiи.

Въ первой половинѣ XIX столѣтiя, невзирая на нѣкоторыя реформы школьнаго дѣла, просвѣщенiе въ краѣ по прежнему не получало развитiя.

Главной причиной тому было отсутствiе какой-либо системы въ проведенiи реформъ. Кромѣ того, издаваемые относительно школъ законы не всегда на мѣстѣ исполнялись, такъ какъ различныя учрежденiя, на обязанности которыхъ было заботиться объ осуществленiи этихъ законовъ, никакъ не могли прiйти къ соглашенiю. Такъ, въ 1804 году былъ разработанъ уставъ школъ Дерптскимъ университетомъ, но ни ландтагъ, ни консисторiя не желали признавать этого устава. Безнонечные споры тянулись до 1818 г. и потребовали даже личнаго вмѣшательства Императора Александра I.

Въ 1814 г. былъ изданъ законъ объ обязательномъ обученiи. По § 517 этого закона „въ каждомъ приходѣ, содержащемъ въ себѣ двѣ тысячи мужскаго пола душъ, должна быть учреждена приходская школа". Въ 1819 г. установленъ былъ денежный штрафъ за каждый пропущенный ребенкомъ учебный день. Однако осуществить на практикѣ всеобщее обученiе все-таки еще долго не удавалось. Это видно изъ того, что къ началу 1849 г. въ лифляндской губ., изъ числа 107 лютеранскихъ приходовъ, въ 23-хъ не было приходскихъ школъ, а въ латышской части той же губернiи насчитывалось только 9 волостныхъ школъ.

Подъемъ школьнаго дѣла въ краѣ наблюдается во 2-ой половинѣ истекшаго столѣтiя послѣ окончательнаго раскрѣпощенiя латышей, когда многiе изъ нихъ стали дѣлаться собственниками земли.

По уставу 1875 года школы находились въ вѣдѣнiи министерства внутреннихъ дѣлъ. Завѣдывали ими дворянство, духовенство и представители отъ крестьянъ. Уставъ требовалъ, чтобы на одного учителя приходилось не болѣе 80—90 учениковъ, чтобы при каждой школѣ была устроена библiотека. Самое преподаванiе велось на родномъ языкѣ учащихся. Что же касается русскаго языка, то онъ былъ въ полномъ загонѣ. „Преподаванiе русскаго языка учебными планами дозволялось не иначе, какъ съ разрѣшенiя приходско-школьнаго управленiя". Поэтому невзирая на то, что законъ 1874 г. о всеобщей воинской повинности требовалъ введенiя въ школахъ обязательнаго обученiя русскому языку, учителей, способныхъ преподавать этотъ предметъ, не находилось. Въ 1887 году во всемъ Прибалтiйскомъ краѣ была произведена школьная реформа, коснувшаяся главнымъ образомъ языка преподаванiя.

Статья 3840 закона этого года гласитъ: „Въ сельскихъ училищахъ преподаванiе всѣхъ предметовъ производится на русскомъ, эстонскомъ или латышскомъ языкѣ, смотря по удобству, съ тѣмъ, что въ послѣднiй годъ обученiя на русскомъ языкѣ должно производиться преподаванiе всѣхъ предметовъ, кромѣ Закона Божiя и церковнаго пѣнiя".

Реформа эта была встрѣчена нѣмецкими кругами не только съ глубочайшимъ сожалѣнiемъ, но лифляндское дворянство отвѣтило на новый законъ явнымъ протестомъ, закрывъ большинство мызныхъ школъ, которыя содержались на средства помѣщиковъ, и въ которыхъ обучались дѣти мызныхъ рабочихъ. Мало того, дворянство лифляндской губ., въ лицѣ церковныхъ попечителей, проявило стремленiе къ захвату имущества (земельные участки, школьныя зданiя) этихъ училищъ въ пользу лютеранскихъ церквей, что было засвидѣтельствовано бывшимъ лифляндскимъ губернаторомъ Зиновьевымъ въ циркулярѣ комиссарамъ по крестьянскимъ дѣламъ отъ 15 декабря 1890 г. за № 11028.

Реформа 1887 года, въ самомъ началѣ встрѣченная нѣмецкими кругами несочувственно, и въ дальнѣйшемъ служила поводомъ къ безконечнымъ и подчасъ незаслуженнымъ нападкамъ на русскую школу.

Такъ, на основанiи свѣдѣнiй, поступившихъ въ комитетъ министровъ отъ Лифляндскаго и Эстляндскаго предводителей дворянства, журналъ Комитета отъ 10-го мая 1905 г. призналъ „положенiе школьнаго дѣла въ Прибалтiйскомъ краѣ неудовлетворительнымъ"*), слѣдствiемъ чего „явилось даже понижeнiе культурнаго состоянiя края", и преобразованная школа создала „условiя, благопрiятныя для развитiя невѣрiя, усиле-

*) „О положенiи начальнаго народнаго образованiя въ Прибалтiйскомъ краѣ". 1906 г.

А. Вильевъ и другiе.

нія безнравственности, огрубѣнія нравовъ крестьянской молодежи и умноженія числа малолѣтнихъ преступниковъ“.

Въ отвѣтъ на столь тяжкія обвиненія руководители народнаго образованія въ краѣ, инспектора народныхъ училищъ (В. Правдинъ, И. Поповъ, М. Успенскій) во главѣ съ директоромъ народныхъ училищъ (А. Вильевымъ), сочли „своею нравственною обязанностью“ выступить на защиту русской школы.

Они цифрами и фактами доказали, что „нельзя говорить объ упадкѣ въ краѣ народнаго образованія“.

„Если же за періодъ времени съ 1886 г. по 1904 г. число школъ уменьшилось съ 3007 до 2477, т. е. на 30, то все же число учащихся за то же время возрасло съ 132.867 до 157.935, т. е. на 25.068, что составляетъ 19%.

Что же касается причинъ упадка въ населеніи чувствъ религіозныхъ и патріотическихъ, то ихъ нужно искать не въ школѣ, а въ коренныхъ недостаткахъ общественнаго строя Прибалтійскаго края“. Каковые недостатки авторы тутъ же и перечисляютъ: „неблагопріятныя для громаднаго большинства аграрныя условія, разныя привилегіи нѣмецкаго дворянства, преобладаніе нѣмцевъ среди лютеранскаго духовенства и право патроната, въ силу котораго пасторы являются чуждыми для своей паствы и даже навязываются ей насильственно“.

Помимо нападокъ на русское просвѣщеніе со стороны нѣмцевъ, въ латышской и русской печати подвергалась критикѣ самая система преподаванія въ реформированной школѣ.

Дѣло въ томъ, что статья 3640 новаго закона о Прибалтійскихъ школахъ была истолкована въ томъ смыслѣ, что преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ Закона Божія и церковнаго пѣнія, „удобнѣе“ вести на русскомъ языкѣ съ первыхъ же шаговъ ребенка въ школѣ.

На этой почвѣ вызвали особенное неудовольствіе не въ мѣру усердные педагоги, которые въ своихъ требованіяхъ относительно русскаго языка доходили до абсурда, а именно, запрещали ученикамъ народной школы даже говорить между собою по-латышски. Замѣченнымъ въ нарушеніи этого правила вѣшали на шею позорную дощечку съ надписью: „За латышскій разговоръ“. Поскольку такое преподаваніе достигало своей цѣли въ учебно-воспитательномъ отношеніи, свидѣтельствуютъ выступленія въ печати самихъ же учителей.

„Учителю тяжело было проводить подобнаго рода обученіе со строгою послѣдовательностью, такъ какъ оно убивало духъ учениковъ, портило ихъ способности.

Чтобы теоретически оправдать такое положеніе вещей, было выдвинуто ученіе о такъ называемомъ натуральномъ методѣ. Въ классъ приносили камни, цвѣты, молотки и прочіе предметы. Учитель ходилъ по классу и громко говорилъ: „Я хожу“. Ученики повторяли: „Я хожу“. Хотя теоретически подобный способъ обученія кажется простымъ и яснымъ, на практикѣ онъ не такъ легокъ, и можетъ быть съ успѣхомъ примѣняемъ только при извѣстныхъ условіяхъ, которыхъ въ деревенской школѣ нѣтъ. Заучиваніе же абстрактныхъ понятій очень трудно“.

Въ 1905 г. по Высочайшему Повелѣнію отъ 18 іюня было допущено въ одноклассныхъ школахъ и въ первыхъ классахъ начальныхъ училищъ пользованіе природнымъ языкомъ учащихся. Затѣмъ въ 1906 г. циркуляромъ попечителя Рижскаго учебнаго округа отъ 9 октября было разрѣшено „во всѣхъ начальныхъ школахъ (сельскихъ и городскихъ) въ первые два года обученія при однородномъ составѣ учащихся (въ смыслѣ національности) вести преподаваніе, кромѣ государственнаго языка, на природномъ языкѣ учащихся“.

Въ такомъ видѣ мы теперь и застаемъ начальную школу у латышей.

По своему типу школы весьма разнообразны.

Типы школъ Прибалтійскаго края.

- Городскія (бывш. уѣздныя) училища.
- Городскія и правительственныя начальныя училища.
- Министерскія школы.
- Лютеранскія школы.
- Православныя школы.
- Частныя начальныя училища.
- Начальныя училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій.

Средства на содержаніе начальныхъ училищъ въ краѣ получаются главнымъ образомъ отъ сельскихъ обществъ, отъ казны, городовъ и отъ платы за ученіе. Кромѣ того, денежныя средства для школъ собираются и изъ другихъ источниковъ: отъ училищнаго совѣта, дворянства, изъ школьныхъ денегъ, съ доходовъ отъ земельныхъ участковъ и пополняются разными пожертвованіями.

Господствующимъ типомъ являются лютеранскія приходскія и волостныя школы, гдѣ курсъ ученія 3-хъ годичный, вѣрнѣе 3-хъ зимній, такъ какъ занятія въ деревенской школѣ начинаются обычно въ октябрѣ и заканчиваются въ апрѣлѣ.

Когда съ 1906 года было предписано вести преподаванiе первыя двѣ зимы на родномъ языкѣ, а на 3-ю производить все обученiе на русскомъ, то измѣненiе это въ пользу материнскаго языка удовлетворило не всѣхъ, и въ печати начали раздаваться голоса, что „на 3-ью зиму врядъ ли ученики будутъ въ состоянiи изучать всѣ предметы на русскомъ языкѣ. А потому положенiе, въ какое теперь поставлена школа, вполнѣ нормальнымъ*) признать нельзя“ („Рижская Мысль“ 1909 г. 10-го февраля).

Высказываясь за обученiе въ народной школѣ только на родномъ языкѣ, тотъ же авторъ однако нисколько не умаляетъ значенiя русскаго языка. Онъ перечисляетъ даже въ какихъ именно цѣляхъ необходимо латышамъ изучать государственный языкъ: для продолженiя образованiя, для военной службы, для занятiя разныхъ должностей. И въ заключенiе приходитъ къ выводу, что при рекомендуемой имъ школьной системѣ „изученiе русскаго языка сдѣлается интенсивнѣе“. Но такое мнѣнiе отнюдь нельзя признать господствующимъ. Наоборотъ, многiе латыши обнаруживаютъ стремленiе отдавать своихъ дѣтей въ школу, гдѣ все проходится на русскомъ языкѣ, хотя имѣется полная возможность обучать ихъ первые 2 года на родномъ. Такъ, по словамъ М. Степанова, въ курляндской губернiи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рядомъ съ волостными школами, гдѣ преподаванiе ведется на латышскомъ языкѣ, отлично функцiонируютъ частныя училища съ русскимъ языкомъ преподаванiя.

Что же касается самой школы, то, какъ свидѣтельствуютъ руководители ея, „она послѣ реформъ 1887 года стала болѣе народной“. Это они усматриваютъ изъ того факта, что вслѣдъ за реформой сталъ рѣзко измѣняться племенной составъ учащихся въ городскихъ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ, куда, благодаря знанiю русскаго языка, получили возможность поступать дѣти крестьянъ.

„Сочувствiе крестьянскаго населенiя къ русской школѣ сказалось въ назначенiи со своей стороны новыхъ денежныхъ средствъ на постройку школьныхъ зданiй, въ увеличенiи содержанiя учителямъ, въ томъ живомъ участiи, которое оно принимало въ избранiи кандидатовъ*) на учительскiя вакансiи и, наконецъ, въ ходатайствахъ о преобразованiи волостныхъ школъ въ двухклассныя министерскiя училища“.

„Черезъ ознакомленiе съ русскимъ языкомъ крестьянскому населенiю открылась возможность заработка не только въ тѣсныхъ границахъ родины, но и повсемѣстно въ Россiи. Въ сознанiи этой-то, конечно, экономической пользы, латыши особенно охотно помѣщаютъ своихъ дѣтей въ начальныя правительственныя и министерскiя училища, въ виду лучшей постановки въ нихъ преподаванiя русскаго языка. Въ послѣднее время училища эти прямо-таки переполнены учащимися“.

Начальное обученiе въ Прибалтiйскомъ краѣ не исчерпывается школой и поставлено значительно шире. Прежде чѣмъ поступить въ какую либо школу, латышскiй ребенокъ обучается еще и дома.

Такое домашнее обученiе дѣтей начинается съ семилѣтняго возраста и происходитъ подъ контролемъ мѣстнаго пастора, который въ этихъ цѣляхъ раздѣляетъ свой приходъ на нѣсколько частей и поручаетъ каждую изъ нихъ вѣдѣнiю одного какого – либо лица, изъ числа наиболѣе образованныхъ. Руководитель, избранный пасторомъ, учитъ дѣтей на родномъ языкѣ читать, считать, катехизису, священной исторiи и церковному пѣнiю. Онъ собираетъ ихъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, а иногда и чаще, провѣряетъ ихъ познанiя и отмѣчаетъ успѣхи каждаго ребенка въ особой книжечкѣ, которая дается каждому начинающему обучаться. Пасторъ одинъ или два раза въ годъ объѣзжаетъ весь приходъ и провѣряетъ познанiя дѣтей.

Такой способъ обученiя вообще нельзя не признать удачнымъ, особенно для тѣхъ мѣстностей, гдѣ въ школахъ ощущается недостатокъ.

Статистическiя данныя показываютъ, что 52% учащихся оказываютъ хорошiе успѣхи, 33% — удовлетворительные и только 15%, по тѣмъ или инымъ причинамъ, успѣховъ не обнаруживаютъ. Наибольшiй процентъ малоуспѣшныхъ даютъ дѣти мызныхъ батра-

---

*) Наблюдаются случаи, когда дѣти послѣ 2-хъ лѣтъ ученiя на родномъ языкѣ бросаютъ школу.

Авторъ.

*) Въ курляндской губернiи, въ силу закона, и лифляндской губ., по установившейся практикѣ, назначенiю учителей въ лютеранскiя, приходскiя и волостныя школы предшествуетъ избранiе и представленiе кандидата на учительскую должность со стороны мѣстнаго приходского церковно-школьнаго конвента или подлежащихъ сюда волостныхъ выборныхъ“.

А. Вильевъ и другiе.

ковъ въ силу наиболѣе тяжелой матеріальной обстановки, среди которой имъ приходится жить.

Если даже допустить, что приведенныя статистическія данныя неточны, что они рисуютъ намъ этотъ способъ обученія въ розовомъ свѣтѣ, все-таки не подлежитъ никакому сомнѣнію, что только благодаря домашнему обученію Прибалтійскій край сталъ уже давно грамотнымъ.

Статистическія данныя, собранныя въ 1911 г. къ I-ой Рижской Педагогической выставкѣ, показали, что дѣти, поступающія въ Прибалтійскія школы, почти всѣ грамотны; неграмотныхъ — около 10%.

По даннымъ, почерпнутымъ изъ латышскихъ источниковъ, уже въ 1835 году въ Курляндіи умѣющихъ читать было 90—95%.

Въ настоящее время, по оффиціальнымъ даннымъ, грамотныхъ въ курляндской губерніи, не считая дѣтей до 9 лѣтъ, — 85%, а въ лифляндской губ. — 92%. Но для правильнаго представленія о грамотности латышскаго края нужно добавить, что здѣсь къ грамотнымъ часто относятъ лишь окончившихъ школу, а умѣющіе только читать и писать заносятся въ число неграмотныхъ. Справедливость послѣдняго подтверждается мнѣніемъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ крестьянской средою. По ихъ словамъ латыши почти всѣ грамотны*), и только нѣкоторые старики и старухи не умѣютъ писать или читать по писанному.

Кромѣ домашняго и школьнаго обученія въ латышскомъ краѣ практикуется еще и повторительное.

Подростки, окончившіе волостную школу и не имѣющіе возможности продолжать свое образованіе, собираются нѣсколько разъ въ году, на недѣлю или на двѣ, въ школѣ, гдѣ учитель повторяетъ съ ними въ главныхъ чертахъ пройденное раньше.

Повторительный курсъ находится подъ контролемъ мѣстнаго пастора; поэтому онъ разъ въ году посѣщаетъ волостное училище для провѣрки познаній лицъ, прошедшихъ повторительный курсъ.

За послѣднее время этотъ родъ обученія примѣняется все меньше и меньше.

Если начальное обученіе сдѣлало въ краѣ значительные успѣхи полвѣка тому назадъ, то среднее развивается лишь за послѣднее время.

О быстромъ подъемѣ средняго образованія у латышей краснорѣчиво свидѣтельствуетъ лѣтопись рижской Городской гимназіи, вышедшая изъ печати въ 1911 г.

Когда въ концѣ истекшаго столѣтія этотъ стариннѣйшій нѣмецкій разсадникъ просвѣщенія сдѣлался русскимъ, число учениковъ нѣмецкой національности пошло на убыль, а количество латышей стало быстро возрастать.

Изъ лѣтописи видно, что не такъ еще давно, именно въ 1897 году, латышей въ гимназіи насчитывалось 54, тогда какъ въ концѣ 1910 г. ихъ зарегистрировано было 135 ч., т. е. увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое. Такое стремленіе латышей къ дверямъ высшей школы видно и по другимъ среднеучебнымъ заведеніямъ края. Казенныя, городскія и общественныя гимназіи, реальныя и коммерческія училища не въ состояніи удовлетворить всѣхъ латышей, ищущихъ средняго образованія. Поэтому, когда послѣ 1905 года былъ предоставленъ широкій просторъ частной инициативѣ на этомъ поприщѣ, то открылось много новыхъ среднеучебныхъ заведеній, заполнившихся дѣтьми латышской національности. Нѣкоторыя вновь открытыя женскія гимназіи къ тому же настолько понизили плату за ученіе, что сдѣлали доступнымъ среднее образованіе самымъ широкимъ кругамъ населенія.

Распространенію образованія въ краѣ въ сильной степени способствуютъ разныя латышскія общества, преслѣдующія просвѣтительныя цѣли.

Къ началу 1911 г. зарегистрировано было 49 такихъ обществъ съ 5-ю тысячами членовъ и съ бюджетами въ 100.000 руб.

Латышскія просвѣтительныя общества.

Въ курляндской губерніи 25 общ. — 2500 чл.
Въ лифляндской губ., безъ Риги, 19 общ. — 2000 чл.
Въ г. Ригѣ 5 обществъ — 1000 чл.

Изъ латышскихъ обществъ, поставившихъ себѣ исключительно культурныя задачи, особенно много сдѣлало „Рижское Латышское Общество“. Оно до 1905 года объединяло почти всю латышскую интеллигенцію для научной и просвѣтительной работы.

Въ 1885 г. „Р. Л. Оществомъ“ основано было „отдѣленіе по изданію полезныхъ книгъ“, которое до сихъ поръ проявляетъ кипучую дѣятельность. Такъ, въ 1908 г. это отдѣленіе издало 52.061 экземп. разныхъ популярныхъ книгъ, а въ 1909 году — 76.927.

Кромѣ того, „Рижское Латышское Общество“ издаетъ въ количествѣ 4000 экз. энциклопедическій

*) О широкомъ распространеніи грамотности среди латышей свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что наиболѣе распространенная газета „Dsimtenes Wehstnesis“ печатается ежедневно въ количествѣ 35 тысячъ экз., а по субботамъ въ 40 тысячахъ.

словарь по образцу Мейера и Брокгауза, причемъ особое вниманіе удѣляется вопросамъ, касающимся родного края.

„Ученая комиссія" этого общества, помимо разработки различныхъ научныхъ вопросовъ, ставитъ себѣ еще цѣлью организацію матеріальной помощи латышской молодежи, стремящейся къ высшему образованію.

До 1909 года комиссія выдала студентамъ свыше 40 тысячъ рублей. Необходимо отмѣтить, что пожертвованія для „студенческихъ стипендій" поступаютъ со стороны самыхъ широкихъ круговъ населенія и, главнымъ образомъ, „взамѣнъ новогоднихъ визитовъ".

Новое зданіе „Р. Л. Общества". Фот. Скариня.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ произошедшаго разногласія во взглядахъ и убѣжденіяхъ латышей и вслѣдствіе обострившихся отношеній на этой почвѣ между отдѣльными группами населенія, рядомъ съ „Рижскимъ Латышскимъ Обществомъ" народилось другое: „Латышское Просвѣтительное Общество".

Дѣятельность общества быстро развивается. Оно насчитываетъ въ настоящее время около 500 членовъ и бюджетъ его въ 1910 г. превысилъ 20.000 руб. (въ 1909 г. около 10.000 руб.). Общество содержитъ 16 учебныхъ заведеній (1 прогимназію и 15 начальныхъ училищъ), въ которыхъ занимаются 34 лица преподавательскаго персонала и обучаются 845 дѣтей. Дѣятельность общества въ истекшемъ году выразилась также въ устройствѣ публичныхъ лекцій (19 лекцій, посѣтителей лекцій свыше 3.000), читальни, въ изданіи „ежегодника" съ массой статей и статистическихъ матеріаловъ по вопросамъ народнаго образованія и назначеніи преміи имени Хр. Барона за изслѣдованія по народной поэзіи. Анкетная комиссія занималась составленіемъ плановъ образцовыхъ школьныхъ помѣщеній и вела подготовительныя работы по предстоящей школьной анкетѣ. Дѣтямъ болѣе нуждающихся родителей въ школахъ общества съ 1910 года отпускаются горячіе завтраки.

Просвѣтительнымъ обществамъ оказываютъ поддержку различныя кредитныя учрежденія, удѣляющія имъ часть своей чистой прибыли.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что латышскія школы, открываемыя на средства, какъ обществъ, такъ и частныхъ лицъ, отнюдь не преслѣдуютъ узкихъ националистическихъ задачъ.

Преподаваніе въ нихъ ведется, за рѣдкими исключеніями, на русскомъ языкѣ.

Латыши отлично сознаютъ, что только благодаря русской школѣ имъ открылся доступъ во всѣ безъ различія высшія учебныя заведенія Имперіи.

Латышей, получившихъ высшее образованіе, теперь насчитывается болѣе 1300 ч., а обучающихся въ настоящее время въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ около 700.

У латышей, за сравнительно короткое время, составился широкій кругъ интеллигенціи, появились свои доктора, адвокаты, публицисты, художники, архитектора, учителя.

Русская школа не убила ихъ національныхъ особенностей.

Латыши остались латышами. Тогда какъ при нѣмецкихъ порядкахъ, при нѣмецкой школѣ почти каждый латышъ, получившій высшее образованіе или выдвинувшійся на какомъ либо другомъ поприщѣ, начиналъ скрывать свою національность и выдавалъ себя за нѣмца. Затѣмъ, прибавивъ къ своей фамиліи приставку „гъ", онъ превращался изъ латыша Берзиня въ нѣмца Берзинга, изъ Калниня въ Кальнинга, изъ Лайминя въ Лаиминга. Вскорѣ такой латышъ терялъ всякую связь съ народомъ, изъ котораго вышелъ, и даже дома, въ кругу своей семьи, начиналъ говорить по-нѣмецки.

Сельское хозяйство*) и общества.

Три четверти латышскаго народа извлекаетъ себѣ средства къ существованію изъ занятій различными отраслями сельскаго хозяйства.

Освобожденіе латышей отъ крѣпостной зависимости, произошедшее въ самомъ началѣ истекшаго столѣтія, измѣнило только характеръ крестьянскихъ повинностей по отношенію къ помѣщику. Крестьяне вмѣсто натуральной повинности стали нести денежную. Хотя имъ предоставлялось право пріобрѣтать землю въ вѣчное и потомственное владѣніе, но до 1863 года въ краѣ почти не было крестьянской земельной собственности.

Освобожденіе крестьянъ въ 1861 г. во всей Имперіи, съ надѣленіемъ ихъ землею, повлекло за собою въ латышскомъ краѣ серьезныя волненія среди сельскаго населенія. Послѣ чего Правительство самымъ энергичнымъ образомъ принялось за разрѣшеніе труднаго и важнаго для всего края аграрнаго вопроса. Цѣлымъ рядомъ распоряженій значительно были ограничены права дворянства „въ видахъ наибольшаго развитія мелкихъ владѣній“. Тогда только латыши изъ прежнихъ арендаторовъ земли стали превращаться въ ея собственниковъ. Но такъ какъ въ краѣ большинство крестьянъ всетаки оставалось безъ земли, то Правительство выдѣлило для продажи имъ участки изъ казенныхъ земель.*)

Всѣ эти мѣропріятія привели къ тому, что въ сравнительно короткій срокъ значительная часть земли перешла въ полную собственность крестьянскаго населенія. Въ настоящее время въ лифляндской губ. крестьянамъ принадлежитъ 1.159 тысячъ десятинъ, что составляетъ 34,8% общей площади, въ курляндской 931 тыс. десятинъ, что составляетъ 38% общей площади.**)

Однако половина всего сельскаго населенія является безземельными батраками.

Усадьба современнаго латыша-собственника представляетъ изъ себя небольшое помѣстье, чаще всего десятинъ въ 20—70. Такихъ землевладѣльцевъ-крестьянъ въ курляндской губ. насчитывается 58%, а владѣющихъ землею въ 5—20 десятинъ — 18,9%.

Въ обработкѣ земли участвуетъ вся семья; кромѣ того, смотря по величинѣ участка, дворохозяинъ нанимаетъ еще одного или нѣсколькихъ батраковъ. Послѣдніе, какъ семейные, такъ и холостые, живутъ подъ одной крышей съ семьею дворохозяина, но изолированно, на особой половинѣ. Иногда батракамъ отводится отдѣльная изба и даже участокъ земли.

М. Н. Степановъ дѣлитъ батраковъ на нѣсколько категорій. 1) „Депутанты“ — рабочіе, получающіе 30—50 рублей въ годъ, даровую квартиру, дрова и сельскохозяйственные предметы. Жена „депутанта“ обязуется 40—50 дней работать на дворохозяина. „Депутантъ“ имѣетъ право держать немного скота, для котораго получаетъ кормъ, кромѣ того ему дается небольшой клочекъ земли, на которомъ онъ можетъ для себя развести огородъ и посадить картофель.

2) Батраки, состоящіе на полномъ иждивеніи хозяина, отъ котораго они получаютъ все, кромѣ одежды. Денежное вознагражденіе такихъ рабочихъ — мужчинъ обычно колеблется отъ 120 до 150 рублей въ годъ, женщины получаютъ почти вдвое меньше.

3) Поденные рабочіе (Tagelöhner), нанимающіеся съ лошадью или безъ нея. Плата первымъ, смотря по времени, — отъ 2 р. до 3 р. 20 к. на своихъ харчахъ и вторымъ — отъ 1 до 1 р. 80 коп.

4) Ландскнехты (Landsknechte), находящіеся въ наибольшей зависимости отъ хозяевъ; они денежнаго вознагражденія не получаютъ, а взамѣнъ того имъ дается участокъ земли въ 3—6 десятинъ съ необходимыми постройками, причемъ хозяинъ даетъ еще дрова и производитъ необходимый ремонтъ жилища.

---

*) Статья о земледѣліи написана, главнымъ образомъ, на основаніи статистическихъ изслѣдованій по курляндской губ. М. Н. Степанова и по докладу въ засѣданіи СПБ. собранія сельскихъ хозяевъ Н. А. Крюкова. Авторъ.

*) Въ курляндской губ. изъ казенныхъ земель для этой цѣли было выдѣлено 14.035 десятинъ.

М. Н. Степановъ.

**) Помѣщикамъ принадлежитъ въ лифляндской губ. 1,807 тыс. десятинъ, а въ курляндской губ. 1,019 т. десятинъ.

„Еженед. Россіи М. В. Д.“ 1909 г.

Свою землю они могутъ обрабатывать только въ свободное отъ хозяйскихъ работъ время. Landsknechte, такимъ образомъ, являются рабочими, прикрѣпленными къ землѣ.

Здѣсь мы наталкиваемся уже на отжившую форму эксплоатаціи рабочей силы, но встрѣчающуюся въ курляндской губ. далеко не какъ исключеніе. Напр., въ имѣніяхъ Ислицгофъ, Нейбергсфридъ, Ауэрмюнде Добленскаго уѣзда и въ другихъ.

5) Прислуга, находящаяся въ полномъ распоряженіи владѣльца земельнаго участка; на обязанности ея лежатъ кромѣ работъ въ домѣ по хозяйству еще и уходъ за скотомъ. Прислуга получаетъ отъ хозяевъ все, кромѣ одежды, и оплачивается по 5—7 рублей въ мѣсяцъ.

Въ крестьянскихъ усадьбахъ въ качествѣ прислуги эксплоатируются также подростки 13—15 лѣтъ, при годовомъ жалованьи въ 25—40 рублей.

6) Малолѣтніе работники, дѣти школьнаго возраста, нанимающіеся въ качествѣ пастуховъ и пастушекъ. Обычное ихъ жалованье 1—2 рубля въ мѣсяцъ на хозяйскомъ содержаніи, но объ одеждѣ они должны заботиться сами.

Обработка льна. Фот. Рѣкста.

Всѣ сельскохозяйственные рабочіе должны приписываться къ волостнымъ обществамъ;*) причемъ мужчины съ 16 лѣтъ платятъ повинности: холостые 5—10 руб. въ годъ, а женатые вдвое меньше.

Всѣ плательщики имѣютъ въ волостныхъ правленіяхъ своихъ выборныхъ представителей.

До 30-хъ годовъ истекшаго столѣтія въ краѣ господствовала трехпольная система земледѣлія, но съ теченіемъ времени была введена болѣе интенсивная культура, и теперь всюду практикуется многопольная.

Наиболѣе распространеннымъ сѣвооборотомъ въ курляндской губ. является 9, 10, 11-полье.

Обычный сѣвооборотъ въ курляндской губерніи: 1) паръ, 2) рожь, 3) клеверъ, 4) клеверъ, 5) клеверъ, 6) ячмень, 7) овесъ, 8) паръ, 9) рожь, 10) ячмень, 11) овесъ или картофель, или горохъ, или ленъ. При этомъ иногда паръ замѣняется виковой смѣсью.

Культивируются главнымъ образомъ зерновые хлѣба, за ними идутъ стручковыя растенія и корнеплоды, затѣмъ кормовыя травы, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ клеверъ и люцерна. Изъ промышленныхъ растеній разводятъ ленъ, коноплю, но большого значенія они не имѣютъ.

Начинаются полевыя работы обычно въ мартѣ. Около 20-го числа этого мѣсяца крестьяне принимаются пахать землю.

Начало другихъ работъ приблизительно таково: съ 6—10 апрѣля — посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ, съ 15 іюня — 5 іюля — сѣнокосъ, съ 15-го—20 августа — уборка озимыхъ, съ 1—15 августа — уборка яровыхъ, съ 20—24 августа — посѣвъ озимыхъ.

Урожайность хлѣбовъ въ краѣ значительно выше, чѣмъ въ другихъ областяхъ Россіи. Особенно интересно сравнить въ этомъ отношеніи латышскія губерніи съ сосѣдними: псковской, витебской и ковенской, гдѣ условія для земледѣлія почти такія же, какъ въ разбираемомъ краѣ.

По даннымъ 1908 г. въ курляндской губ. урожай ржи былъ отъ 65—70 п. на десятину, тогда какъ въ ковенской — 48–60; въ лифляндской губ. — 77–88 п., а въ витебской 38–48, и въ псковской — 52.

По даннымъ 1909 г. урожай ржи въ курляндской губ. — 70 п., въ ковенской — 59; въ лифляндской — 72, а въ сосѣдней витебской — 33 п. и въ псковской — 37 п. Такая же значительная разница урожаевъ наблюдалась и въ другіе годы.

Эти возвышенные урожаи объясняются ничѣмъ инымъ, какъ болѣе высокимъ культурнымъ уровнемъ сельскаго населенія.

Еще болѣе поразительныя данныя получаются въ отношеніи животноводства.

Въ курляндской губ. на 1000 жителей приходится 567 головъ рогатаго скота, въ лифляндской — 397, тогда какъ въ витебской —

*) Нѣсколько усадебъ образуютъ волость. Въ составъ волостного общества по положенію 19-го февраля 1861 года входятъ обыватели, принадлежащіе къ одному имѣнію или пасторату. Лица, не приписанныя къ волостному обществу, но пріобрѣтшія въ собственность крестьянскій участокъ или арендовавшія его, тѣмъ самымъ становятся полноправными членами волости и несутъ всѣ повинности, опредѣленныя положеніемъ о волостныхъ обществахъ.

273, а въ псковской — 314. Но особенно велика разница въ количествѣ овецъ и свиней. Въ курляндской губ. приходится на 1000 жителей 661 овца и 410 шт. свиней, а въ псковской — 211 овецъ и 97 свиней.

„Въ этомъ краѣ внѣдрились на практикѣ пріемы хозяйствъ, которые усвоены въ настоящее время всѣми культурными государствами.

Жатва. Фот. автора.

На міровомъ рынкѣ пшеница потеряла свое первенствующее значеніе. Въ пятидесятыхъ годахъ за одинъ пудъ мяса можно было имѣть 4 пуда пшеницы, тогда какъ теперь — 12 пудовъ.

Теперь на рынкѣ требуется все больше и больше мяса, масла и яицъ и гораздо меньше зерновыхъ продуктовъ, поэтому чисто земледѣльческія страны непремѣнно должны идти навстрѣчу этимъ новымъ требованіямъ, и первая приспособилась къ этому маленькая Данія.

Страна эта не обладаетъ никакими рессурсами, кромѣ сельскаго хозяйства; тамъ имѣются только луга и поля, да и поля — то неважныя съ нашей точки зрѣнія.

Послѣ 1865 года, когда Данія была разбита Пруссіей, идея возрожденія охватила датчанъ.

Передовые люди указывали, что надо обратить вниманіе на рогатый скотъ, а чтобы улучшить его, надо сѣять травы, кормовые корнеплоды.

Черезъ 15—20 лѣтъ усилій въ этомъ направленіи страна стала оживать; она покрылась вмѣсто тощихъ ржаныхъ и ячменныхъ полей, чудными лугами, скотъ поправился и, благодаря избытку навоза, количество хлѣба на данной площади утроилось. Молочное хозяйство обогатило датчанъ; въ странѣ появилось благосостояніе, окрѣпло мелкое хозяйство.

Въ Прибалтійскомъ краѣ также поняли, что съ рожью, овсомъ и ячменемъ большихъ доходовъ отъ земли не получишь, поэтому было обращено первѣйшее вниманіе на животноводство.

Великую услугу этому переходу, отъ зернового хозяйства къ животному, оказали различныя сельскохозяйственныя общества и товарищества, которыя густою сѣтью покрываютъ теперь весь край."

Чтобы судить о дѣятельности обществъ, которыя обслуживаютъ крестьянское населеніе, можно воспользоваться годовымъ отчетомъ „Экономическаго Товарищества Латышскихъ сельскихъ хозяевъ".

Изъ отчета за 1909 г. видно, что въ обществѣ насчитывалось въ истекшемъ году болѣе 2000 членовъ. Приходъ общества выразился въ суммѣ 1.800.000 рублей. Такая сумма получилась главнымъ образомъ отъ продажи населенію сельскохозяйственныхъ машинъ, удобрительныхъ туковъ и сѣмянъ. Расходъ Т-ва достигъ 1.600.000 руб., такъ что валовая прибыль получилась почти въ 200.000 р., а чистая въ 80.000 руб. Изъ отчета также видно, что на образовательныя цѣли израсходовано было 18.900 руб.

Въ отчетномъ году на службѣ у Товарищества состояло 4 инструктора, 2 спеціалиста по скотоводству и садоводству, 2 по молочному хозяйству.

Эти инструкторы въ теченіе года устроили 9 летучихъ курсовъ въ 9 различныхъ пунктахъ края, каждый по своей спеціальности. Курсы вызвали живой интересъ со стороны сельскаго населенія.

Невзирая на то, что курсы были платные, на нихъ записалось 812 слушателей изъ 314 хозяйствъ. При этомъ важно отмѣтить, что слушать приходили люди самаго различнаго положенія: отъ зажиточнаго арендатора до бѣднаго работника, но главный процентъ постоянныхъ посѣтителей составляли дворохозяева и ихъ дочери. Занятія на курсахъ велись 5—8 часовъ въ день.

Помимо курсовъ инструкторы еще безплатно прочли 52 лекціи на собраніяхъ разныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ. Эти чтенія каждый разъ привлекали отъ 65 до 250 человѣкъ, такъ что въ общемъ на нихъ перебывало 6500 слушателей.

Инструкторы давали устные и письменные отвѣты дворохозяевамъ, обращавшимся въ бюро Товарищества за совѣтомъ, и лично посѣтили 96 отдѣльныхъ хозяйствъ для выясненія на мѣстѣ хозяйственныхъ нуждъ.

Инструкторы принимали живѣйшее участіе на 3-хъ выставкахъ въ качествѣ экспертовъ и лекторовъ, а также читали рефераты на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Митавѣ и участвовали на испытаніи сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій на опытной фермѣ Митавскаго сельскохозяйственнаго общества „Бергофъ".

Благодаря передвижнымъ курсамъ и собесѣдованіямъ съ мѣстными крестьянами, „Обществу" удалось соединить мелкія хозяйства въ особые „контрольные" союзы, съ цѣлью поднять доходность скотоводства, которое становится за послѣднее время въ краѣ главной отраслью сельскаго хозяйства. „Обыкновенно хозяинъ думаетъ, говоритъ Крюковъ, что если онъ даетъ хорошій кормъ одинаково всѣмъ животнымъ стада, то все будетъ великолѣпно, но оказывается, что это совершенно невѣрный способъ кормленія. Чтобы кормъ дѣйствительно принесъ наибольшую выгоду, наличное стадо необходимо раздѣлить на группы по производительности, а въ молочномъ стадѣ по удою, и слѣдуетъ лучше всего кормить коровъ, которыя даютъ больше молока, но и этому, конечно, есть предѣлъ".

Въ этихъ цѣляхъ при „Обществѣ" въ настоящее время открыто уже 8 контрольныхъ союзовъ. Каждый союзъ имѣетъ особаго специалиста по скотоводству и молочному дѣлу, такъ называемаго „контроль-ассистента", который 1—2 раза въ мѣсяцъ посѣщаетъ каждое входящее въ союзъ хозяйство, слѣдитъ за удоемъ и кормомъ скота, дѣлаетъ анализъ молока каждой коровы, производитъ классификацію скота въ хозяйствѣ по его доходности и устанавливаетъ кормовую норму, а также даетъ и другія указанія.

Благодаря организаціи контрольныхъ союзовъ, получилась громаднѣйшая экономія въ кормѣ, а удои возрастаютъ.

„Въ хозяйствахъ латышей, пишетъ Крюковъ, я часто видѣлъ, что коровы пасутся не на свободѣ, а на привязи, такимъ образомъ корова можетъ пастись на кругѣ, діаметромъ въ 2 сажени. Если же согнать на лугъ стадо въ 300 коровъ, сколько онѣ добра испортятъ и вытопчутъ!"

„Товарищество", видя въ контрольныхъ союзахъ единственный раціональный способъ поднять скотоводство въ краѣ, всячески поддерживаетъ основавшіеся союзы; снабжаетъ ихъ аппаратами, что обходится приблизительно въ 120 р. на каждый союзъ.

Въ будущемъ „Экономическое Товарищество" предполагаетъ учредить станціи племенныхъ быковъ и организовать особые союзы по выращиванію молодого скота.

„Общество" исключительно на свои средства содержитъ въ Митавѣ четырехклассное сельскохозяйственное училище, которое по программѣ можетъ быть приравнено къ типу среднихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній.

Училище это не пользуется никакими правами, даже не даетъ окончившимъ курсъ льготъ по воинской повинности; однако мѣстное населеніе очень охотно отдаетъ своихъ дѣтей въ училище, а нѣкоторые мальчики пріѣзжаютъ сюда изъ отдаленныхъ уголковъ Курляндіи.

Нужда въ такого рода училищѣ давно уже ощущалась въ Прибалтійскомъ краѣ, такъ какъ здѣсь нѣтъ никакихъ сельскохозяйственныхъ школъ, и для пріобрѣтенія агрономическихъ познаній населеніе принуждено было посылать своихъ дѣтей во внутреннія губерніи Россіи.

Такъ еще въ 1909 году въ городъ Горки, могилевской губерніи, пріѣхало изъ Прибалтійскаго края 300 дѣтей для поступленія въ тамошнее сельскохозяйственное училище. Газеты приводятъ слова изумленнаго директора: „Сюда переселяется весь Прибалтійскій край".

Чтобы дать воспитанникамъ Митавскаго училища вполнѣ законченное образованіе и подготовить ихъ къ жизни, „Экономическое Товарищество" проектируетъ открыть при школѣ 2-хъ годичные сельскохозяйственные курсы и устроить при нихъ, какъ теоретическія, такъ и практическія занятія подъ руководствомъ специалистовъ. Для этой цѣли уже пріобрѣтено казенное имѣніе, и тамъ устраивается образцовое хозяйство. Лица, окончившія такіе курсы, какъ полагаютъ учредители, будутъ въ состояніи сознательно улучшить свое хозяйство, а главное явятся для нарождающихся сельскохозяйственныхъ обществъ опытными инструкторами, знающими мѣстныя условія и языкъ.

Плата за ученіе въ Митавской школѣ назначена самая минимальная, отъ 10–25 рублей за семестръ, такъ что даже при максимальномъ числѣ учениковъ во всѣхъ классахъ „Обществу" всетаки придется доплачивать на содержаніе училища. Такъ, въ истекшемъ году пришлось приплатить 5 тыс. рублей, хотя въ училищѣ обучалось 127 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ.

„Товарищество" издаетъ еженедѣльный журналъ „Земледѣлецъ" („Zemkopis"), насчитывающій теперь 6 тысячъ подписчиковъ, такъ что журналъ, невзирая на крайне дешевую плату, окупаетъ себя вполнѣ.

Въ серединѣ іюня 1909 года „Товарищество" устроило въ Митавѣ большую сельскохозяйственную выставку и созвало въ то же время съѣздъ сельскихъ хозяевъ, на который собралось болѣе 1000 человѣкъ. На съѣздѣ было заслушано и обсуждено 11 рефератовъ, изъ которыхъ каждый освѣщалъ какой либо вопросъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, а потому пренія вызвали большой интересъ и носили самый оживленный характеръ.

Въ августѣ, съ 7-го по 14-ое число, „Товарищество" устроило конкурсное испытаніе сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій, для каковой цѣли затрачено было около 1000 рублей.

Изъ этого отчета видно, что мудрая народная пословица, „пять головъ — шесть умовъ", съ успѣхомъ проведена латышами въ жизнь и широко использована на практикѣ.

Первыя сельскохозяйственныя организаціи въ краѣ были сословнаго характера; эти общества были чисто нѣмецкія, и до 1890 года на широкія массы населенія они не распространялись, но затѣмъ, съ развитіемъ просвѣщенія, число ихъ стало быстро возрастать.

Конечно, важную роль здѣсь сыгралъ примѣръ многочисленныхъ въ краѣ нѣмецкихъ ферейновъ.

Но необходимо отмѣтить, что это совершилось въ весьма короткій промежутокъ времени.

Старѣйшее „Рижское Латышское общество", основанное въ 1868 году, не можетъ насчитать еще и 50 лѣтъ существованія, а теперь у латышей однихъ только сельскохозяйственныхъ обществъ насчитывается 66 въ курляндской губ. и 44 въ лифляндской.

Но кромѣ сельскохозяйственныхъ и просвѣтительныхъ обществъ, съ дѣятельностью которыхъ мы уже познакомились, особенно хорошихъ результатовъ добились кредитныя общества и мелкіе союзы потребителей. Тѣхъ и другихъ въ настоящее время насчитывается 215.

Латышскія кредитныя общества и союзы потребителей къ началу 1911 г.

	Кред. общ.	Союзы потреб.
Лифл. губ.	85	31
Курл. губ.	80	19

По мнѣнію Крюкова, "ссудо-сберегательныя товарищества сильно помогли латышамъ не только выбраться изъ бѣдственнаго положенія, но и достичь финансовой мощи. Кромѣ того, мелкія общества, проникнутыя великимъ энтузіазмомъ къ своему дѣлу и необыкновеннымъ желаніемъ принести пользу своимъ собратьямъ, являются чрезвычайно жизненными".

Сосудъ для кислаго молока. Р. Л. Музей. Ф. Автора.

Наука и искусства.

Ученые.

Какъ было сказано выше, при господствѣ въ краѣ нѣмецкой школы и при исключительномъ употребленіи нѣмецкаго языка въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ края, латыши, выдвигавшіеся на научномъ поприщѣ, онѣмечивались. Теперь очень трудно установить, кто именно изъ нынѣшнихъ прибалтійскихъ ученыхъ нѣмецъ, кто латышъ или эстъ. Только относительно нѣкоторыхъ можно сказать болѣе или менѣе опредѣленно. Такъ, латышскаго происхожденія — профессоръ рижскаго политехникума П. И. Вальденъ. Онъ является въ настоящее время за свои заслуги передъ наукою гордостью этого учебнаго заведенія, и въ 1911 г. Академія Наукъ избрала его въ свои члены.

Изъ другихъ латышей, живущихъ въ Россіи, наиболѣе извѣстны: докторъ философіи Залитъ, докторъ филологіи Шмидтъ, магистръ филологіи Эндзелинъ. За границей латыши также проявили себя на научномъ поприщѣ: въ Буэносъ-Айресѣ — докторъ ботаники Бергъ, въ Берлинѣ — докторъ статистики Балодъ.

Изъ латышскихъ ученыхъ, посвятившихъ себя изученію родного края, слѣдуетъ отмѣтить К. М. Мюленбаха (языкъ), Лаутенбаха (миѳологія), Ѳ. Я. Трейланда и М. Силиня (этнографія), особенно же Христіана Барона (народныя пѣсни). О научныхъ заслугахъ послѣдняго будетъ еще сказано ниже.

Теперь намъ предстоитъ познакомиться съ латышской литературой, которая служитъ лучшимъ отраженіемъ духовной жизни современныхъ латышей.

Литература.*)

Первые памятники латышской литературы относятся къ XVI столѣтію.

Въ 1526 г. появилась на латышскомъ языкѣ молитва „Отче нашъ", въ 1530 г. — 10 заповѣдей и въ 1586 году въ Кенигсбергѣ былъ отпечатанъ молитвенникъ, содержащій въ себѣ духовныя пѣсни и правила лютеранскаго богослуженія.

Первый періодъ латышской литературы, продолжавшійся до 1750 г., можетъ быть названъ духовнымъ. За это время на латышскомъ языкѣ появились духовныя пѣсни, и былъ сдѣланъ переводъ Библіи.

*) Статья о литературѣ латышей написана по очерку Розе-Лиготнис'а 1909 г. и по рукописи В. Эглита 1911 г.

По силѣ, поэтичности и правильности языка переводъ Библіи считается замѣчательнымъ памятникомъ древней латышской литературы.

Второй періодъ начинается послѣ 1750 г. и справедливо можетъ быть названъ „періодомъ Стараго Стендера" и его послѣдователей.

Стендеръ родился въ 1714 году въ курляндской губ.; онъ былъ сыномъ лютеранскаго пастора и уже въ дѣтствѣ познакомился съ латышскимъ народнымъ языкомъ и бытомъ. Учился Стендеръ за границей (въ Іенѣ и Галле) богословію. Вернувшись къ себѣ на родину, онъ получилъ мѣсто пастора въ латышскомъ приходѣ родной губерніи, гдѣ и оставался на этомъ посту до конца своей жизни.

Онъ такъ полюбилъ латышскій народъ, что завѣщалъ на своей могилѣ поставить скромный памятникъ изъ простого камня, какихъ много въ полѣ, и на немъ написать „Latwis", что значитъ „латышъ".

Своими пѣснями и научно-популярными сочиненіями Стендеръ снискалъ себѣ большую любовь въ народѣ, и до сихъ поръ онъ всюду извѣстенъ подъ именемъ „Стараго Стендера".

Стендеръ — народный поэтъ. Простая сельская жизнь, ея обыденныя радости и печали, любовь и стремленіе къ знанію — вотъ, главное содержаніе его стихотвореній.

Стендеръ жилъ въ періодъ особеннаго усиленія власти помѣщиковъ, но сознательнаго протеста противъ крѣпостничества у Стендера нигдѣ нельзя встрѣтить. Онъ только требуетъ, чтобы помѣщики были добры и гуманны по отношенію къ своимъ крестьянамъ, и чтобы послѣдніе были послушны, старательны и религіозны. „Хвала Богу, — говоритъ Стендеръ отъ имени латышскаго крестьянина — хвала Богу, что я не помѣщикъ. Сколько у господъ заботъ, о которыхъ я не хочу знать, не желаю думать. Деньги предоставляютъ много жизненныхъ благъ, но здоровья, сна и радости онѣ не даютъ. Я могу работать, аппетитъ у меня хорошій, одежда и лошадь у меня есть — съ меня этого и достаточно."

Всѣхъ латышскихъ писателей послѣ Стендера приблизительно до 1860 г. можно считать его послѣдователями.

Съ половины девятнадцатаго столѣтія латыши становятся собственниками своихъ усадебъ, получаютъ право выкупать землю у помѣщиковъ, въ краѣ вводится волостное самоуправленіе. Этотъ переворотъ въ обще-

ственной и экономической жизни пробудилъ самосознаніе латышей, какъ наци, и послужилъ фундаментомъ для дальнѣйшаго культурнаго развитія латышскаго народа.

Съ этого времени у латышей началось сильное національное движеніе, которое отразилось и въ литературѣ. Лозунгомъ движенія было: во-первыхъ, поднятіе экономическаго благосостоянія и духовнаго уровня народныхъ массъ; во-вторыхъ, развитіе національнаго самосознанія посредствомъ обновленія старинныхъ народныхъ обычаевъ, одежды и даже кушаній; въ третьихъ, цѣлью этого движенія было развитіе литературнаго языка, такъ какъ латышамъ, только что пріобщившимся къ культурѣ, не хватало многихъ словъ для обозначенія предметовъ, представленій и понятій.

Первые національные бытописатели и поэты явились изъ среды людей, выросшихъ и воспитавшихся на идеяхъ гернгутеровъ и стоявшихъ очень близко къ народу, къ его нуждамъ и духовнымъ запросамъ.

Успѣхъ гернгутеровъ и вліяніе ихъ на народныя массы В. Эглитъ объясняетъ тѣмъ, что христіанскія идеи въ разъясненіи чуждыхъ народу нѣмецкихъ пасторовъ не могли трогать душу латыша. Народъ неохотно шелъ въ холодныя каменныя кирхи, гдѣ на ломанномъ латышскомъ языкѣ пасторы говорили свои проповѣди. Тогда какъ „сосредоточенное, мистическое и самоистязующее ученіе“ гернгутеровъ соотвѣтствовало больше духу народа. Латыши собирались въ ихъ молитвенныхъ домахъ гдѣ-нибудь въ первобытномъ лѣсу; тутъ сѣдые старцы говорили свои поученія, и моленіе было слезное.

Здѣсь закалялась желѣзная воля народа, воспитывалось его миросозерцаніе. И когда проснулось народное самосознаніе, то естественно первыми и лучшими истолкователями его жизни оказались такіе именно люди.

Лучшій разсказъ эпохи возрожденія латышей, „Времена землемѣровъ“, принадлежитъ братьямъ Каудзитъ, вышедшимъ изъ среды гернгутеровъ.

У этихъ авторовъ мы встрѣчаемъ вѣрное описаніе латышскаго народнаго быта и рельефную характеристику дѣйствующихъ лицъ.

Въ то время земля, предназначенная для продажи крестьянамъ, парѣзывалась землемѣрами, которые проживали въ крестьянскихъ усадьбахъ. Каждый крестьянинъ стремился получить земельный участокъ получше, поэтому многіе изъ нихъ старались подкупить землемѣра или, какъ выражаются сами латыши, „дѣлали мазь“. Кто же не хотѣлъ, а въ иномъ случаѣ не умѣлъ „подмазать“, получалъ болотистую или вообще неудобную землю.

Разсказъ братьевъ Каудзитъ по своей безыскусственности, по своему оригинальному юмору даетъ самое вѣрное и художественное описаніе данной эпохи.

Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи латышское національное движеніе дѣлается узкимъ, и вожди его какъ будто желаютъ отстранить латышей отъ міровой культуры.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ народническое направленіе окончательно теряетъ свою прежнюю свѣжесть и привлекательность.

Жизнь идетъ впередъ ускореннымъ темпомъ, и сами латыши уже не представляютъ той однородной массы, какою они были не такъ еще давно.

Такіе торговые и промышленные города, какъ Рига, Либава, стали притягивать къ себѣ все больше и больше сельское населеніе, которое привлекала сюда постоянная работа на фабрикахъ.

Въ городахъ народился новый классъ населенія — фабричные, которые, порвавъ всякую связь съ деревней, обнаружили стремленіе къ самообразованію, заговорили о способахъ улучшенія своего быта, о солидарности.

Новый многочисленный классъ населенія съ новыми интересами измѣнилъ теченіе общественной жизни, которое въ свою очередь дало новое направленіе литературѣ.

Первымъ буревѣстникомъ новаго теченія былъ И. Янсонъ, выступившій со своимъ трудомъ „Мысли о новѣйшей латышской литературѣ“ и поставившій въ заголовкѣ слова Гейне: „О, друзья мои, я хочу вамъ воспѣть новую лучшую жизнь“.

Разобравъ лучшія произведенія латышскихъ писателей того времени, Янсонъ пришелъ къ заключенію, что въ нихъ нѣтъ ничего, чѣмъ живетъ и интересуется въ настоящее время Западная Европа. У латышей нѣтъ ни истиннаго реализма, ни новыхъ идей, которыя волнуютъ теперь выдающіеся умы и широкія массы европейскихъ народовъ.

Янсонъ со своей критикой породилъ въ латышской литературѣ два теченія, враждебныя другъ другу: старое и новое, вѣрнѣе, буржуазное и прогрессивное.

Яркой представительницей новаго направленія явилась поэтесса Аспазія (псевдонимъ г-жи Э. Розенбергъ).

Въ драмѣ Аспазія дала типъ протестующей латышской женщины, которая не хочетъ примириться ни съ семейными узами, ни съ родительской властью, ни съ укладомъ нашей общественной жизни, ни со всѣмъ тѣмъ, что хоть сколько нибудь препятствуетъ стремленіямъ женщины, впервые познакомившейся и проникшейся идеями эмансипаціи.

Особымъ успѣхомъ пользовалась драма Аспазіи „Серебряная вуаль" въ 1905 и 1906 г.

Но въ тѣ же годы, когда латыши интересовались главнымъ образомъ соціальными вопросами, широкіе круги, особенно интеллигентные, съ неослабнымъ интересомъ читали произведенія писателя Рудольфа Блаумана, который не былъ захваченъ моментомъ.

Блауманъ, выдающійся сатирикъ и драматургъ. Для драмы онъ беретъ свои типы и сюжеты изъ крестьянской жизни, не затрагивая соціальныхъ проблемъ. Драмы его носятъ чисто психологическій характеръ, а манерою передачи самаго разсказа и отдѣлкою своихъ, даже мелкихъ, произведеній, Блауманъ ближе всего подходитъ къ Чехову.

Лучшими драмами Блаумана считаются: „Блудный сынъ", „Въ огнѣ", „Индраны".

Изъ современныхъ писателей горячимъ защитникомъ деревенской буржуазіи и національзма является пасторъ А. Ніэдра. Своимъ романомъ, „Въ дыму нови", этотъ талантливый и убѣжденный писатель снискалъ себѣ многихъ сторонниковъ. Въ 1905 году онъ выступилъ въ роли политическаго и общественнаго дѣятеля и началъ ожесточенную борьбу противъ представителей новаго теченія; но въ концѣ концовъ почти совсѣмъ оставилъ политику и удалился въ деревню, занявъ тамъ должность пастора.

Среди поэтовъ и писателей новаго направленія новѣйшаго времени особенно выдѣляется И. Райнисъ (И. Плѣкшанъ). Популярность себѣ онъ снискалъ, какъ лучшій переводчикъ на латышскій языкъ Гете, Шиллера, Шекспира, Лермонтова и Пушкина. Какъ поэтъ онъ выступилъ въ 1903 году со сборникомъ лирическихъ стиховъ, которые отличаются глубиною мысли и безукоризненнымъ слогомъ.

Въ послѣднее время онъ далъ историческую драму „Огонь и ночь", которая по отзывамъ критиковъ полна символовъ, идей и даетъ безподобные художественные образцы.

И. Райниса можно признать самымъ типичнымъ и самобытнымъ латышскимъ писателемъ, но его произведенія очень трудно переводить на другіе языки.

„Lahtschplehsis". Герой пьесы Райниса „Огонь и ночь". Фот. Скариня.

Въ годы увлеченія латышей соціальными вопросами, въ разгаръ ожесточенной борьбы между старымъ и новымъ направленіемъ въ латышской литературѣ появились писатели, которые совершенно игнорировали дѣйствительность и съ увлеченіемъ переводили на латышскій языкъ Валерія Брюсова, Вячеслава Иванова и другихъ русскихъ декадентовъ.

Среди латышскихъ писателей этого направленія особенно выдѣлился В. Эглитъ. Творчество послѣдняго можетъ быть охарактеризовано отзывомъ В. Дамберга о его „Элегіяхъ". „Вся книга — пишетъ этотъ критикъ — индивидуальныя настроенія, мѣстами мистическія и трудно понимаемыя вслѣдствіе ихъ сложной символики".

Но декадентство не привилось среди „народа труда“, и оно постепенно стало переходить въ новое теченіе. Вождь этого направленія, Эглитъ, какъ отмѣчаетъ критика, теперь уже „сбросилъ съ себя декадентскую одежду и сталъ обѣими ногами на реальную почву“.

Помимо литературы письменной, у латышей существуетъ еще богатая устная, народная литература: пѣсни, басни, пословицы, загадки и др.

Долгое время на народную словесность не обращали никакого вниманія, и, только когда у латышей пробудилось самосознаніе, они, увлеченные мечтой создать свою собственную литературу, обратили вниманіе на поэтическую красоту народныхъ пѣсенъ, на ихъ значеніе въ вопросѣ созданія чистаго латышскаго литературнаго языка.

Мысль собирать матеріалы латышской народной поэзіи принадлежитъ Христіану Вальдемару (1815—1891).

Въ 1867 г. въ Москвѣ на этнографической выставкѣ вопросъ этотъ встрѣтилъ сочувствіе среди русскихъ ученыхъ, и М. И. Этнографическое общество дало средства для собиранія и печатанія произведеній латышскаго народнаго творчества.

Осуществить эту мысль взялись многіе выдающіеся латыши того времени: Ѳ. Я. Трейландъ (Бривземнѣкъ), Баронъ и другіе.

Они встрѣтили самую энергичную поддержку въ молодой тогда еще латышской печати и нашли въ краѣ большое число добровольныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ.

Дальнѣйшему осуществленію этого важнаго для латышей дѣла оказали матеріальную поддержку многія частныя лица, латышскія общества г. Риги и Митавы, а также Русское Императорское Географическое Общество и Императорская Академія Наукъ.

И вотъ, въ короткое сравнительно время было собрано до 215.000 однихъ только народныхъ пѣсенъ и ихъ варіантовъ.

Теперь предстояла трудная задача разобраться въ колоссальномъ матеріалѣ и систематизировать его.

Трудъ по обработкѣ пѣсенъ принялъ на себя Христіанъ Баронъ, одинъ изъ первыхъ сотрудниковъ Вальдемара. Этотъ неутомимый труженикъ всецѣло посвятилъ себя данной работѣ. Теперь вся его жизнь, все прошедшее и будущее, вся его, такъ сказать, душа заключается въ небольшомъ деревянномъ шкафу съ 80 отдѣлами и 20 подотдѣлами, хранящими въ себѣ неисчерпаемыя богатства, какія только когда-либо знала исторія латышскаго народнаго творчества.

Барона справедливо считаютъ послѣднимъ могиканомъ эпохи пробужденія латышскаго народнаго самосознанія и называютъ „неутомимымъ Несторомъ латышской народной пѣсни и вообще словесности“.

Онъ живетъ въ Мюльграбенѣ, близъ Риги, въ домѣ, спеціально построенномъ для латышскихъ художниковъ и писателей извѣстнымъ меценатомъ Августомъ Домбровскимъ.

По-латышски домъ этотъ именуется словами, взятыми изъ народныхъ сказокъ: „Burtneeku pils“, что значитъ „Дворецъ литераторовъ“. Здѣсь маститый старикъ доканчиваетъ свой трудъ.

Латышская народная пѣсня — четверостишіе въ трохеѣ или дактилѣ, но встрѣчаются въ 6, 8, 12 и болѣе строфахъ.

Всѣ пѣсни можно раздѣлить на лирическія, миѳологическія и семейныя.

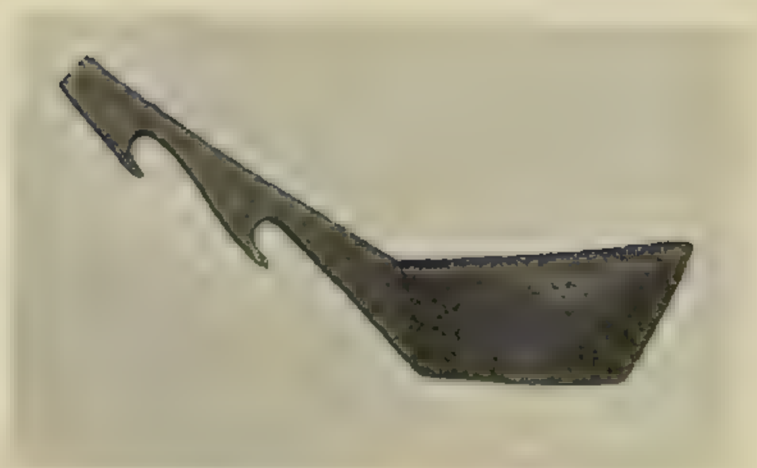
Баронъ сгруппировалъ ихъ по ходу человѣческой жизни: рожденіе человѣка, дѣтство, отрочество, молодость, жизнь дочери у родителей, родители, дѣти, первая любовь, женитьба, жизнь мужа и жены, старость, смерть и похороны.

Кромѣ того выдѣлены общественная жизнь латышскаго народа, занятія и ремесла, домашнія работы, работы по временамъ года и миѳологическія пѣсни.

Мадернѣкъ.

Орнаментъ.

Ковшъ. „Kauss". Р. Л. Музей. ф. автора.

Въ живописи и музыкѣ латыши проявили себя больше и лучше, чѣмъ въ какой-либо другой области искусства.

О древнемъ и старинномъ искусствѣ латышей мы можемъ судить, главнымъ образомъ, по сохранившимся до насъ образцамъ народнаго орнамента.

Самые богатые и лучшіе образцы латышскаго орнамента встрѣчаются на различныхъ частяхъ самодѣльной женской одежды, но и многіе предметы домашняго обихода: столы, жбаны, ложки, дуги, хомуты также украшены типичнымъ, хотя и несложнымъ древнимъ рисункомъ, а самые предметы по формѣ весьма оригинальны и красивы.

Въ латышскомъ орнаментѣ мы чаще всего встрѣчаемъ, такъ называемое, „солнышко" (saulite) и „звѣздочку" (zvaigznite).

Орнаментъ „солнышка" на серебряной пуговицѣ. Собст. автора.

Солнышко латыши изображали въ видѣ цвѣтка, розетки, колеса, иногда въ видѣ однихъ только лучей или двухъ крестовъ, вставленныхъ одинъ въ другой.

Окрашивали „солнышко" чаще всего въ желтый цвѣтъ, кромѣ того въ зеленый, красный и другіе.

Орнаментъ, изображающій солнышко, можно считать очень древнимъ и типичнымъ*) для латышей; онъ имѣетъ, несомнѣнно, связь съ древней религіей латышей, обожествлявшихъ солнце и приписывавшихъ послѣднему все доброе и хорошее.

*) Орнаментъ этотъ характеренъ не только для латышей, но и для всего арійскаго племени. Извѣстно, что сербы, хорваты и по сіе время еще розетку называютъ „солнышкомъ". М. Силинь.

Распространенъ этотъ орнаментъ больше въ южной, средней и восточной части латышскаго края, гдѣ живутъ коренные латыши*).

Другой, наиболѣе часто встрѣчающійся орнаментъ,—звѣздчатый. Послѣдній надо признать типичнымъ для ливовъ. Онъ распространенъ всюду, гдѣ раньше жили ливы, и гдѣ теперь народъ говоритъ на исковерканномъ латышскомъ языкѣ.

Звѣздчатый орнаментъ встрѣчается больше въ сѣверной и сѣверо-западной части латышскаго края. Здѣсь часто повторяется восьмиугольная и пятиугольная звѣзда „leetuwena krusts", т. е. крестъ отъ кошмара.

Какъ та, такъ и другая звѣзда служила знакомъ, предохранявшимъ вообще отъ злого духа. Вѣрой олатышенныхъ ливовъ въ чудодѣйственныя свойства этого знака объясняется широкое распространеніе звѣздчатаго орнамента.

Характерно, что латыши, сообразно съ распространеніемъ того или другого орнамента, дѣлятъ свой край на двѣ области: землю солнышка и землю звѣздочки, о чемъ поется въ народныхъ пѣсняхъ:

„Откорми, братецъ, лошадку.
Украсимъ мы сбрую звѣздочками.
Наша сестрица помолвлена
Въ землю, украшенную звѣздочками".

Жизнь латышей среди болотъ и лѣсовъ также отразилась въ орнаментѣ. Сложныя

*) Въ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ коренные латыши, въ орнаментѣ очень часто встрѣчается „крестъ отъ огня" (uguns krusts). Такой крестъ имѣлъ, по мнѣнію латышей, предохранительныя свойства отъ удара молніи.

„Крестъ отъ огня" (uguns krusts).

При сносѣ старинныхъ построекъ между балками, по угламъ, и подъ порогомъ мы находимъ такой крестъ, сдѣланный изъ черемухи.

Въ вышивкахъ латышскихъ женщинъ знакъ этотъ обыкновенно исполненъ красными нитками, а на шерстяныхъ тканяхъ, добытыхъ изъ могильниковъ IX и X вѣка, можно видѣть тотъ же орнаментъ изъ бронзы. М. Силинь.

вышивки, какъ съ солнышкомъ, такъ и со звѣздочкой, почти всегда украшены хвоями „skujainiem rakstiem“, которыя образуютъ треугольники, кресты, загнутыя на концахъ вѣточки, а то и просто прямыя линіи, будто упавшія съ дерева хвои.*)

Въ орнаментѣ, заимствованномъ отъ ливовъ, преобладаютъ темныя краски, много металлическихъ украшеній, тогда какъ у латышей вмѣсто металла — бисеръ и цвѣтная шерсть.

Ливы, какъ и всѣ финны, любили полосы продольныя, тогда какъ латыши и литовцы — клѣтку.

Интересно, что латышскія клѣтки къ сѣверу мельчаютъ, а къ югу, въ сосѣдствѣ съ литовцами, увеличиваются.**)

Преобладающими красками въ латышскомъ орнаментѣ являются: зеленая, желтая, красная, коричневая, рѣже синяя, притомъ послѣдняя встрѣчается больше по окраинамъ, на мѣстахъ бывшихъ ливскихъ областей.

Красильное искусство несомнѣнно было извѣстно латышамъ уже съ древнихъ временъ; на это указываютъ самыя названія красокъ, кромѣ того о нихъ упоминается въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ.***)

Краски получали изъ коры, листьевъ и корней деревьевъ, изъ моха и другихъ растеній. Напримѣръ, красную краску добывали изъ „душицы простой“ и листьевъ яблони, желтую — изъ репейника и листьевъ березы.

Современная живопись.

Изъ своей среды латыши давно уже давали хорошихъ живописцевъ. Можно указать на такихъ, какъ Карлъ Гунъ (1830—1877).

Получивъ образованіе въ С.-П. Академіи Художествъ, Гунъ впослѣдствіи долго былъ въ ней профессоромъ и членомъ Совѣта. Въ свое время критика причислила Гуна къ „лучшимъ живописцамъ русской школы“, что было вполнѣ заслуженно, такъ какъ этотъ художникъ обладалъ въ совершенствѣ рисункомъ и отличался „сильнымъ гармоническимъ колоритомъ“. Его картина „Канунъ Варѳоломеевской ночи“ обратила на себя вниманіе въ Парижскомъ салонѣ 1868 г. и впослѣдствіи была пріобрѣтена Императоромъ Александромъ III.

Другой извѣстный латышскій художникъ, проявившій себя въ области пейзажа, Юлій Феддерсъ (род. 1838 г.); онъ также питомецъ Петербургской Академіи Художествъ. Феддерсъ одинаково интересовался природой Лифляндіи, Малороссіи, С.-Петербургской губ. Картины Феддерса побывали на всемірныхъ выставкахъ Западной Европы, и четыре его произведенія пріобрѣтены Академіей Художествъ. Феддерсъ представленъ также въ Московской Третьяковской галлереѣ „Этюдомъ съ натуры“.

Первые латышскіе художники мало интересовались жизнью своего народа и, попавъ въ русскую Академію Художествъ, сначала сходили тамъ за нѣмцевъ, а затѣмъ становились по духу скорѣе русскими, такъ что строго національныхъ живописцевъ латыши до сихъ поръ еще не дали.

Только за послѣднее время латышскіе художники стали интересоваться жизнью своего народа и черпать вдохновеніе среди красотъ своей родины.

Изъ выдающихся художниковъ настоящаго времени прежде всего нужно отмѣтить Яна Розенталя. По окончаніи С.-П. Академіи Художествъ, Розенталь вернулся къ себѣ на родину и далъ нѣсколько жанровыхъ картинъ изъ жизни латышей. Среди произведеній, относящихся къ раннему періоду его творчества, особенно извѣстна картина „Выходъ изъ церкви“.

Характерной особенностью Розенталя является его разносторонность. Ему одинаково удается, какъ пейзажъ, такъ и жанръ, но болѣе всего онъ тяготѣетъ къ портрету. Что особенно цѣнно въ произведеніяхъ Розенталя, такъ это отсутствіе какого-либо шаблона въ самомъ исполненіи каждой картины.

Манера его письма всегда соотвѣтствуетъ сюжету. Картины историческаго и бытового содержанія исполнены въ духѣ строгаго академизма, и современный критикъ назвалъ бы ихъ даже „зализанными“. Но въ то же время при воспроизведеніи пира, оргіи, онъ даетъ намъ цѣлую оргію красокъ.

Сказки и миѳы Розенталя ласкаютъ взоръ мягкостью тоновъ и неопредѣлен-

*) Такой же орнаментъ встрѣчается у сербовъ подъ названіемъ „еловицы“. У русскихъ онъ наблюдается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ славянская кровь безъ примѣси финской.

М. С.

**) Литовцы любятъ точно такія же клѣтчатыя ткани, какъ и всѣ арійскія племена, кровь которыхъ почище. М. С.

***) Для обозначенія красокъ существуетъ древнее слово „warme“, бывшее въ употребленіи еще въ XVII вѣкѣ. Слово это — одного корня съ санскритскимъ „varna“.

М. С.

ностью рисунка. Мужскіе портреты его отличаются блескомъ красокъ и строгимъ рисункомъ, тогда какъ женскіе — воздушны.

„Сказка" Я. Розенталя.

Другой художникъ — пейзажистъ, В. Пурвитъ. Онъ является лучшимъ истолкователемъ родной природы. Его березки, елочки стильны, подчасъ неопредѣленны. Онѣ полны грусти, навѣянной печальной природой Прибалтійскаго края.

Картины Пурвита изобличаютъ въ этомъ художникѣ чуткаго наблюдателя и правдиваго выразителя своихъ сокровенныхъ настроеній.

Пурвитъ, какъ истинный художникъ, сумѣлъ найти въ своей однообразной и скучной природѣ изящество формъ и ласковый колоритъ. Его картины — „элегія въ краскахъ".

Среди хорошихъ рисовальщиковъ выдѣляется Р. Заринь, давшій много изящныхъ иллюстрацій къ произведеніямъ народнаго творчества. Между прочимъ съ работой Р. Заринь знакомы всѣ, живущіе въ Россіи, такъ какъ имъ исполнены рисунки къ новымъ кредитнымъ билетамъ въ 3 и 5 рублей.

Невзирая на молодость латышскаго театра, за послѣднее время появились у латышей свои декораторы.

Особенно выдѣлился на этомъ поприщѣ молодой художникъ Куга, исполнившій прекрасныя и сложныя декораціи къ пьесѣ Райниса „Огонь и Ночь".

Интересъ къ „своему родному" заставилъ нѣкоторыхъ художниковъ обратить вниманіе на оригинальность и красоту латышскаго орнамента. Среди такихъ слѣдуетъ отмѣтить Ю. Мадернѣка. Цвѣтныя вышивки плащей, рубашекъ, поясовъ и другихъ предметовъ старинной народной одежды послужили для него неизсякаемымъ источникомъ вдохновенія.

Мадернѣкъ далъ намъ прекрасныя виньетки, заставки, буквы, стилизованныя иногда затѣйливо, а иногда и очень просто. Онъ подчеркнулъ въ этихъ „пустякахъ" все типичное и самобытное въ творчествѣ своего народа.

Искусство Мадернѣка граничитъ съ научнымъ изслѣдованіемъ, поэтому его работа никогда не утратитъ своей цѣнности.

Скульптура и зодчество.

Въ области скульптуры латыши начинаютъ еще только подниматься, но уже нѣкоторые изъ нихъ заявили себя недурными ваятелями, напр., Теодоръ Залькалнъ, Скильтеръ и другіе. Зато въ области зодчества нужно отдать должное латышскимъ архитекторамъ.

Современная Рига въ короткое время застроилась новыми зданіями, большинство которыхъ красотой и оригинальностью обязаны латышамъ.

Среди молодыхъ и талантливыхъ архитекторовъ особенно интересенъ Лаубе.

Для украшенія фасадовъ своихъ построекъ этотъ архитекторъ пользуется не мраморомъ, золотомъ и статуями, а простымъ мѣстнымъ камнемъ, мѣдью и народнымъ орнаментомъ. Лаубе далъ много изящныхъ по формѣ зданій и при помощи простого матеріала достигъ въ отдѣлкѣ фасадовъ эффектнаго сочетанія красокъ.

Теперь у Лаубе появилось много послѣдователей.

Ю. Мадернѣкъ.

„Выходъ изъ церкви". Я. Розенталя.

Латышская музыка — двухъ родовъ: древняя (народная) и позднѣйшая, разработанная латышскими композиторами. Народная музыка ведетъ свое начало со временъ глубокой древности, о чемъ свидѣтельствуетъ богатство музыкальнаго матеріала. Теперь уже собрано около 2000 народныхъ мелодій: хоровыхъ, плясовыхъ и инструментальныхъ.

Мелодіи народныхъ пѣсенъ можно раздѣлить на двѣ группы: къ первой принадлежитъ речитативъ, въ объемѣ большой терціи — квинты; ко второй — настоящія мелодіи, сложенныя въ объемѣ квинты — октавы. Первыя мелодіи исполняются хоромъ; обычно начинаетъ одна исполнительница, потомъ всѣ подхватываютъ. Вторыя исполняются соло, подъ аккомпаниментъ хора, поющаго въ униссонъ или октавой ниже.

Всѣ народныя мелодіи въ своемъ историческомъ развитіи принадлежатъ къ тремъ эпохамъ.

I. Мелодіи до-историческія въ предѣлахъ кварты и всѣ мелодіи первой группы.

II. Мелодіи до-христіанскія и отчасти средневѣковыя въ предѣлахъ квинты и октавы; эти мелодіи болѣе или менѣе основываются на древне-греческихъ гаммахъ.

III. Мелодіи новѣйшаго времени; послѣднія основываются на современныхъ мажорныхъ и минорныхъ гаммахъ.

Кромѣ обще-употребительнаго тактоваго размѣра, у латышей часто встрѣчаются пятидольный, семидольный и другіе смѣшанные размѣры.

Всѣ латышскія народныя мелодіи имѣютъ важное значеніе въ этнографическомъ отношеніи потому, что въ нихъ мы находимъ тѣ особенности, которыя до сихъ поръ можно было встрѣтить только въ древне-греческой музыкѣ.

Музыка, какъ искусство, стала развиваться у латышей недавно, лишь во второй половинѣ истекшаго столѣтія. Началось съ того, что нѣкоторые пасторы при церквахъ и учителя въ школахъ составляли изъ подростковъ хоры и обучали ихъ пѣть въ 2, 3 и 4 голоса.

Больше всего въ этомъ отношеніи сдѣлалъ директоръ Валкской учительской семинаріи И. Цимзе, котораго можно считать основателемъ латышскаго хорового пѣнія. Онъ собралъ популярныя народныя пѣсни и, переложивъ ихъ на 4 голоса, издалъ свой трудъ въ 1871 г. въ видѣ сборника, подъ названіемъ „Вѣнокъ пѣсенъ."

Цимзе своими пѣснями пробудилъ интересъ къ народнымъ мелодіямъ не только среди подрастающаго поколѣнія, но и у взрослыхъ.

Въ значительной степени содѣйствовалъ тому же интересу къ хоровому пѣнію Э. Вигнеръ, выпустившій въ свѣтъ почти одновременно съ Цимзе 40 народныхъ пѣсенъ, переложенныхъ имъ на 4 голоса для мужскаго хора.

Доказательствомъ интереса къ хоровому пѣнію былъ успѣхъ пѣвческихъ празднествъ, устроенныхъ сначала въ маленькихъ городкахъ края, а потомъ и въ Ригѣ.

На первый рижскій пѣвческій праздникъ, состоявшійся въ 1873 году, съѣхались 43 хора при 1035 пѣвцахъ и пѣвицахъ.

Успѣхъ перваго опыта въ данномъ направленіи былъ такъ значителенъ, что латыши рѣшили періодически устраивать подобныя торжества. Послѣдующіе пѣвческіе праздники стали собирать все больше и больше участниковъ. Такъ, въ 1880 г. — 2550 челов., въ 1897 г. — 3000 ч., въ 1895 г. — 5000 чел. Послѣдній такой праздникъ, состоявшійся въ іюнѣ 1910 г., собралъ участниковъ немного меньше, вслѣдствіе произошедшаго теперь разлада между отдѣльными группами латышей, но въ художественномъ отношеніи онъ вызвалъ къ себѣ большой интересъ даже среди другихъ національностей.

Пѣвческія празднества несомнѣнно способствовали тому, что наиболѣе способные къ музыкѣ латыши стали охотно поступать въ консерваторіи, и у нихъ появились свои композиторы, которые серьезно занялись музыкой. Нѣкоторые изъ такихъ латышей теперь уже состоятъ профессорами русскихъ консерваторій. Нужно добавить, что латышскіе композиторы не порвали связи со своимъ народомъ, а наоборотъ, постарались изучить и обработать родныя мелодіи. Такъ, преподаватель Харьковскаго отд. Имп. Р. М. Общества, А. Юрьянъ, объѣздилъ край и записалъ большое количество мелодій, которыя издалъ подъ названіемъ „Музыкальные матеріалы латышскаго народа." Этотъ трудъ является самымъ полнымъ и лучшимъ изъ того, что имѣется въ данной области.

Другой латышскій композиторъ, И. Витоль, состоитъ въ настоящее время профессоромъ С.-П. Консерваторіи. Онъ также далъ прекрасныя хоровыя пѣсни, за которыя между прочимъ удостоился въ 1910 г. преміи Глинки. Въ своемъ творчествѣ Витоль весьма разностороненъ. Его композиціи для рояля,

романсы и симфоніи пользуются у латышей большой популярностью.

Изъ позднѣйшихъ латышскихъ композиторовъ особенно выдѣлился А. Кальнинъ своими пѣснями и романсами для одного голоса. Критика отмѣчаетъ, что Кальнинъ въ своихъ произведеніяхъ лучше другихъ отразилъ духъ латышскаго народа.

Среди молодыхъ талантливыхъ композиторовъ особаго вниманія заслуживаетъ преждевременно умершій Э. Дарзинь.

Изъ отдѣльныхъ артистовъ и артистокъ прежде всего нужно отмѣтить концертную пѣвицу Мальвину Вигнеръ, скрипача Ив. Лаздыня, виліончелиста Фогельмана, піанистовъ Даугуля и Дзерве, органиста Л. Бетинга, состоящаго профессоромъ Московской Консерваторіи по классу органа и фортепіано. Въ области обученія вокальному искусству слѣдуетъ отмѣтить П. Юрьяна, преподавателя пѣнія Рижск. Отдѣленія Имп. Музыкальнаго Общества.

За послѣднее время у латышей появились свои музыканты-теоретики, среди которыхъ болѣе извѣстны: Алунанъ и Мелнгайлсъ.

Характерными особенностями латышской музыки являются, по мнѣнію самихъ латышей, „простота и ясность формъ, господство мелодіи надъ гармоніей и ритмомъ, меланхоличность, монотонность и глубокій лиризмъ."

По мнѣнію русскаго критика, Вс. Чешихина, „предки латышей принесли изъ западной Азіи ту пятитонную древнѣйшую гамму, которая лежитъ въ основѣ древнѣйшей русской народной пѣсни. Но обработка латышской народной пѣсни по средневѣковымъ грегоріанскимъ ладамъ, примѣненнымъ къ русской пѣснѣ Глинкой, началась лишь недавно подъ вліяніемъ латышей, побывавшихъ въ русскихъ консерваторіяхъ. . . Латышская пѣсня пока чаще всего гармонизуется „не къ лицу" по нѣмецкимъ образцамъ. Но даже и въ этомъ видѣ она хранитъ свой оригинальный складъ, отчасти славянскій (постоянныя колебанія между мажоромъ и миноромъ). . . .

Интересная особенность латышскаго хорового стиля: пѣніе на два хора, мужской и женскій, какъ на Руси въ пѣснѣ: „А мы просо сѣяли."

Знаменитая итальянская оперная пѣвица Алиса Барби, супруга Прибалтійскаго барона Вольфа, изучивъ латышскія пѣсни въ имѣніи своего мужа, исполнила нѣкоторыя изъ нихъ въ Вѣнѣ. По отзывамъ газетъ „пѣсни имѣли бурный успѣхъ."

Старинные музыкальные инструменты.

„Куокле" (kuokles). Р. Л. Музей. Фот. автора.
(Сбоку вырѣзаны письмена, имѣющія сходство, по опредѣленію М. Силиня, съ греческимъ алфавитомъ VI в. На инструментѣ имѣются даты 1232, 1582 и 1757 г.)

Музыкальные инструменты играли очень важную роль въ жизни латышскаго народа; объ этомъ говоритъ разнообразіе ихъ и широкое распространеніе.

Среди струнныхъ инструментовъ самымъ излюбленнымъ, несомнѣнно, была „куокле" (kuokles), родъ цитры, встрѣчаемой у сосѣднихъ народовъ почти подъ такимъ же названіемъ: „kankles" — у литовцевъ, „kantele" — у финновъ, „kannel" — у эстовъ, „kaddeles" — у лапландцевъ.

„Куокле" имѣетъ видъ трапецоида. Струны, числомъ 5—12, укрѣплены такимъ образомъ, что могутъ настраиваться. Инструментъ этотъ обычно украшенъ рѣзьбой, а происхожденіе его увито легендами.

Въ одной сказкѣ говорится, какъ нѣкій юноша помогъ выбраться старику изъ болота,

въ которомъ тотъ чуть-было не завязъ. Старикъ изъ благодарности подарилъ своему спасителю „куокле“ и сказалъ: „Богатство тебѣ не нужно, возьми лучше эту „куокле“.

Когда сдѣлается тебѣ тяжело на душѣ, то играй на ней, и пропадутъ всѣ печали твои и заботы. Людямъ часто недостаетъ того, чего нельзя получить ни за золото, ни за серебро: недостаетъ имъ покоя душевнаго. Играй на этой „куокле“ и другимъ людямъ на утѣшеніе“.

„Куокле“ дѣлали изъ разнаго дерева, но чаще всего, видимо, изъ липы, на что указываютъ народныя пѣсни. Въ одной изъ нихъ излагается исторія о томъ, какъ младшая и любимая въ семьѣ дочь уронила въ рѣку золотое кольцо, когда же она хотѣла достать его, то упала въ воду и утонула. Рѣка унесла ее въ море, а море потомъ выбросило ея бездыханный трупъ на берегъ. На томъ мѣстѣ выросла кудрявая липа, у которой было девять вѣтвей. На девятомъ году пришли сюда братья утонувшей, срубили липу и сдѣлали изъ нея „куокле“. Когда они стали играть на „куокле“ въ присутствіи матери, то послѣдняя горько заплакала и сказала: „Какъ жалобно звучитъ эта „куокле“; такъ пѣла моя любимая дочь, которая всегда обувала мнѣ ноги и стлала постель“ *).

Другой струнный инструментъ „spēle“, „geiga“ или „gīga“ можно считать чисто латышскимъ; по внѣшнему виду онъ напоминаетъ „куокле“, но имѣетъ только одну струну. Играли на такомъ инструментѣ съ помощью самаго примитивнаго смычка, смазаннаго сосновой смолою**). „Gīga“ и до сихъ поръ встрѣчается у латышей.

Иногда къ латышскимъ музыкальнымъ инструментамъ относятъ „цимбалы“ (cimbuoles). Подлежитъ однако сомнѣнію, чтобы этотъ инструментъ имѣлъ большое распространеніе въ латышскомъ краѣ.

Среди духовыхъ инструментовъ самымъ простымъ и, вѣроятно, наиболѣе древнимъ является дудочка, сдѣланная изъ вербы или другого дерева (kārklu svilpe или stabule).

*) Сказаніе это имѣетъ миѳологическій смыслъ. Такъ, подъ „золотымъ кольцомъ“ нужно подразумѣвать „солнце“, подъ „младшей дочерью“ въ семьѣ — „вечернюю зорю“, подъ плачущей матерью — „весенній дождь“. Цифра „девять“, упоминаемая здѣсь два раза, также имѣетъ особое значеніе у латышей. М. С.

**) Инструментъ „gīga“ можно разсматривать, какъ прообразъ скрипки. М. С.

Гораздо большее значеніе въ жизни латышскаго народа имѣлъ „козлиный рогъ“ (āža rags или buka rags).

Какъ показываетъ первое названіе, дѣлали его изъ козлинаго рога, который просверливали на тонкомъ концѣ и прорѣзывали еще отверстія сбоку, по всей длинѣ рога. Для полученія звука дули не только въ переднее отверстіе, но и въ боковыя. Звукъ получался рѣзкій и былъ слышенъ на далекое разстояніе; поэтому имъ пользовались при скличкѣ пастуховъ и при другихъ полевыхъ работахъ. Когда возили навозъ въ поле, трубили медленнымъ темпомъ; когда кто-нибудь кончалъ работу, то трубилъ ускореннымъ темпомъ.

Интересенъ обычай, въ силу котораго юноша, собиравшійся осенью жениться, долженъ былъ передъ тѣмъ въ теченіе всей весны и лѣта трубить въ рогъ.

Въ народныхъ пѣсняхъ упоминается еще труба „taure“. Названіе это имѣетъ сходство съ латинскимъ „Taurus“, греческимъ „Tauros“, что значитъ быкъ, а также съ русскимъ „туръ“. Все это заставляетъ предполагать, что дѣлали „Taure“ изъ рога животнаго; но въ народныхъ пѣсняхъ говорится также о рогахъ изъ мѣди (Wara taure)*) и о рогахъ изъ дерева, обвитыхъ берестой (Tāšu taure).

Духовые инструменты: 1) āža rags, 2) и 3) taure. Р. Л. Музей. Фот. автора.

Къ числу духовыхъ инструментовъ нужно отнести еще всѣмъ извѣстную во-

*) Латышскіе металлическіе инструменты, хотя бы и новѣйшаго фабричнаго происхожденія, до сихъ поръ носятъ названіе „Taure“.

Въ Рижскомъ „Домскомъ“ музеѣ хранятся остатки одного мѣднаго рога (wara-taure), добытаго изъ могильниковъ, а въ музеѣ Р. Лат. Общества имѣется турій рогъ (taure), окованный бронзою, и много деревянныхъ роговъ, обвитыхъ берестой (tāšu taure).

М. С.

лынку „dūnas“ или „suomu stabules“, которая иногда встрѣчается у курляндскихъ латышей.

Интересно, что въ латышскомъ языкѣ имѣется другое близкое слово: „dūdas“. Нѣкоторые латышскіе этнографы даютъ намъ описаніе такого инструмента.

„Dūdas“ представлялъ изъ себя деревянную доску, длиною футовъ въ 5 и шириною дюйма въ 3; на доску съ высушеннымъ пузыремъ натягивали двѣ струны, на которыхъ играли при помощи смычка. Этотъ инструментъ можно расматривать, какъ видоизмѣненіе вышеописаннаго „gīga“.

Очень оригинальнымъ и древнимъ, но весьма примитивнымъ, инструментомъ является „spieganas“, т. е. „пищалка“, отъ слова „spiegt“ (пищать). „Spieganas“ представляетъ изъ себя кусокъ дерева со щелью, въ которую вставляли березовую кору или осоку и дули въ нее. Получался звукъ, какимъ насъ и теперь оглушаютъ дѣти, когда, заложивъ между ладонями траву, дуютъ внутрь.

Въ большомъ употребленіи были у латышей инструменты для выбиванія такта, напр., „Bungas“, въ родѣ восточнаго „тамъ-тамъ“. Дѣлался онъ изъ мѣди или дерева, но уже давно вышелъ изъ употребленія.

Во время свадебныхъ пиршествъ женщины употребляли особый инструментъ „Puškaitis“ или „eglite“, т. е. елочку. Верхушку елки, очищенную отъ хвои, украшали разными побрякушками; подъ аккомпаниментъ этого инструмента пѣли такъ называемыя „насмѣшливыя пѣсни“. Обычно такихъ инструментовъ на каждой свадьбѣ было три: одинъ у невѣсты, другой у какой-либо изъ молодыхъ дѣвицъ и третій у молодой женщины, сопровождавшей невѣсту. „Eglite“ послѣ перваго свадебнаго вечера припрятывали до другой свадьбы въ семьѣ.

Такіе же „Puškaitis“ изъ желѣза, бронзы и другихъ металловъ называются „Trideksnis“.

„Trideksnis“. Р. Л. Музей. Фот. автора.

Алкоголь и борьба съ нимъ.

Чтобы судить о томъ, поскольку въ настоящее время латыши подвержены алкоголю, достаточно привести послѣднія данныя статистики*), изъ которыхъ видно, что пьянство растетъ на этой окраинѣ „быстрѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Россіи".

Причина широкаго распространенія пьянства среди латышей кроется главнымъ образомъ въ тѣхъ привилегіяхъ, которыя были дарованы землевладѣльческому классу населенія еще при королѣ Сигизмундѣ II, а затѣмъ подтверждены при завоеваніи края Россіей.

Только съ введеніемъ винной монополіи во всей Россіи дворянамъ пришлось отказаться отъ нѣкоторыхъ исключительныхъ правъ на продажу спиртныхъ напитковъ. Однако до сихъ поръ этотъ вопросъ остается не вполнѣ разрѣшеннымъ и служитъ предметомъ горячихъ споровъ въ печати.

Статья 888 кодекса 1864 г., перечисляя особыя права, присвояемыя собственнику дворянской вотчины, прямо указываетъ на исключительныя права винокуренія, пивоваренія, права продажи хлѣбнаго вина и пива, права содержать корчмы и пивныя.

Въ Прибалтійскомъ краѣ водка была дешева, и достать ее было легко, хлѣба же не хватало, такъ какъ онъ шелъ въ огромномъ количествѣ на винокуреніе, и мука въ хлѣбѣ постепенно вытѣснялась мякиной. (Ю. Самаринъ.)

Хлѣбъ въ цѣнѣ доходилъ до 2 рублей серебромъ за пудъ, тогда какъ водка въ корчмѣ стоила всего 15 коп. штофъ, а если ее брали бочкой, то цѣна опускалась до 5 коп. за штофъ.

Распространенію пьянства способствовало въ огромной мѣрѣ еще и то обстоятельство, что крестьяне имѣли возможность обмѣнивать сельскохозяйственные продукты, особенно хлѣбъ, на водку. Установилась даже точная такса: за пуру ржи — 12 штофовъ водки, за пуру ячменя — 8 штофовъ, за пуру овса — 5 штофовъ, за пудъ льна — 15 штофовъ.

Въ началѣ 19-го столѣтія крестьяне дошли до такого обнищанія и истощенія своихъ нравственныхъ и физическихъ силъ, что сами дворяне забили тревогу, и ландтагъ 1836 года запретилъ крестьянамъ обмѣнивать хлѣбъ на водку.

Видную роль въ распространеніи пьянства сыграла корчма, въ которой во всякое время можно было получить спиртные напитки, и которая съ давнихъ поръ заняла видное положеніе въ жизни латыша.

Когда младенца везли крестить, то заѣзжали съ нимъ сперва въ корчму. Въ церковной корчмѣ латышъ ожидалъ совершенія конфирмаціи, здѣсь же онъ проводилъ время передъ бракосочетаніемъ. Въ корчмѣ за кружкой пива и рюмкой водки до сихъ поръ подготовляются выборы должностныхъ лицъ волости и учителей, обсуждаются съ разгоряченными головами важные общественные вопросы.

Пасторъ Витрокъ говоритъ, что въ корчмѣ люди безпутно проводятъ время „среди богохульныхъ рѣчей и грубыхъ шутокъ". „Многіе напиваются до безумія, забываютъ свои обязанности и проматываютъ въ потѣ лица заработанныя деньги. Часто жена, при совмѣстныхъ поѣздкахъ съ мужемъ, по-неволѣ посѣщаетъ съ нимъ корчму и бываетъ принуждена съ тяжелымъ сердцемъ и со слезами на глазахъ ожидать конца попойки; если же она осмѣливается увѣщевать мужа, то онъ набрасывается на нее съ ругательствами, а то и наноситъ побои."

Другой пасторъ считаетъ корчму виновницей уменьшенія желающихъ вступить въ бракъ и дѣлающей людей „грубыми, необузданными и жестокими."

Латышскій депутатъ второй думы, И. Крейцбергъ, на „Первомъ всероссійскомъ противоалкогольномъ съѣздѣ" указалъ, что корчмы постоянно были „гнѣздомъ всякихъ темныхъ личностей, подстрекавшихъ народъ къ самымъ сумасброднымъ дѣйствіямъ".

Въ корчмѣ впервые провозглашались и проповѣдывались пьянымъ головамъ богохульныя, антигосударственныя идеи, теоріи и ученія. Въ корчмѣ основывались и собирались разныя тайныя общества.

Въ корчмѣ латышскій депутатъ видитъ „коренную причину своеобразной революціи въ Остзейскомъ краѣ."

До введенія винной монополіи въ 1889 году насчитывалось въ Прибалтійскомъ краѣ 3.589 корчемъ. По нѣкоторымъ дорогамъ онѣ встрѣчались черезъ каждыя 2 версты; у церквей же онѣ группировались по нѣскольку.

Среди послѣднихъ можно было встрѣтить не такъ еще давно, лѣтъ 10 тому назадъ, съ весьма оригинальной вывѣской — „Церковная корчма". Происхожденіе церковныхъ корчемъ весьма характерно для края.

Видя, какіе доходы извлекаютъ дворяне отъ винокуренія и продажи водки, нѣкоторые

*) „Ежегодникъ Россіи" М. В. Д. 1909 г.

лютеранскіе пасторы стали хлопотать о разрѣшеніи и имъ заняться этимъ „дѣломъ", что и было уважено Министромъ юстиціи. Указомъ отъ 7 авг. 1774 года разрѣшалась „выдѣлка спирта въ пасторатахъ въ такомъ размѣрѣ, сколько уродилось хлѣбовъ въ оныхъ."

Послѣ введенія винной монополіи количество корчемъ значительно сократилось, но доходъ владѣльцевъ нисколько не пострадалъ. Теперь за аренду одной корчмы платятъ столько же, какъ прежде за нѣсколько. Весьма важно отмѣтить, что со времени введенія винной монополіи потребленіе водки въ Прибалтійскомъ краѣ не только не уменьшилось, но стало увеличиваться, а кромѣ того, здѣсь еще пьютъ въ большомъ количествѣ пиво, по потребленію котораго главный городъ края, Рига, занимаетъ 1-ое мѣсто среди всѣхъ городовъ Россіи, а именно, въ годъ — $8^1/_2$ ведеръ на душу.

Противоалкогольныя общества.

Общества, поставившія себѣ цѣлью борьбу съ пьянствомъ, начинаютъ развиваться у латышей только за самое послѣднее время, но идеи, проводимыя этими обществами, существовали въ народѣ уже давно.

Впервые антиалкогольное движеніе возникло въ краѣ въ 40 годахъ истекшаго столѣтія. Пасторъ Трей, издававшій первый латышскій печатный органъ „Другъ латышскаго народа", помѣстилъ въ немъ горячую и убѣдительную статью противъ алкоголя, которая имѣла большой успѣхъ среди широкихъ слоевъ населенія.

Проповѣдью трезвости занялись и другіе пасторы въ краѣ, такъ что честь ознакомленія латышскаго народа съ вредомъ алкоголя принадлежитъ лютеранскому духовенству, въ лицѣ лучшихъ его представителей. Крестьяне толпами шли къ пасторамъ и скрѣпляли своей подписью клятвенное обѣщаніе не пить. Въ народѣ появились свои апостолы трезвости, которые переходили съ одного мѣста на другое, вели пропаганду и собирали подписи. Закаивались не пить иногда цѣлые приходы, включавшіе въ себя до 7 тысячъ человѣкъ (напр., Маріенбургскій).

Успѣхъ антиалкогольнаго движенія пасторъ Витрокъ объясняетъ тѣмъ, что латышскіе крестьяне надѣялись этимъ способомъ заставить дворянъ закрыть ихъ питейныя заведенія и добиться такимъ образомъ облегченія тяжелой барщины, „усугубленной непосильными работами на винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводахъ."

Каково же въ то время было положеніе крестьянъ, мы можемъ судить по описанію Ю. Самарина въ „Окраинахъ Россіи." Авторъ приводитъ слова очевидцевъ: „Я видѣлъ, говоритъ одинъ изъ нихъ, какъ плакали батраки, когда отправлялись на винокуреніе и пивовареніе. Они одѣвали по двѣ рубашки, чтобы не было такъ больно отъ палочныхъ ударовъ, безъ которыхъ работа не обходилась. Я видѣлъ, какъ смазывали свои израненныя плечи крестьянскія дѣвушки, возвращавшіяся домой съ работы."

„Всѣ силы крестьянамъ приходилось отдавать на барщину и оставлять свои поля необработанными."

Первая попытка организовать антиалкогольное общество была сдѣлана въ 1836 году, но окончилась неудачей. Уставъ, выработанный пасторомъ Кельбрантомъ и подписанный 50 крестьянами, утвержденія не получилъ. Мало того, приказомъ отъ 26 сентября 1838 года консисторія запретила пасторамъ собирать подписи среди крестьянъ объ отказѣ ихъ отъ спиртныхъ напитковъ.

Тщетно нѣкоторыя, даже высшія духовныя лица, протестовали противъ такого распоряженія, напр., епископъ Ульманъ писалъ: „Самъ Богъ указалъ намъ на трезвость, какъ мѣру борьбы противъ пьянства и средство поднятія нравственнаго уровня народа." „Даже синодъ въ 1839 г. постановилъ просить консисторію объ отмѣнѣ приказа." Но все было напрасно. Интересы владѣльцевъ водочныхъ и пивоваренныхъ заводовъ въ краѣ были поставлены на первый планъ, и организаціи, вредившія этому, считались недопустимыми.

Организованными противоалкогольными обществами того времени можно признать лишь братства гернгутеровъ, которые требовали отъ своихъ членовъ строгаго образа жизни вообще и воздержанія отъ алкогольныхъ напитковъ въ частности.

Добиться утвержденія общества трезвости латышамъ удалось лишь въ самое недавнее время, именно въ 1891 г.

Впрочемъ, на первыхъ порахъ противоалкогольныя общества, основавшіяся въ Ригѣ и въ другихъ городахъ латышскаго края, не сумѣли снискать расположенія къ себѣ ни среди простого народа, ни среди интеллигентныхъ круговъ, ни у печати. Поэтому нѣкоторыя общества закрылись, другія перешли въ руки баптистовъ.

Только въ 1900 году замѣчается нѣкоторое оживленіе въ ихъ дѣятельности. Обществу „Аусеклисъ" удалось осуществить

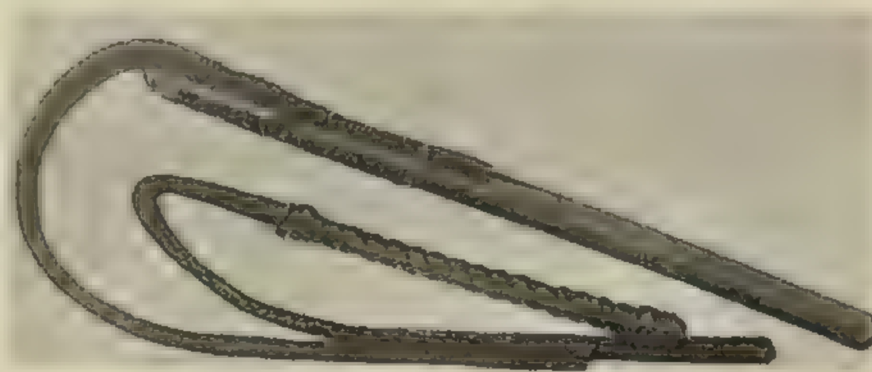
устройство въ Ригѣ народнаго дома. Для этой цѣли оно заарендовало въ рабочемъ кварталѣ города особое большое помѣщеніе и открыло въ немъ чайную, столовую, книжную лавку, библіотеку-читальню и театръ.

Вскорѣ удалось устроить и 2-ой такой же домъ въ предмѣстьѣ Риги.

Къ 1905 году дѣятельность и вліяніе противоалкогольныхъ обществъ сильно возросли, а такъ какъ это время совпало съ народными волненіями въ краѣ, то общества старались проводить ту мысль, что улучшеніе экономическаго, общественнаго, политическаго и правового положенія латышей немыслимо безъ освобожденія ихъ отъ власти алкоголя.

Въ 1906 году сгорѣлъ народный домъ общества „Аусеклисъ", но общество продолжало свою дѣятельность, заключавшуюся въ устройствѣ чтеній, въ изданіи брошюръ, календаря и журнала.

Теперь въ латышскомъ краѣ основались и существуютъ 24 общества трезвости, при этомъ важно отмѣтить, что многія профессіональныя и особенно просвѣтительныя общества однимъ изъ параграфовъ своего устава ставятъ необходимость борьбы съ алкоголемъ, такъ что „антиалкогольное движеніе среди латышей является нераздѣльной частью общекультурнаго движенія народныхъ массъ." И въ самодѣятельности послѣднихъ можно видѣть залогъ успѣха въ борьбѣ съ алкоголемъ.

Хлѣбныя плети „Maizes pātagas" (батаги)
(употреблялись въ крѣпостное время между прочимъ и при выдачѣ дарового хлѣба). Р. Л. Музей. Фот. автора.

Заключеніе.

Латыши о русскихъ и русскіе о латышахъ.

Въ заключеніе интересно познакомиться съ тѣмъ, какъ латыши относятся къ русскимъ и наоборотъ, какія впечатлѣнія выносятъ русскіе изъ знакомства съ латышами.

Юбилейныя торжества, происходившія въ г. Ригѣ въ іюлѣ 1910 г. по случаю исполнившихся 200 лѣтъ со времени присоединенія края къ Россіи, явились подходящимъ моментомъ для латышской печати высказаться объ отношеніи латышей къ русскимъ.

Всѣ латышскія газеты, самыхъ различныхъ направленій, пришли къ заключенію, что „лучшая пора для латышскаго народа настала лишь при господствѣ русскихъ въ краѣ".

Самая распространенная газета „Дзимтенесъ Вестнесисъ" отозвалась на юбилей такъ: „Для латышей, хотя и не скоро, но всетаки настали новыя времена, поставившія нашъ небольшой народъ въ лучшія условія жизни".

По словамъ „Латвіи", „свое духовное пробужденіе къ болѣе свѣтлой, лучшей жизни послѣ вѣковой тьмы и бѣдствій латышскій народъ сталъ переживать подъ покровомъ великой Россіи".

Прогрессивная газета „Я. Д. Лапа" коснулась реформъ, произведенныхъ въ краѣ русскими: „Въ теченіе этихъ двухъ вѣковъ русскими проведено много реформъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ остались на полпути. Нѣмецкое дворянство сохранило за собой много отжившихъ свой вѣкъ привилегій и экономическихъ преимуществъ. Мы въ правѣ надѣяться, что и въ этомъ направленіи будутъ произведены реформы, которыя послужатъ на благо широкимъ кругамъ населенія".

Консервативная „Ригасъ Авизе" сравнила положеніе латышскаго народа 200 лѣтъ тому назадъ и теперь: „Въ тѣ времена Прибалтійскій край назывался нѣмецкой провинціей. О латышахъ тогда знали только то, что они рабочая сила. Никакой окраски краю они не давали. Латыши нигдѣ не пользовались правомъ голоса. Но теперь, спустя 200 лѣтъ, мы видимъ латышскій народъ, стоящимъ наравнѣ съ нѣмецкимъ и самостоятельно празднующимъ юбилей присоединенія къ великой Россіи".

Такія симпатіи высказывались латышской печатью не только въ юбилейные торжественные дни, но еще и въ 1906 году органами самаго либеральнаго направленія. Такъ, закрытая газета „Балсъ" писала: „Значительной части русскаго народа латыши также мало извѣстны, какъ эскимосы. Многіе русскіе даже не дѣлаютъ различія между нами и нѣмцами. Что же сдѣлали латыши для того, чтобы ознакомить русскихъ со своей жизнью? Знакомы ли русскіе съ лучшими произведеніями латышской литературы, вѣрнѣе и лучше всего отражающей жизнь?".

Газета находила, что „члены государственной думы отъ нашего края не познакомили въ С.-Петербургѣ другихъ депутатовъ съ нашимъ краемъ.

Латышскіе депутаты должны идти рука объ руку съ русскими.

Интересы латышей требуютъ сближенія съ великимъ русскимъ народомъ".

Такого же мнѣнія придерживается латышская печать и въ настоящее время. Въ передовой статьѣ отъ 1-го декабря 1910 г. въ прогрессивной газетѣ „Я. Д. Лапа" проводится та же мысль.

„У латышей тѣ же стремленія, какъ и у русскихъ. Эти стремленія заключаются въ томъ, чтобы содѣйствовать процвѣтанію государства и давать народу возможность свободно развивать свою дѣятельность для достиженія общаго благополучія. Поэтому-то уже издавна наблюдается культурное сближеніе латышей съ русскими, съ идеями русскихъ мыслителей, съ русской литературой и искусствомъ".

Когда въ „Русскомъ обществѣ просвѣщенія курляндской губерніи" возникла мысль „о взаимной поддержкѣ и совмѣстной работѣ русскихъ и латышскихъ просвѣтительныхъ учрежденій", то латышская печать очень сочувственно встрѣтила это начинаніе.

Газета „Латвія" нашла, что „такое сближеніе русскихъ и латышей особенно цѣнно для болѣе глухихъ уголковъ мѣстнаго края, гдѣ сильнѣе всего чувствуется, что латышамъ русскіе ближе, чѣмъ нѣмцы".

О томъ, какъ латыши относятся къ русскому православному духовенству, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, когда въ 1910 году уѣзжалъ изъ Риги православный архіепископъ Преосвященный Агаѳангелъ, пробывшій здѣсь въ самое тяжелое время, именно въ 1905 и 1906 году, то латыши, не только православные, но и лютеране, высказали ему и лично, и въ печати самыя искреннія симпатіи. Газеты объяснили это тѣмъ, что „мѣстное православное духовенство стоитъ къ населенію ближе, чѣмъ лютеранскіе пасторы".

Русскіе снискали себѣ симпатіи у латышей по вполнѣ естественнымъ причинамъ.

Достаточно вспомнить „труды“ и вообще всю дѣятельность Юрія Самарина въ серединѣ истекшаго столѣтія. Этотъ убѣжденный русскій патріотъ и вліятельный человѣкъ не только всѣ свои лучшіе годы посвятилъ работѣ для улучшенія положенія туземнаго населенія Прибалтійскаго края, но и пожертвовалъ капиталъ для просвѣщенія латышей и эстонцевъ, и въ концѣ концовъ поплатился даже тюрьмою.

Весьма важно отмѣтить, что русскіе, посѣщавшіе латышскій край въ годы народныхъ волненій и смотрѣвшіе на положеніе дѣлъ безъ предвзятыхъ мыслей, даже въ такое время выносили о латышахъ впечатлѣніе въ пользу ихъ.

Такъ, А. А. Столыпинъ, побывавшій въ Прибалтійскомъ краѣ въ 1906 году, писалъ въ „Новомъ времени“: „Наша Балтика крѣпко придавлена гранитными замками. Латыши — это тотъ народъ, съ которымъ никогда не разговаривали. Латыши — это тѣ родители, которые должны цѣловать руку помѣщика въ присутствіи дѣтей — студентовъ. Латыши представляютъ собою элементъ не анархіи, а порядка, не разрушенія, а созиданія“.

Бывшій курляндскій губернаторъ Князевъ, пробывшій на своемъ посту съ 1905 по 1910 г. и заслужившій расположеніе къ себѣ въ нѣмецкихъ кругахъ, въ своемъ докладѣ о состояніи губерніи выразился, что „ядро латышскаго народа здорово“, что „среди латышей нѣтъ недостатка въ политически зрѣлыхъ и дальновидныхъ дѣятеляхъ“*).

Латышъ — земледѣлецъ, поэтому особеннаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе о латышахъ Н. А. Крюкова, хорошо знакомаго съ жизнью крестьянъ въ Даніи и Норвегіи.

Съ цѣлью изучить Прибалтійскій край въ сельскохозяйственномъ отношеніи, Крюковъ побывалъ здѣсь въ 1910 г. Его глубоко заинтересовало само населеніе, такъ какъ ему приходилось постоянно входить въ интересы и нужды крестьянъ. Поэтому весьма интересны его впечатлѣнія о латышахъ вообще, какъ народѣ и какъ гражданахъ Россіи.

„Въ Россіи, говоритъ Н. А. Крюковъ, были убѣждены, что всѣ латыши — революціонеры. Вовсе нѣтъ. У нихъ были революціонеры, но огромное большинство хозяевъ настолько консервативны въ своихъ убѣжденіяхъ, что нельзя и никакой мысли допустить, чтобы они желали у себя какой-то республики. Населеніе это очень трудолюбивое, весьма религіозное*) и чрезвычайно добропорядочное.

*) Рижская Мысль. 13 сентября 1910 г.

Я былъ во многихъ мѣстахъ, говорилъ со многими людьми и вынесъ совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ то, что мнѣ говорили нѣмцы.

Латышей въ сельскохозяйственномъ отношеніи можно только поставить въ примѣръ нашему населенію; ихъ энтузіазмъ въ отношеніи общественныхъ организацій прямо достоинъ подражанія“.

Въ заключеніе Н. А. Крюковъ не можетъ удержаться, чтобы не пожелать скорѣйшаго осуществленія реформъ этому „симпатичному народу, существующему тяжелымъ трудомъ“.

„Главное, что нужно латышамъ — это *земскія учрежденія*. Мы видимъ изъ цифръ, какъ велико латышское населеніе и какъ мало нѣмецкое, но послѣднее имѣетъ всѣ привилегіи, а второе никакихъ. Въ особенности, что угнетаетъ крестьянское населеніе, это неравномѣрность натуральныхъ повинностей.

Вторая нужда этого края — *пересмотръ законовъ*. Въ Прибалтійскомъ краѣ существуетъ особое положеніе. Въ основаніи законовъ этого положенія лежатъ грамоты какихъ-то давно забытыхъ архіепископовъ, герцоговъ, принцессъ, которые жили нѣсколько столѣтій назадъ. Фактически населеніе въ Прибалтійскомъ краѣ лишено правъ, которыми въ другихъ частяхъ Имперіи пользуются всѣ. Напр., у насъ въ Европейской Россіи каждый владѣлецъ земли можетъ въ своемъ имѣніи ловить рыбу, охотиться, строить на своей землѣ мельницу или другое промышленное предпріятіе, и никто ему этого запретить не можетъ.

Въ Прибалтійскомъ краѣ другіе порядки: право охоты и рыбной ловли присвоено только помѣщикамъ, и это на участкахъ, принадлежащихъ крестьянамъ.

Мало того, постановленія волостныхъ правленій кассируются вотчинными правле-

*) Относительно религіозности латышей съ мнѣніемъ Н. А. Крюкова нельзя вполнѣ согласиться, особенно, если принять во вниманіе городское населеніе. Доказательствомъ чему могутъ служить слова пробста Ирбе, произнесенныя при освященіи новаго зданія латышскаго общества: „Рижское латышское общество, сказалъ онъ, имѣло огромное вліяніе на развитіе просвѣщенія. Главные руководители показали дорогу къ школѣ, но про дорогу, ведущую въ церковь, забыли“.

Авторъ.

ніями, — это напоминаетъ наши крѣпостные порядки; однимъ словомъ встрѣчаются такія несообразности, которыя совершенно отжили въ настоящее время, и которыя давнымъ давно пора уничтожить“.

Что коренная реформа давно уже нужна краю, лучшимъ доказательствомъ могутъ служить слова, сказанныя въ 1889 г. Императоромъ Александромъ III князю Шаховскому: „Въ будущемъ году — Богъ дастъ — введемъ земскую реформу и дворянскую, а черезъ три года не будетъ уже разницы Прибалтійскихъ губерній отъ другихъ, чисто русскихъ“.

В. ПУРВИТЪ.

Литература о латышахъ на русскомъ языкѣ.

„Изъ архива князя С. В. Шаховскаго." Матеріалы для исторіи недавняго прошлаго Прибалтійской окраины (1885—1894). Томъ I — 1909 г., Томъ II — 1909 г., Томъ III — 1910 г.

Е. В. Чешихинъ. „Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края" (4 тома). „Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ" 1885 г. „Краткая исторія Прибалтійскаго края." 1894 г.

Ю. Самаринъ. „Собраніе сочиненій." Т. I—X. (1887—1896 г.).

Н. И. Бордоносъ. „Основы поземельныхъ отношеній въ Лифляндской губ." 1904 г.

В. Земцевъ. „Къ вопросу о земскомъ самоуправленіи въ Прибалтійскомъ краѣ." Рига, 1909 г.

Н. М. Степановъ. „Землевладѣніе и землепользованіе въ Курляндской губерніи." Митава, 1909 г.

Н. М. Степановъ. „Сельскохозяйственныя отношенія въ Курляндской губерніи." Митава, 1911 г.

Н. А. Крюковъ. „Общественныя организаціи въ Прибалтійскомь краѣ и ихъ вліяніе на развитіе сельскаго хозяйства", сообщеніе въ засѣданіи Петербургскаго Собранія сельскихъ хозяевъ 26 января 1910 г. (стенограмма).

Князь С. Мансыревъ. „Землевладѣніе въ Лифляндіи". Русскій Вѣстникъ 1887 года.

„Труды перваго всероссійскаго съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ." 3 тома. Петербургъ, 1910 г.

А. Вильевъ, В. Правдинъ, М. Поповъ, М. Успенскій. „О положеніи начальнаго народнаго образованія въ Прибалтійскомъ краѣ." Рига, 1906 г.

І. Линденбергъ. „Протестантскія секты въ Прибалтійскомъ краѣ."

Розе-Лиготнисъ. „Латышская литература", „Вѣстникъ Знанія" 1909. 12.

Э. Вольтеръ. „Латыши", „Латышская литература", „Латышская миѳологія", „Латышскій языкъ", въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза, т. 17, 1896 г.

Каталогъ латышской этнографической выставки, устроенной по случаю X археологическаго съѣзда въ г. Ригѣ въ 1896 г.

Ѳ. Я. Трейландъ (Бривземніаксъ). I. „Народныя пѣсни латышей" въ „Сборникѣ Антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей принадлежащихъ" (изд. В. А. Дашкова). Москва, 1873 г. II. „Латышскія народныя пословицы и поговорки." III. „Латышскія народныя загадки." IV. „Латышскіе народные наговоры и заклинанія" въ VI книгѣ трудовъ Этнографическаго отдѣла Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. 1881 г. V. „Латышскія народныя сказки" въ „Сборникѣ матеріаловъ по этнографіи, изд. при Дашковскомъ Этнографическомъ музеѣ. Москва, 1887 г.

Отдѣльныя статьи и замѣтки о латышахъ въ рижскихъ газетахъ: **„Рижская Мысль"** и **„Рижскій Вѣстникъ"**.

Типо-литографія Шнакенбургъ, Рига, Конюшенная ул. № 5.

2007096177